

Мих. Осоргинъ

ПРИЗРАКИ

Три повѣсти

МОСКВА—1917

люблю.
московек.
педагогич.
собрания.

кв:
шкб: 4525

шкб:

полка:

место:

№:

9525/80

ч. в. № 9525. V

МИХ. ОСОРГИНЪ.

Ильин, М. А.

0.75
Задруга X

ПРИЗРАКИ.

Три повѣсти.

МОСКВА—1917.

СРОК ВОЗВРАТА КНИГЧ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 9595 г.

W

Типография В. И. Воронова, преемникъ Е. Л. Гавриленко.
Моховая, противъ Манежа, д. ки. Гагарина.

ЭМИГРАНТЪ

Сегодня одна, очень, впрочемъ, милая, старушка сказала мнѣ:
— Зачѣмъ вы такъ утомляетесь? Вамъ надо отдохнуть. Все-таки въ ваши годы пора уже начать болѣе осторожно относиться къ своему здоровью.

Сначала я подумалъ, что она остритъ. Однако она была вполнѣ серьезна. Такъ же серьезна была и ея дочка, Танечка, къ которой я давно уже практиковалъ отеческое отношеніе, и радовался, что ничего не выходитъ.

Да, Танечка не размѣялась, а напротивъ — взглянула на меня сочувственно-серьезно.

Эти два юныхъ глаза меня смутили. Торопливо отсчиталъ въ умѣ двадцать лѣтъ. Да... Танечка могла бы быть моей дочерью... Какъ это неприятно, однако! Какъ же я не подумалъ объ этомъ раньше?

Когда я былъ третьеклассникомъ, я ежедневно влюблялся. Это было видно по глазамъ, и мать всегда говорила мнѣ:

— Твоя невѣста, Сережа, еще не родилась; всѣ эти дѣвочки, гимназистки твои, тебѣ не пара: стары очень для тебя.

Она была практической женщиной и платонической любви не понимала.

И съ этимъ сознаниемъ, — что моя невѣста еще не родилась, — я жилъ до сихъ поръ. Какъ ни удивительно, но только сегодня, послѣ этихъ странныхъ словъ милой старушки, послѣ этого сочувственнаго взгляда Танечки, я ясно представилъ себѣ, что моя невѣста, если есть такая, не только родилась, но уже не дѣвочка, не гимназистка, не курсистка даже. Ну, конечно! Ей уже за тридцать! Богъ мой! Быть-можетъ, она уже замужемъ, мать семейства.

До сорока мнѣ остается одинъ годъ. Подошелъ къ зеркалу — какъ будто ничего. Съдыхъ волосъ не больше десятка, въ бородѣ всего одинъ; его можно вырвать. Есть мелкія морщинки на лбу — но это отъ пережитого, отъ думъ, а не отъ возраста. Не правда ли? Вѣдь это отъ пережитого? Я пережилъ-таки!

А вдругъ милая старушка скажетъ:

— Пережилъ, это вѣрно; на это и года ушли...

Да, но вѣдь мало! Я какъ разъ теперь-то и хочу жить. Позвольте! Какъ же такъ? Какъ же такъ вдругъ, странно какъ-то!

Я только на-дняхъ рассказывалъ Танечкѣ, какъ я странно жилъ. И правда странно! Я былъ старымъ мальчикомъ, Танечка. Тоненькимъ, худымъ, болѣзненнымъ, старенькимъ. У меня были большіе задумчивые глаза, и дѣвочки меня любили и боялись; онѣ боялись, что я слишкомъ умный и все думаю о книжкахъ. А это была неправда—я о нихъ, о дѣвочкахъ, думалъ не меньше, только не смѣлъ въ этомъ даже и себѣ признаться. А по ночамъ — я былъ набожный — я слѣзалъ съ кровати на холодный полъ, становился передъ образомъ на колѣни и читалъ быстро, скороговоркой, двадцать разъ подъ рядъ „Отче нашъ“; а потомъ прибавлялъ:

— Господи! Соедини меня узами законнаго брака съ рабой твоей Катериной, или, если нельзя, съ рабой Женей!

А потомъ разъ пятьдесятъ стучалъ лбомъ въ полъ, тоже быстро, чтобы скорѣе окончить положенное.

Юношей я тоже былъ блѣднымъ и худымъ, и это мнѣ шло. Было у меня съ десятокъ романовъ. Всѣ свои романы я проводилъ со скептической улыбкой, такъ какъ считалъ это глупостями. На видъ былъ дерзковать, а въ душѣ очень робокъ; никогда не рѣшался поцѣловать руку у дѣвушки, которая мнѣ нравилась. Читалъ я тогда много, и въ кружкѣ зеленой молодежи считался авторитетомъ. А въ душѣ я сильно завидовалъ тѣмъ товарищамъ, которые были развиты меньше меня, но были здоровы и пылки. Моя скептическая улыбка меня же и убивала.

А потомъ вышло еще хуже, Танечка. Когда я былъ въ вѣпшемъ возрастѣ и учился въ университетѣ, я вдругъ совсѣмъ состарился, скучнымъ сталъ, и уже дѣйствительно пересталъ интересоваться жизнью; и заниматься пересталъ, и романы бросилъ. И скучно мнѣ было, Танечка, ужасно! Раньше я только притво-

ялся разочарованнымъ, а тутъ и вправду сталъ такимъ. Въ то время политики въ университетѣ было мало; дѣлали мы иногда беспорядки, но больше во имя „чести студенческаго мундира“; академизмъ царилъ у насъ, автономіи добивались, педелей боялись. Разъ меня выслали, такъ себѣ—зря, потомъ вернули, ну, я и разочаровался окончательно: дѣтская забава. И дошелъ я, Танечка, до того, что сдѣлался скучнѣйшимъ юношей, окончательнымъ старцемъ. Жизнь была передо мной, а я ея не бралъ и не хотѣлъ брать. Иногда нылъ, но скоро и ныть надоѣло, — очень ужъ не оригинально это было, всѣ тогда ныли. Кончатъ университетъ не торопился, даже рисковалъ сдѣлаться „вѣчнымъ студентомъ“; лѣтъ восемь протрубилъ, потомъ какъ-то случайно кончилъ. Нѣкоторые товарищи уже поженились, лысыми стали, дѣтей имѣли; меня же къ семейному счастью никогда не тянуло.

Потомъ, Танечка, еще нѣсколько лѣтъ прошло... пустыхъ и безцвѣтныхъ. Не помню, чѣмъ я жилъ, да и вспоминать не хочется. Но не былъ счастливъ ни одного дня. Не читалъ, не творилъ, шагаль себѣ по избитой дорожкѣ; работалъ въ кружкахъ, не вѣря въ дѣло; сидѣлъ въ тюрьмахъ, не испытывая никакой сладости страданія. Съ тѣмъ же равнодушіемъ уѣхалъ за границу, гдѣ стало еще противнѣе. А потомъ пришла революція, и я вернулся.

И чудилось мнѣ, Танечка, что я просыпаюсь, что затеплился во мнѣ огонь какой-то. Ликовать научился, въ подвигъ сталъ вѣрить! Снова вернулся къ подпольной жизни, къ тюремнымъ шамъ; одно время готовъ былъ молиться на кусокъ красной матеріи на деревянной палкѣ, ненавистью иногда горѣлъ, приучилъ сердце любить. Да прошло и это..

Много нагрѣшилъ, бѣжалъ опять, жилъ уединенно. Въ Италіи жилъ, Танечка, въ красивой Италіи. И случилось здѣсь, что я родился.

Была весна, Танечка, а я былъ одинокъ-одинокъ. И вдругъ мнѣ захотѣлось жить. Такъ захотѣлось! Все въ памяти прошло—сѣрое дѣтство, безцвѣтная юность. Все пересмотрѣлъ, и ничего не нашелъ такого, чего не хотѣлъ бы забыть и промѣнять на одинъ мигъ сегоднешняго яснаго дня, на улыбку молодости, на любовную ласку. Все провѣрилъ — и понялъ, что личной жизни у меня не было, а для другихъ я жилъ фальшиво, не отъ всего

сердца, отъ ума скорѣе. И не было во мнѣ теплаго чувства къ прошлому, къ моему одинокому прошлому.

Вамъ, Танечка, меня жалко? Не жалѣйте, я вернулся къ жизни! Я сталъ молодѣть, даже лицомъ помолодѣлъ, а? Сталъ радоваться — всему сталъ радоваться: лазури моря, чертѣ горь, свѣтлячку, простенькой фразѣ съ лукавымъ смысломъ, нѣжному стиху, всему-всему хорошему. Послѣ многихъ лѣтъ старости, старости отъ рожденья, я сталъ изъ зрѣлаго дѣлаться юношей, порой же готовъ прыгать, какъ мальчишкѣ, готовъ бабочекъ ловить, на палочкѣ ѣздить, радоваться каждой новой заводной игрушкѣ, какую даетъ мнѣ жизнь.

А кругомъ меня, Танечка, были старцы. Они шли обратнымъ путемъ. Они прожили пылкую юность; ихъ на порогѣ жизни застала волна революціи, и захватила, и понесла, и захлебнулись они; а когда ихъ выбросило на берегъ—они очнулись разбитыми, потерявшими вѣру, негодными ни къ чему. Какъ много я видалъ такихъ въ эмигрантскихъ пунктахъ, въ Парижѣ, въ Женевѣ, въ Берлинѣ, даже въ самой Италиі. И на мертвыхъ юношей я, человекъ въ годахъ, смотрѣлъ съ жалостью искренней; да, имъ досталось хуже меня!

И потянуло меня назадъ, Танечка; въ родные края захотѣлось. Я, ожившій, делѣялъ мысль оживить другихъ. Теперь мнѣ хотѣлось говорить, дѣйствовать, жить, толкать; всю проснувшуюся энергію хотѣлось пустить въ ходъ; къ вамъ, къ юнымъ, я стремился. Хотѣлось сказать: смотрите, какой я бодрый! Смотрите, Танечка!

Танечка, а? Развѣ не правда? Развѣ не могу я быть юношей среди юношей, и, послѣ моего долгаго сна?

.....

И вотъ теперь я вспоминаю, что Танечка не отвѣтила мнѣ на это прямо. Она, помнится, сказала:

— Вы — живой человекъ, Сергѣй Ивановичъ... Только вѣдь такъ трудно понять другъ друга людямъ разныхъ поколѣній... И мы, Сергѣй Ивановичъ, не мертвые, это неправда! Но чему учить-то насъ? Сейчасъ молодежь поученій не хочетъ...

— Танечка, развѣ я говорю: учить! Нѣтъ, учиться съ вами вмѣстѣ, юной жизнью жить! Не учителемъ хочу я быть, а дру-

гомъ, Танечка, но опытнымъ, пожившимъ другомъ. Развѣ я вамъ не другъ? Танечка, а?

Танечка хорошо улыбнулась и сказала:

— Конечно, Сергѣй Ивановичъ, вы мой славный, хорошій другъ.

И руку мнѣ протянула. И стало мнѣ грустно-грустно, и милую руку я пожалъ не какъ равный, а какъ старшій.

Какъ же я въ тотъ разъ не догадался? И неужели года имѣютъ такое значеніе? Духъ-то тогда къ чему же? Мой живой, бодрый, молодой духъ!

Меня въ старики? Нѣтъ, не согласенъ!

Меня спросили:

— Вы—москвичъ?

— Да... — протянулъ я нерѣшительно.

И невольно задумался...

Я родился на сѣверѣ, учился въ Москвѣ, работалъ на югѣ, сидѣлъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ, былъ сосланъ въ Сибирь, бѣжалъ въ Лондонъ, жилъ въ Парижѣ, скучалъ въ Женевѣ, вновь родился въ Италіи...

Моя резиденція—мнѣ, мой любимый городъ — Римъ; почему мнѣ не быть и москвичомъ?

Россію я люблю — интересная, живая страна. Люблю и Италію — она была моей второй родиной. Мнѣ дорого все, что не мертво, не дышитъ догмой и программой. Если бы я могъ войти въ жизнь чужого мнѣ по рожденію народа, войти совсѣмъ, слиться съ нею прочно—я остался бы въ чужой странѣ и считалъ бы ее своею. Во мнѣ живетъ искренній космополитъ, быть-можетъ, потому, что я русскій. И если я вернулся на родину, то лишь потому, что ея языкъ для меня легче, ея жизнь мнѣ лучше знакома, здѣсь мнѣ проще стать чѣмъ-нибудь. Мнѣ казалось, что здѣсь я могу быть нужнымъ.

Для кого? Для васъ, Танечка, для юныхъ душъ; такъ мнѣ казалось. Или я ошибся?

Ахъ, Танечка, выслушайте меня! Я расскажу вамъ, какъ вернулся на родину путникъ, который обошелъ много странъ, видѣлъ много людей, прожилъ длинные дни; онъ ушелъ больнымъ

и усталымъ, а вернулся здоровымъ и бодрымъ; его исцѣлило море, волшебная природа юга, благодатный воздухъ, благодѣтельное одиночество.

Быть-можетъ, лучше бы ему не возвращаться? Вѣдь въ чужой странѣ ему было такъ уютно, такъ радостно! Но онъ вернулся.

Вернулся потому, что всегда и вездѣ, стоило лишь ему закрыть глаза, развертывалась передъ нимъ всегда одна и та же неотвязная и обольстительно-красивая картина: громадный, залитый свѣтомъ залъ, толпа молодежи, то рокошующая, то замирающая, какъ морской прибой, — а онъ на эстрадѣ, — центр вниманія, центр надеждъ, — говорить о цѣляхъ, говорить о жизни, горячо защищаетъ умершихъ боговъ, высѣкаетъ изъ мрака новыя статуи, зоветъ къ счастью, къ гармоніи счастья личнаго съ міровымъ благомъ, рвется самъ и увлекаетъ этихъ юношей въ борьбу съ индифферентизмомъ, съ безвольнымъ самодовольствомъ, съ буржуазнымъ покоемъ, съ компромиссомъ во всѣхъ его безконечныхъ видахъ, въ борьбу ради цѣли и ради самой борьбы.

Какая почва, какой жирный черноземъ! О чемъ говорили имъ? Въ былое время ихъ увлекали одними громкими округленными словами, безъ содержанія. Имъ давали красивую идею, кучу прекрасныхъ, блестящихъ идей, и своихъ, и заграничныхъ— но забывали о жизни, пренебрегали этимъ низкимъ сюжетомъ. Ихъ учили умирать за идеи— а жить за нихъ не могли научить. Потомъ ихъ стали душить цифрами, обволакивать программами, запугивать желѣзными законами и посылали ихъ на суровый аскетическій подвигъ, забывая, что они молоды, что они мало дышали небомъ. Сдѣлали догматиковъ изъ дѣтей, скопцовъ изъ молодыхъ ягнятъ. И эти вѣчныя, свѣтлыя слова: вѣра, любовь, дружба,—отмѣнили, осмѣяли, упразднили, и самое свѣтлое, высокое весеннее слово: „жертва“—одѣли въ монашескую власяницу.

Только бы вернуться! Ему будетъ легко окружить себя доврѣемъ,—вѣдь многіе его любятъ и помнятъ.

Любовь вдохнетъ онъ въ нихъ, любовь ко всему, что живо и не сонно. И ненависть вдохнетъ онъ въ нихъ—глубокую, живую, дѣятельную ненависть къ буквѣ, къ цифрѣ, догмѣ, къ смерти и сну.

Самъ молодой—онъ поклонится земно молодости, уму, сердцу и красотѣ.

Подойдетъ къ нему дѣвушка и скажетъ:

— Я иду умереть. Я не вижу цѣли въ жизни.

— А жила ли ты?

— Жила. Я училась, я работала, я любила, я ненавидѣла, я страдала. Что еще должна я дѣлать? Теперь я не живу, не люблю, не страдаю, не радуюсь. Развѣ я не госпожа своего бытія?

— Да, но сколько тебѣ лѣтъ?

— Мнѣ... семнадцать. И тѣмъ хуже, такъ какъ уже не вижу никакой радости въ жизни.

— Кузнечиковъ ты любишь?

— Какихъ кузнечиковъ?

— Простыхъ, зеленыхъ, въ полѣ. Вотъ я ихъ страстно люблю! И стрекозъ обожаю за ихъ легкость и красоту. И эту цифру „17“, цифру твоихъ лѣтъ, я люблю безумно! Я полною интереса къ этому дивному чуду, которое зовутъ наукой. Знаешь ли ты, что сулитъ намъ радій, безконечный источникъ энергіи? Или лучше вотъ, слушай: завоеванъ сѣверный полюсъ! Ты пойми лишь, что онъ не нуженъ никому—а сколько поколѣній его добивались, сколько людей сложило жизнь среди бездушныхъ льдин! И онъ завоеванъ, завоеванъ человѣкомъ, моимъ и твоимъ братомъ! Неужели и это тебя не радуетъ, не поднимаетъ? А потомъ — развѣ ты не хочешь летать? Смотри — уже и воздухъ завоевывается! Еще неуклюжи человѣческія птицы, но скоро и онѣ будутъ порхать ласточками.

— Что мнѣ до того? И вообще — кому до того какое дѣло? Вѣдь это лишь выдуманный интересъ.

— Выдуманный? Такъ что же? И прекрасно! Миражъ или дѣйствительность—какая въ томъ разница? Умѣешь ты грезить? Закрой глаза и представь себѣ тотъ безконечный міръ, котораго ты еще не видала. Пролети мыслью лишь надъ одной только землей. Смотри: вотъ Европа съ изрѣзанными моремъ берегами; вотъ холодная Норвегія, вотъ квадратикъ Испаніи и Португаліи, сапогъ Италіи... Смотри: цвѣтутъ апельсины, блестятъ на солнцѣ старые мраморы, шумитъ море... Любишь ты море?

— Я не видала моря...

— И хочешь умереть не увидавъ? О, отложи, взгляни сначала на его горизонтъ, во время легкаго прибойя спрячься за камень у берега, но крѣпче держись руками — того и гляди унесеть... Дыши соленой пылью, подставь тѣло набѣгающей волнѣ; и если ты не скажешь, что жизнь иногда прекрасна...

— Да, иногда... и для иныхъ.

— Сдѣлай ее прекрасной и для многихъ.

— Я?

— Ты. А кто же? Вѣдь тебѣ только семнадцать лѣтъ! Вся жизнь впереди.

— Какъ могу я, когда я ни во что не вѣрю...

— Увѣруй, во что хочешь.

Она подумаетъ и скажетъ:

— Нѣтъ, все это не то... Природа, красота... все это надоѣсть, какъ уже надоѣло. Я стремилась къ другому. Скажи — зачѣмъ меня обманули? Вѣдь я думала, что можно жить для другихъ, и слѣпо вѣрила въ это, я жизнь хотѣла отдать ближнимъ! Я забывала о себѣ, подавляла въ себѣ все личное...

— Какъ? А это служеніе не давало тебѣ личнаго удовлетворенія?

— Я думала, что оно даетъ, но это была ошибка. Теперь я знаю.

— Ты знаешь свою ошибку? Счастливая! Какъ рано ты начала и какъ скоро открыла то, что другіе ищутъ всю жизнь. Воистину счастливая! Тогда старайся не дѣлать больше ошибокъ. Живи для себя, лишь для себя одной.

— Но вѣдь мои глаза открыты. Я все вижу, я все знаю, я не въ правѣ уже отступать. Я уже не могу быть счастливой, когда несчастны другіе.

А онъ положить ей руку на голову, на русую головку ребенка, и скажетъ:

— Твой журчащій ручеекъ никому не нуженъ! Пусть онъ станетъ многоводной рѣкой, и тогда ты дашь другимъ стъ избытка водъ своихъ. Пока же береги для себя его свѣтлыя капли, береги ихъ для себя. Быть счастливой не можетъ быть стыднымъ.

.....
Поймите же, Танечка! Съ этимъ убѣжденіемъ, неожиданно родившимся въ моей душѣ, я ѣхалъ къ вамъ.

Не можетъ быть стыднымъ личное счастье. Давай — но давай лишь отъ избытка.

Я не вычиталъ этого изъ вашихъ книгъ, я прочелъ это въ книгѣ природы, я подслушалъ это въ шумѣ волнь, Танечка! Я уѣдровалъ въ это, какъ въ откровеніе, я сломилъ въ себѣ ветхаго Адама, я хотѣлъ создать себѣ и другимъ новый міръ, сказать новое слово...

Я пріѣхалъ, Танечка, и знаете, что я услышалъ?

— Это—старо; это извѣстно каждой гимназисткѣ! Любая изъ нихъ создастъ вамъ сложнѣйшую классификацію людей дающихъ, берущихъ, дающихъ вполнѣ, дающихъ отчасти, отъ избытка, отъ скудости—и такъ далѣе до безконечности. Все это старо, скучно, нелѣпо, даже не модно. Быть-можетъ, вы скажете просто: что дѣлать? Что мнѣ, такому-то, дѣлать въ такихъ-то обстоятельствахъ, и для чего нужно, чтобы я дѣлалъ это? Просто, въ двухъ словахъ, безъ философіи.

А я-то, Танечка, я-то глупый, я-то, старый болтунъ, полѣзъ къ вамъ съ новымъ откровеніемъ! Смѣшонъ я вамъ, Танечка?

Очевидно—я долженъ уѣхать.

Я написалъ старую, знакомую фразу. Она часто фигурировала въ моихъ прежнихъ дневникахъ; еще недавно я написалъ ее, уѣзжая въ Россію.

Очевидно—я долженъ уѣхать.

Когда мнѣ бываетъ тяжело и моя логика устаетъ, я говорю себѣ эту фразу и осматриваю чемоданъ, маленький, прочный и вмѣстительный чемоданъ, обитый холстомъ. Я беру суровую нитку, перочинный ножъ и пришиваю ослабѣвшіе ремни; потомъ я нахожу въ коробкѣ ключъ и испытываю прочность замка; затѣмъ я уѣзжаю.

Мнѣ никогда не приходится долго думать, куда я теперь направляюсь. Незамѣтно, постепенно, заранѣе въ мозгу моемъ уже создается направленіе, и къ моменту рѣшенія мой маршрутъ уже извѣстенъ. Но если мнѣ очень плохо—я ѣду въ Римъ, гдѣ такъ много вѣрныхъ друзей: статуи, колонны, молчаливый Палатинскій холмъ, знакомый трактиръ въ старой части города...

Видите ли, Танечка, вы, можетъ-быть, думаете, что я—ста-

рый, обомшальный пенъ? Нѣтъ! Вы ошибаетесь. Я—листь, сухой осенній листь, крѣпкій, какъ листь итальянской несполи. И осенью, когда дуетъ сирокко, я покидаю мѣсто и передвигаюсь туда, гдѣ мнѣ больше нравится. Я — не измятый листь, поверхность моя красна и блестяща, я могу даже отражать солнце. Я выносливъ, Танечка, я остаюсь цѣль и тогда, когда на меня наступаютъ. А вы хотите записать меня въ старики. Ха-ха! Смѣюсь я надъ вами, поблекшими майскими фіалками!

У насъ различны характеры—вотъ и все. Вы, фіалки, блекнете отъ первой непогоды, теряете аромать, покрываетесь блѣдными пятнами. Ну, а я — беру чемоданъ и уѣзжаю. Я и въ вагонѣ — дома; я разваливаюсь на лавочкѣ и потихоньку-потехоньку выпрямляю ноги и начинаю притѣснять сосѣда; если сосѣдъ скромнаго характера, онъ встаетъ съ лавочки и смотреть въ окно, а я занимаю ее цѣликомъ и дремлю; потому что я — дальній путникъ и хорошо изучилъ дорожные обычаи! И я не спрашиваю затѣмъ своего скромнаго спутника: „Не знаете ли вы какой-нибудь хорошей и недорогой гостиницы?“ Я просто, выйдя съ вокзала, говорю извозчику: „Улица такая-то, номеръ такой-то“. И ѣду, положивъ ногу на ногу и разглядывая улицу: вотъ новый домъ, вотъ знакомая вывѣска, а вотъ и знакомый французъ, или нѣмецъ, или итальянецъ—смотря по странѣ. Потому что у васъ, весеннихъ фіалокъ, есть своя клумба въ своемъ саду, а у меня нѣтъ своей клумбы и нѣтъ сада.

У меня, Танечка, нѣтъ отечества.

У меня, Танечка, было отечество—огромная страна, населенная темнымъ народомъ, хорошимъ народомъ. У меня была семья—большая семья чуткихъ, честныхъ, смѣлыхъ людей. Братья и сестры, славные братья и сестры, любимые, дорогіе... Я всегда плакалъ, когда они умирали, а умирали они часто, каждый день уносили кого-нибудь; они были не отъ міра сего. И обычно имъ крестовъ не ставили, ихъ могилъ мнѣ не разыскать. За границей, куда спасались уцѣлѣвшіе отъ эпидеміи, они не могли составить дружной семьи, они ссорились и устраивали товарищескіе суды; а я, Танечка, совершенно не гожусь въ судьи своимъ товарищамъ, я очень пристрастенъ. Поэтому за границей я держусь подалеже отъ нихъ.

Родину свою, Танечка, я очень любилъ, гораздо больше, чѣмъ

она меня. Я сужу объ этомъ потому, что я для нея кое-чѣмъ жертвовалъ, на примѣръ—молодостью, на примѣръ—личной жизнью, она же ко мнѣ отнеслась нехорошо: вышвырнула меня за бортъ своей жизни, какъ послѣднюю негодную тряпку. Это очень больно! Она многихъ изъ нашей семьи выкинула вонъ. И вотъ курьезъ, Танечка! Тѣ, другіе, очутившись за бортомъ, стали цѣловать этотъ бортъ, стали къ ней, къ родинѣ, руки простирать, клялись ей въ вѣрности, клялись до конца положить за нее душу. Они говорили, что она—сама страдальца, что она въ худыхъ рукахъ, что она въ чужой власти, что она нуждается въ нашей помощи, ждетъ насъ. Наивные! А я, Танечка, ушелъ прочь отъ нея, ушелъ не обертываясь.

Ушелъ я отъ мачехи, которую принималъ за мать, проклялъ родной порогъ, и жалость къ нему во мнѣ заглохла. Съ тѣхъ поръ у меня родины не стало; за безсиліе я ее проклялъ, за предательство, за лицемеріе, за трусость, за обманъ. Ту, которую создалъ въ душѣ своей, тотъ самый образъ я и разбилъ. И осколки въ море бросилъ. Не вѣрите? Клянусь вамъ! Я могу ее любить, какъ могу любить всякую другую страну. Но какъ родина—она для меня не существуетъ.

У меня, Танечка, нѣтъ родины. Земля—вотъ моя родина, и я ее люблю, даже больше люблю, чѣмъ небо Итали. Но на этой землѣ нѣтъ такого пункта, гдѣ бы стоялъ мой родной домъ, гдѣ бы жила такая милая старушка-мать, какая васъ, Танечка, украдкой крестить три раза на сонъ грядущій. Когда-то у меня была родная могила, простой бугоръ земли съ простымъ деревяннымъ крестомъ и съ надписью: „здѣсь покоится прахъ рабы Божіей Анны“... А въ могилѣ спала моя мать. Но потомъ къ этому кургану день ото дня стали прибавляться новые во всѣхъ концахъ моей бывшей родины, и лѣсъ крестовъ выросъ, лѣсъ черныхъ крестовъ, лишенныхъ даже этой простой надписи. И куда ни бросалъ я мысленно взоръ,—ездѣ я видѣлъ кресты, кресты, кресты, ездѣ видѣлъ склепы, подполья, тюрьмы, этапы, столбы съ перекладиной, ужасъ темный, стоглазую бездну ужаса, стозвѣнный хохотъ пытки. И родина моя стала представляться мнѣ огромнымъ могильнымъ склепомъ, мрачнымъ, безпросвѣтнымъ и сырымъ, полнымъ гадовъ, ликующихъ гадовъ, похотливыхъ и сосущихъ кровь. Гнилью пахнуло на меня и безсиліемъ рабства. Не можетъ

Быть моей родиной—родина рабовъ! И не стало у меня родины...

Это ей я отдалъ свою молодость? Права старушка: въ мои годы пора уже больше заботиться о своемъ здоровьи. И напрасна была моя послѣдняя попытка вернуться къ берегамъ, о которые разбился мой корабль, *нашъ* корабль.

Да, Танечка, очевидно—я долженъ уѣхать. Мои сборы не долги; ну, что жь, прощайте—если такъ...

Когда вчера я переѣзжалъ границу, у меня было вполне определенное сознание: я не вернусь. Сознание настолько прочное, что я даже не испытывалъ обычнаго неприятнаго ощущенія, когда представлялъ свой паспортъ, сомнительный паспортъ какого-то латышскаго мѣщанина. И мнѣ казалось, что и жандармъ, отбравшій мой паспортъ, смотрѣлъ на меня снисходительными глазами и словно бы говорилъ:

— А, это опять ты! И опять подъ новымъ именемъ? Ну, все равно, вѣдь ты больше уже не вернешься!

И когда по ту сторону границы тронулся поѣздъ, колеса застучали мѣрно:

— Совсѣмъ, совсѣмъ, на покой, навсегда...

А между тѣмъ я знаю, что это вздоръ, и что я вернусь, вернусь еще не разъ; быть-можетъ, старушка уже умретъ, Танечка выйдетъ замужъ или отравится, но я несомнѣнно вернусь. Потому, можетъ-быть, опять уѣду...

Вотъ что я скажу: не пристало мнѣ ныть и развивать стариковскую психологию! Ну-ка! Здоровый воздухъ моихъ европейскихъ родинокъ! Оживи! Обнови! Влей молодость въ мои жилы! Я иду не гнуть спину подъ тягостями жизни, не терзать голову апализмами. Жить я ѣду! Жить для себя; а пригожусь — и для другихъ.

Подумайте только: мнѣ подъ сорокъ лѣтъ, и я до сихъ поръ не имѣлъ времени быть любимымъ! И я не знаю даже, любилъ ли я самъ.

Быть-можетъ, это было любовью... Лѣтъ пять назадъ я пріѣхалъ по дѣлу въ Смоленскъ, и сразу оказалось, что мой пріѣздъ полиція замѣтила. Пришлось мнѣ скрываться. Помѣстили меня въ квартиру одной дамы, жившей совсѣмъ одиоко съ надежной

прислужгой. Она не была открытой революционеркой, но помогала намъ много. У нея я прожилъ безвыходно три дня, не выдавъ ни съ кѣмъ, пока полиція не перестала меня искать. По вечерамъ мы сидѣли вмѣстѣ въ ея маленькой гостиной. Въ эти три вечера я отдохнулъ отъ года непрестанной нервной работы. Мы говорили много: я—о революціи, она—о литературѣ, о музыкѣ, о живописи: она была большимъ художникомъ и глубоко чувствовала искусство, которое мнѣ тогда было еще чуждо. У нея были прекрасные задумчивые глаза, глубокіе какъ пропасть, и чудный овалъ лица; все существо ея было тонко и изящно. Мы много говорили, и многое, очень многое, осталось недоговореннымъ! Когда поздно ночью мы расходились, пожавъ другъ другу руку и пожелавъ не проснуться подѣ утро отъ рѣзкаго звонка „почтальона“,—я долго еще не засыпалъ и напрасно старался направить свои мысли на предстоящій скоро новый путь съ новыми приключеніями. Мнѣ было жалко себя, загнаннаго волка. Въ послѣдній вечеръ мы засидѣлись еще дольше обычнаго, но говорили мало.

— Завтра я буду далеко,—сказалъ я.

— Завтра я буду одинока,—тѣмъ же тономъ подумала вслухъ она.

Я взглянулъ на нее и встрѣтилъ ея глубокой взглядъ. Я ни передъ кѣмъ не опускаю глазъ, она же смотрѣла какъ во снѣ; казалось, она меня не видѣла. Мы просидѣли такъ минуты три. Я былъ взволнованъ до обморока, она—спокойна. Затѣмъ я всталъ, закурилъ папиросу—она продолжала сидѣть съ широко открытыми глазами. Ея подбородокъ дрогнулъ. Я собралъ все свои силы, ушелъ къ себѣ и бросился на кровать. Теперь я хотѣлъ бы вернуться, но уже не могъ; я поступилъ такъ грубо. Въ гостиной было тихо. Прошло больше часа. Спать я, конечно, не могъ и чутко прислушивался. Тихо. Наконецъ я всталъ, выпилъ стаканъ воды и открылъ дверь въ гостиную. Тамъ было темно. Зажегъ спичку—никого нѣтъ, только ея платокъ бѣлѣетъ на диванѣ.

Я взялъ платокъ; онъ былъ совсѣмъ мокрымъ отъ слезъ. Я унесъ его къ себѣ...

Рано утромъ я уѣхалъ; она еще спала. Неблагоразумно было ѣхать днемъ, но я искупилъ этотъ шагъ другой жертвой: я положилъ на мѣсто ея платокъ. Вѣдь онъ былъ съ ея мѣткой! Развѣ

имѣлъ я право оставить у себя такую улику? Довольно того, что онъ провелъ ночь въ моей комнатѣ... Я прошелъ пѣшкомъ до первой станціи и сѣлъ въ поѣздъ. На мѣстѣ моего прибытія меня уже поджидали, и я былъ арестованъ при выходѣ.

Въ слѣдующую ночь у нея былъ обыскъ; объ этомъ я узналъ послѣ; я благодарилъ судьбу, что не задержался дольше въ гостепріимномъ домѣ; если для меня это оказалось безразлично, то ее избавило отъ большой неприятности.

Въ тюрьмѣ я видѣлъ обычные тюремные сны. Я убѣгаю, за мной гонятся, хватаютъ; я бью кого-то тяжелымъ ударомъ кастета, бѣгу дальше, скрываюсь. Рѣка; на той сторонѣ стоитъ она, смотреть на меня большимъ задумчивымъ взоромъ. Я рвусь къ ней, хочу броситься въ воду, переплыть, но меня вновь хватаютъ, и я просыпаюсь отъ непосильной борьбы съ похитителями моей свободы.

А въ ночи безсонная я думалъ о свободной Россіи. Мы вышли изъ подполья, мы свободны, мы легальны. Я ѣду въ Смоленскъ, подъ собственнымъ именемъ, открыто, спокойно. Я иду на знакомую улицу, въ угловой домъ, звоню. Она встрѣчаетъ меня просто, дружески, играетъ мнѣ на память „Quasi una fantasia“; мы засиживаемся долго, не боясь звонка. А уходя, я рассказываю ей про платокъ. Она смущенно смѣется.

— Увидимся еще? Заходите.

— Я зашелъ только поблагодарить васъ за прошлое гостепріимство и извиниться, что уѣхалъ безъ соблюденія церемоній, не простясь...

Нѣтъ, это было бы глупо и пошловато. Лучше я скажу ей:

— Ну, конечно, найду! Вѣдь для того я и пріѣхалъ, чтобы видѣть васъ. Я васъ никогда не забывалъ, ни одного дня...

„Quasi una fantasia“!

Какъ ее звали? Ольгой? Вѣрой? Забылъ, все забылъ! Въ памяти я никогда не называлъ ее по имени; ея имя я зашифровалъ въ своей душѣ... и потерялъ ключъ. Но помню лицо; и эти красивые, глубокіе глаза, глубокіе какъ пропасть...

Можетъ-быть, это была любовь, не знаю. Я думалъ о ней годъ; да, не меньше года. Но и не больше! Съ тѣхъ поръ я съ ней никогда не встрѣчался и никого не спрашивалъ о ней. Кажется, слышалъ мелькомъ, что она вышла замужъ вторично.

Можетъ-быть, это была любовь... Другой любви я не зналъ съ юношескихъ лѣтъ.

Уже недѣля, какъ я въ Парижѣ. Здѣсь все постарому, и еще хуже стараго. Я говорю, конечно, о русской колоніи. Очевидно, я отсюда уѣду, но прежде хочу еще разъ заглянуть въ музеи, которые раньше я осматривалъ какъ-то безъ системы, наскоро, безъ чувства, безъ пониманія.

— Что вамъ нравится въ Венерѣ? Красивая человѣческая самка—и больше ничего!

Отзывъ умнаго товарища и чуткаго человѣка... Странно. Среди революціонеровъ я почти не встрѣчалъ людей, способныхъ цѣнить искусство, въ особенности въ Россіи. Въ романѣ имъ нравилась тенденція, въ живописи—вопіющій сюжетъ, въ скульптурѣ—мраморное фразерство. До сихъ поръ они декламируютъ стихи Некрасова. „Буревѣстникъ“ Горькаго они считаютъ поэзіей. А эти ужасныя пѣсни:

„Богачи-кулаки жадной сворой
Расхищаютъ народный твой трудъ;
Твоимъ потомъ жирѣютъ обжоры,
Твой послѣдній кусокъ хлѣба рвутъ“.

Или, еще лучше, слова знаменитой „крестьянской марсельезы“:

„Отпустили крестьянъ на свободу
Девятнадцатаго февраля...“

Это „девятна-цатава-февраля“ такъ и бьетъ по уху! Я не могъ слышать этихъ словъ и раньше; теперь же при звукѣ ихъ у меня дѣлаются нервныя судороги.

Отчего, скажите, отчего у насъ не было красивыхъ пѣсень? Почему наши журналы были такъ грубы, наши „манифесты“ и „прокламашки“ такъ бездарны, крикливы и стилистически-безграмотны? А вѣдь писали ихъ чуткія души и добрѣйшія существа, и не шарлатаны слова, а честные люди, которые умѣли дѣльно и умно говорить, просто и красиво умирать... Почему, живя только дѣломъ, они писали только фразы? По крайней мѣрѣ, такъ случалось почти всегда, когда они обращались съ „горячимъ словомъ“ къ массѣ.

Я купилъ фотографію картины Моро—не помню ея названія. Въ ней Геркулесъ стоитъ противъ Гидры и ждетъ момента для удара. Какая красота! Стройный, нагой и сильный, онъ вперилъ взоръ въ чудовище, достойное его богатырскаго удара. Какая мощная, молчаливая красота! Борецъ долженъ быть красивымъ и не можетъ не быть красивымъ, по крайней мѣрѣ, въ моментъ борьбы. Въ бѣгствѣ онъ долженъ быть безобразнымъ.

Аналогія далекая, но не могу отъ нея удержаться, когда вижу насъ, бѣглецовъ, бойцовъ, растерявшихъ свое оружіе, здѣсь, за границей, въ эмигрантскихъ пунктахъ. Ухъ! Какая жалкая картина! Паровозъ лежитъ на боку, паръ свисаетъ изъ вѣхъ щелей, колеса безмысленно и по инерціи вертятся, цѣпляясь за шпалы, за взбитую землю, за воздухъ. Инциденты, оппозиціи, контропозіиціи, товарищескіе суды, товарищескія сплетни, протоколы о нравственности, разоблаченія предателей.. Гнилье, гнилье, гнилой воздухъ, ужасная зараза! Энергія, которая была ключомъ и двигала горы тамъ, здѣсь ударила въ паутину нищеты и обывательщины и не смогла прорвать ее, и запуталась въ ней, и стала проклятіемъ. Кто выше залеталъ тамъ, тотъ тѣмъ ниже упалъ здѣсь. У павшихъ не было основы—скажете вы? Неправда, была основа, была; но только нужна ли она была? Быть-можетъ, духъ-то важнѣе основы; пылъ молодой, быть-можетъ, дороже программы? Это еще нужно доказать; для меня, напимѣръ, это—вопросъ нерѣшенный. И если я вѣрю въ возрожденіе—такъ именно въ возрожденіе духа. А программы пускай гибнутъ, туда имъ и дорога! Мы создадимъ новыя; не мы, можетъ-быть, а тѣ, что идутъ за нами, тотъ самый „свѣжихъ ратниковъ строй“, о которомъ поется въ похоронномъ маршѣ... на нашихъ похоронахъ.

Меня встрѣтили хорошо, какъ стараго друга.

— Вы изъ Россіи? Что слышно новаго? Что дѣлаетъ молодежь?

— Ничего не дѣлаетъ. Думаетъ.

— Что же она думаетъ?

— Что думаетъ, того не говоритъ. Впрочемъ, думаетъ, что мы стали стары и не годимся ей въ товарищи.

— Кто же это такъ говорить?

— Никто не говорить, а думаетъ такъ Танечка.

— Какая Танечка?

— Какая? Всякая. Вообще—Танечка, русская дѣвушка двад-

цати одного года, слушающая лекціи на высшихъ курсахъ, читающая Леонида Андреева и Кнута Гамсуна, считающая Ницше устарѣлымъ, не находящая вкуса въ живописи Перова, никогда не выдавшая моря, не склонная влюбляться, уважающая свою мать за старость, а насъ съ вами—за честность.

— Ну, вы городите вздоръ. Скажите лучше, что дѣлается въ деревнѣ.

— Въ деревнѣ я не былъ. Слыхалъ, что тамъ создается кооперация, въ которой мы съ вами ничего не смыслимъ.

— Положимъ, наши тамъ работаютъ тоже...

— Тамъ—можетъ-быть, а здѣсь — сомнѣваюсь. Или вы стали ознакомлять публику со здѣшними кооперативами, прежде чѣмъ посылать ее въ Россію?

— Ну, голубчикъ, на это у насъ нѣтъ времени... Хорошо бы, конечно... Вотъ займитесь-ка этимъ, если считаете это важнымъ.

— Я? Да я же ничего не смыслю! И притомъ я сейчасъ занятъ другимъ.

— Да? И не секретъ?

— Нѣтъ, не секретъ. Вотъ осмотрѣлъ Лувръ, а вечеромъ буду сочинять стихи.

— Въ поэзію ударились?

— Нѣтъ, и прозой пишу.

Завтра обо мнѣ будутъ говорить:

— Сергій Ивановичъ ушелъ въ буржуйство. Пишетъ стихи и смотритъ Венеру.

А другіе друзья прибавятъ:

— Что жъ, этого и нужно было ожидать. Онъ всегда былъ человѣкъ момента. Воспылалъ—и погасъ.

А недруги dokonчатъ:

— Человѣкъ безъ основы, метафизикъ какой-то...

Я этого и хочу. Пусть меня оставляютъ, наконецъ, въ покоѣ. Я уѣду, сяду на берегу моря, буду смотрѣть и думать, думать, думать...

Какъ Танечка...

Можетъ-быть, мы до чего-нибудь одного и додумаемся... Или до разнаго; тогда будемъ врагами, бороться будемъ.

Удалимся въ буржуйство. Чемоданъ я даже и не распаковываю.

Когда я поднимаюсь въ гору, сердце начинаетъ колотиться короткими, отрывистыми ударами. Оно у меня немного надорвано, но не настолько, чтобы я считалъ себя инвалидомъ. Напротивъ, я даже нѣсколько злоупотребляю подъемами; мнѣ пріятно думать, что вотъ я иду устойчивымъ шагомъ горца, иду къ небу, — въ то время, какъ тѣ, внизу, мелкимъ шажкомъ ползутъ по дорогѣ. И сверху они кажутся мнѣ маленькими-маленькими, какъ разъ въ свою натуральную муравьию величину.

Вмѣстѣ со мной поднимается и море. Съ каждымъ шагомъ оно становится шире, круче и многогвѣтнѣе. Отъ берега прямо въ открытое море вытянулся низкій песчаный перешеекъ, и на немъ какъ разъ съ удобствомъ размѣстились домики — цѣлый городокъ. Дальше этотъ перешеекъ переходитъ въ крутую высокую скалу, одинъ край которой поросъ пиніями, а другой дикъ и обрывистъ. Много настроенія въ этой скалѣ; на блѣдно-синее море она бросаетъ густо-зеленую тѣнь. А влѣво панорама горъ, задернутыхъ синей дымкой. Кое-гдѣ бѣлѣетъ одинокая вилла; вдали — двѣ-три сельскихъ коммуны, съ острой колокольней посрединѣ. Но изъ которой доносится низкій звонъ колокола — я не знаю. По-моему онъ звучитъ ниоткуда: это — голосъ самихъ горъ...

Я къ вамъ шелъ — вы меня не приняли. Вы были правы — но и я былъ правъ, такъ какъ мнѣ было горько и обидно. Но если-бы вы видѣли сейчасъ то, что вижу я, — вы бы не отошли отъ меня ни на шагъ, мои русскіе молодые друзья! Вы бы застыли въ восхищеніи, вы бы не оторвали взоръ отъ переливовъ морской глади сквозь силуэты пиній! Солнца нѣтъ; теплый и влажный осенній воздухъ.

Да, вы не отошли бы отъ меня. Я знаю много красивыхъ мѣстъ. Я могъ бы, напримѣръ, показать вамъ маленькую бухту, гдѣ стоитъ старая, развалившаяся башня, гдѣ царитъ молчанье. Туда можно проникнуть только однимъ путемъ: забраться высоко на гору, а оттуда спуститься почти по отвѣсу, цѣпляясь за кустарникъ и отдыхая у корня рѣдкихъ пиній. Тропинокъ туда не проложено, а отъ сосѣднихъ мѣстечекъ моя бухта отдѣлена отвѣсными скалами такой высоты, что лучше не смотрѣть вверхъ. Въ первый разъ я проникъ туда на лодкѣ, а теперь частенько спускаюсь по откосу. Это страшно и опасно; быть-можетъ, мнѣ

потому и нравится. Если я проживу здѣсь долго, то, вѣроятно, когда-нибудь сорвусь и упаду прямо къ подножію башни, а потомъ, уже совѣмъ разбитой и безформенной массой, скачусь въ море. И меня долго не найдутъ, такъ какъ въ этой бухтѣ никто не живетъ и не бываетъ, кромѣ случайныхъ рыбаковъ. Если это когда-нибудь случится, и притомъ нечаянно, то такая смерть, по моему, красива.

У этой бухты есть особое свойство. Я думаю, что здѣсь никто никогда не смѣялся. Это было бы совершенно неумѣстно и невозможно! Но зато тутъ такъ красиво, что навертываются слезы и хочется рыдать; не такъ, какъ плачутъ дѣти и женщины, а рыдать по-мужски, схвативъ себя за голову и до боли сжавъ ее, со стономъ и горечью невыразимой. Кто сказалъ, что прошла моя жизнь? Я хочу жить, слышите, хочу жить! Она не можетъ погибнуть, если я самъ не погублю ея...

Я выстроилъ себѣ столикъ изъ большихъ камней; усталъ, сворачивая ихъ съ мѣста и устраивая въ надлежащемъ порядкѣ. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ благодушествовали скорпионы — теперь имъ придется искать новаго жилища. Столикъ мой похожъ на какой-то жертвенникъ. Все-таки я нѣсколько опасаюсь за его прочность — вѣдь онъ поставленъ на скатѣ горы, прямо надъ обрывомъ. Но писать мнѣ очень удобно; можно прислониться спиной къ стволу пиніи и чувствовать себя какъ въ креслѣ. Прямо передо мной море, а мнѣ, кромѣ моря, сейчасъ ничего не нужно, ни счастья, ни удачи, ни любви, хотя обычно обо всемъ этомъ я мечтаю.

Да, вы не отошли бы отъ меня здѣсь! Я даже думаю, что вы подчинялись бы мнѣ не меньше, чѣмъ англичане подчиняются своему гиду! Но дѣло въ томъ, что здѣсь-то я самъ ушелъ бы отъ васъ, потому что мнѣ никого не нужно. Одинъ я чувствую себя прекрасно, прекрасно себя чувствую! У меня столько занятій: я пишу, рисую, собираю гербарій, дѣлаю букеты изъ осеннихъ листьевъ и травъ. У меня вѣтъ голоса, а то бы я еще пѣлъ, тутъ такое чудесное эхо. А потомъ вдругъ солнце становится краснымъ и бросаетъ на море, прямо въ мою сторону, кровавую полосу. Потомъ оно садится далеко-далеко, за французскимъ берегомъ, и ужъ тогда я принужденъ ропиться обратно. Взабираться вверхъ не легко, нужно сдѣлать это до полной тем-

ноты. А заночевать тутъ — благодарю покорно! Врядъ ли кто-нибудь, кромѣ летучихъ мышей, можетъ чувствовать себя пріятно въ старой башнѣ. Увѣряю васъ—она живописна только снаружи, внутри же она ужасна: сырость, паутина, масса всякихъ гадювъ. Я не хочу портить себѣ впечатлѣніе такимъ ночлегомъ.

Когда я возвращаюсь домой, то по пути обычно стучу въ дверь маленькой мазанки на поворотѣ тропинки. Оттуда выходитъ сначала дѣвушка, потомъ старуха. Дѣвушку зовутъ Розой. Она напоминаетъ мнѣ слегка Танечку, только гораздо красивѣе и еще моложе. У нея черные глаза и густые черные волосы, которые она по праздникамъ умѣло причесываетъ. Чертами лица она очень похожа на мать, хотя та уже стара и довольно-таки безобразна.

— И ты будешь такую же!—думаю я съ сожалѣніемъ.

Мнѣ вывозятъ кислаго краснаго вина и ни за что не позволяютъ разбавлять его водой — кровная обида. Точно такъ же не соглашаются брать за это угощеніе плату. Мнѣ приходится вмѣсто этого дѣлать имъ маленькіе подарки. Такъ, на примѣръ, я подарилъ старухѣ цѣлое кило кофе и три крѣпкихъ стакана съ обыкновенно толстыми стѣнками. Дѣвушкѣ я собираюсь подарить широкую голубую ленту, но я знаю, что она не станетъ носить ее постоянно, а, вѣроятно, положить въ сундукъ со скуднымъ приданымъ. Надѣюсь, что подарокъ не скомпрометируетъ ее въ глазахъ жениховъ,—не можетъ же не быть жениховъ у такой красавицы! Впрочемъ, меня знаютъ въ этихъ мѣстахъ и даже не считаютъ форестьеромъ; я и обѣдаю въ рыбацкомъ кабачкѣ внизу. Мѣстные жители въ разговорѣ со мной любятъ блистать итальянскимъ языкомъ, вообще же тутъ говорятъ на отвратительномъ генуэзскомъ діалектѣ, который я едва разбираю. Нѣкоторымъ образомъ я даже являюсь для нихъ источникомъ новостей, такъ какъ получаю римскія и миланскія газеты. Разспрашиваютъ иногда и про Россію, но этотъ разговоръ не въ моемъ вкусѣ: что мнѣ Гекуба и что я ей?

Ну, вотъ я и на покой, и доволенъ судьбой. Одинокъ, забыть всѣми, забылъ всѣхъ, много работаю, живу природой, здоровью, набираюсь силъ. И если кто-нибудь въ этомъ моемъ признаніи попытается отыскать фальшивую нотку — у него плохой слухъ, утверждаю это рѣшигельчо. У него—отвратительный,

совершенно испорченный слухъ! Во всякомъ случаѣ, это — не-исправимый пессимистъ, и притомъ сующій носъ туда, гдѣ его не спрашиваютъ. Отъ такихъ людей я стараюсь держаться на достаточномъ разстояніи.

Я сижу надъ обрывомъ и бросаю внизъ камни. Сначала они катятся по мягкой почвѣ откоса, потомъ падаютъ на каменный уступъ, дѣлають легкой и высокой прыжокъ, еще, еще, послѣдній, и описываютъ крутую дугу, прежде чѣмъ упасть въ море. Всплеска не слышно: слишкомъ высоко, да и море не покойно.

И я говорю морю:

— Ну, что же ты скажешь по этому поводу? Случай не изъ обыкновенныхъ! Вѣдь не скажешь же ты, что я искалъ этой встрѣчи?

Я не слышу отвѣта и принужденъ спуститься внизъ по обрыву. Тамъ, въ самой бухтѣ, есть большой камень, на который только въ сильную бурю захлестываетъ волна. Когда мнѣ хочется бесѣдовать съ моремъ, я ложусь на этотъ камень и смотрю съ отвѣса въ воду; здѣсь видно дно, видны колючія рыбки.

— Итакъ, будемъ говорить откровенно. Добивался я этого?

— Не добивался, но хотѣлъ.

— Ну, хорошо, я не отрицаю. Но вѣдь изъ Парижа я увѣренно ѣхалъ въ Римъ, хотя еще тамъ узналъ, что она живетъ на Ривьерѣ. И замѣтъ: говоря „она“, я выражаюсь такъ лишь потому, что забылъ ея имя; ты знаешь, что ключъ отъ шифра былыхъ страницъ моей жизни я потерялъ.

— Ее зовутъ Вѣрой.

— Рѣшимъ такъ; но ты уклоняешься отъ вопроса.

— Ты не поѣхалъ въ Римъ, а остановился на Ривьерѣ.

— Правда. Но гдѣ?

— Въ своемъ старомъ, любимомъ гнѣздѣ.

— То-есть?

— То-есть за десять километровъ отъ нея.

— Да, я не отрицаю факта. Но зналъ ли я, что эта... Вѣра живетъ именно тамъ?

— Нѣтъ, не зналъ, но предполагать могъ, такъ какъ въ это мѣстечко посылають легочныхъ больныхъ.

— Почему же я не поѣхалъ прямо въ Боккадоро?

— Потому что ты не рѣшился; потому что нѣкоторыя изъ былыхъ страницъ ты не уничтожилъ, а сохранилъ.

— Берегись, море! Ты читаешь въ сердцѣ. Объ этомъ мы не уговаривались! Но затѣмъ? Какъ я поступлю дальше?

Море молчитъ. Я пытаюсь язвить:

— Не кажется ли тебѣ, что было бы невѣжливымъ не сдѣлать визита и не поблагодарить за бывшее гостепрѣимство?

— Да; если-бы ты дѣйствительно вычеркнулъ всѣ прошлыя страницы, то ты бы такъ и сдѣлалъ. Но сегодня, послѣ ея письма, ты осмотрѣлъ свой чемоданъ.

— Превосходно, море! Ты за мной шпионишь. Слѣдовательно, я уѣзжаю?

— Очевидно—ты долженъ уѣхать.

Мнѣ нравится здоровая логика моря. До этой бесѣды меня мучили сомнѣнья, теперь же я рѣшилъ.

Очевидно—я долженъ уѣхать.

„Мнѣ передали вашъ привѣтъ... Знаете, я почему-то ждала его, со дня на день ждала, и хотѣла его. Почему только онъ не пришелъ раньше! Онъ мнѣ былъ *очень нуженъ!* Вы, вѣрно, слышали, что я сильно больна, совсѣмъ больна. Я потому такъ и откровенна съ вами, что теперь уже все равно... Я немножко волнуюсь, когда пишу... Слушайте, у меня дочка Женечка, такая славная дѣвочка; ей уже три года; вы тогда говорили, что любите дѣтей. Она здоровая дѣвочка, вѣдь у меня чахотка не наследственная. Какое это страшное слово — чахотка. Вы бы меня не узнали—я худая, восковая стала. Играть я уже не могу. Помните „*Quasi una fantasia*“? Я хорошо помню, какъ играла вамъ.

„Господи, отчего это такъ поздно! Вы меня, вѣрно, не понимаете. Я хочу сказать, что я какъ-то напрасно жила. Вы слышали обо мнѣ? Я вышла замужъ спустя годъ, т. е. годъ спустя послѣ того, какъ мы съ вами видѣлись въ Смоленскѣ. Пишу неясно, потому что очень трудно писать; я все съ перерывами. Я съ мужемъ разошлась, а дѣвочка осталась мнѣ. Если-бы вы ее видѣли, вы бы ее полюбили, Женю мою. Она на меня очень похожа. Смѣшно у меня вышло, да ужъ вы простите! У меня такъ болить сердце за нее, вѣдь мнѣ ее некому оставить, а

мужу я не хочу, онъ погубить дѣвочку. У нея талантъ, чудный слухъ,—нѣтъ, право, хоть ей еще три года.

„Я бы хотѣла вамъ много писать. Вы знаете: вѣдь я все еще одинока, такъ и умру...

„А вы гдѣ сейчасъ? Я пишу вамъ въ Парижъ, дойдетъ ли? Мнѣ говорили, что перешлютъ. Можетъ-быть, вы гдѣ-нибудь далеко?

„Я за вашей жизнью внимательно слѣдила. Какая сложная у васъ жизнь! Я вѣдь васъ поняла тогда... Вы меня не судите строго за эти слова, вѣдь я больная.

„Прощайте. Ваша В.“

„Любезнѣйшая синьора Гульельмина!

„Надѣюсь, что моя комната никѣмъ не занята; та, о которой я вамъ писалъ изъ Парижа. Я нѣсколько задержался въ дорогѣ, но теперь дня черезъ три приѣду въ Римъ. Комнату будемъ считать, конечно, со дня моего перваго извѣщенія, т. е. съ начала прошлаго мѣсяца. Не забудьте поставить самый большой столъ и вымыть полъ керосиномъ. Никакихъ картинъ на стѣны не вѣшайте, я самъ все сдѣлаю.

„Прилагаю вамъ запечатанное письмо съ готовымъ адресомъ и маркой. Вы его бросьте въ почтовый ящикъ; мнѣ хочется, чтобы оно пошло изъ Рима.

„Привѣтъ вамъ и синьору Альберто! Кланяйтесь также сосѣдкѣ и ея славнымъ дѣтишкамъ. Преданный вамъ Sergio.“

Сегодня настоящій день для прогулокъ: не жарко, не предвидится дождь, не пыльно. Беру съ собой пледъ на случай поздняго возвращенія и палку на случай собакъ. Въ этихъ горныхъ селеньицахъ очень злыя собаки, а я иду въ горы. Въ тѣхъ мѣстахъ я не былъ, и собаки меня не знаютъ.

Дорога идетъ круто, съ частыми поворотами, и телеграфные столбы забѣгаютъ иногда, для скорости, прямо на кручу, на перерѣзъ дороги, потомъ опять идутъ по ея краю. Воздухъ все чище и чище. Моря отсюда уже не видно, оно осталось позади, за горой. А сверху, изъ того селенья съ бѣлой колокольней, оно опять будетъ видно. Оттуда несется звонъ колокола. Ну, конечно, это тотъ

самый колоколь, который я слышалъ съ вершины Санта-Джуліа и призналъ за мелодичный голосъ самихъ горъ!

Чудесный воздухъ. Грудь дышитъ привольно, и сердце у меня здѣсь не колотится такъ отрывисто. Но все-таки подъемъ чувствуется. Какъ-то... щемитъ; не больно, но безпокойно.

Не такое ужъ маленькое селенье; есть нѣсколько красиво отдѣланныхъ виллъ; очевидно, мѣстные богатѣи сдаютъ ихъ иностранцамъ.

— Дѣвочка, а дѣвочка! Ты что это тащишь?

— Молоко.

— Куда же ты его несешь?

— Къ Платоне.

— Это куда же, въ ту верхнюю виллу, что ли?

— Да.

— А тяжело на головѣ такой большой кувшинъ нести?

— Нѣтъ, ничего, я всегда ношу, я ужъ привыкла!

— А тутъ у васъ есть иностранцы?

— Есть. У священника живутъ двое, мужъ съ женой, нѣмцы.

— Больше нѣтъ?

— Есть. Еще у Платоне дѣвочка живетъ съ матерью, русскія, уже давно. Я имъ молоко и несу. Потомъ еще у тети моей французъ больной живетъ.

— Ну, ну. А гдѣ тутъ можно вина выпить?

— А вонъ тамъ, противъ церкви, тратторія.

— Спасибо, милочка. Ты сама у русской синьоры служишь? За дѣвочкой смотришь?

— Нѣтъ, у нея Марія служить няней, а я только въ кухнѣ прибираю да молоко ношу. А вы тоже иностранецъ?

— Тоже. Французъ я.

— Къ тетиному французу пришли?

— Нѣтъ, я дальше иду, вонъ въ то селенье. Только отдохнуть хочу немножко. А ты носи молоко, можетъ-быть, синьора безпокоится.

— Добрый день!

Какая славная дѣвчурка! Врядъ ли ей есть двѣнадцать лѣтъ, а она ужъ работаетъ. И какая привѣтливая, въ противоположность итальянскимъ дѣтямъ. Вѣроятно она постоянно прислуживаетъ больнымъ иностранцамъ...

Но кабачокъ плоховать. Зато хозяинъ необычайно словоохотливъ. Кажется, онъ самъ выпиваетъ половину своего виннаго склада! Меня онъ встрѣчаетъ какъ стараго знакомаго, хотя видитъ въ первый разъ.

— Что такое поль-литра, синьоре, что такое поль-литра, говорю я, для такихъ молодцовъ, какъ мы съ вами? Поль-литра я пью утромъ, вмѣсто кофе, а теперь время завтракать.

— А есть что позавтракать?

— Должно быть, непременно должно быть! Вотъ придетъ Аннетта, и тогда будетъ. А пока синьоръ выпьетъ свои поль-литра, а старый Федерико—свои поль-литра.

— А у васъ здоровый зобъ, падроне!

— Зобъ большой; у насъ зобъ въ роду. Но онъ не мѣшаетъ! И удобства отъ него нѣтъ, но и помѣхи нѣтъ. Горный житель привыкъ къ зобу, какъ осель къ тяжести. Зато синьоръ, у меня легкія богатыря. Могу задуть пожаръ, синьоре, хотя отъ пожара насъ Богъ хранить. Воздухъ у насъ самый здоровый и самый легкій для дыханія. Можетъ-быть — самый лучший въ Италіи, точно не берусь сказать. Но думаю, что такъ. Пріѣзжаютъ къ намъ лѣчиться самые знатные господа и уѣзжаютъ здоровыми, и какъ заболѣютъ—опять къ намъ возвращаются.

— Много у васъ больныхъ бываетъ?

— Семей до десяти. Но вѣдь и коммуна наша маленькая. Вотъ скоро, говорятъ, выстроить санаторій для чахоточныхъ; это — для зимняго сезона. Хотя, говоря по совѣсти, собираются уже лѣтъ двадцать на моей памяти. Больше все слухи, а опредѣленнаго ничего не знаемъ. А для коммуны это было бы полезно, — большія средства прибыли бы. Коммуна на это вполне согласна. Прикажете еще поль-литра? А вотъ и Аннетта идетъ, она живо изготовить все, что вамъ угодно. Аннетта! Живо два яйца на масле!

— Славная она у васъ дѣвочка, работница. Я съ ней ужъ познакомился, повстрѣчалъ ее. Что жъ, Аннетта, русская синьора не разсердилась, что ты задержалась съ молокомъ?

— Нѣтъ; она никогда не сердится. Она очень больная; и очень добрая.

— Красивая она?

— Синьора? Очень красивая! У нея глаза глубокіе-глубокіе, какъ пропасть!

„Gli occhi profondi-profondi, come un abisso!..“ О, лучше бы Аннетта не говорила этого! Вѣдь есть же границы моей выдержкѣ!

— Ну, Аннетта, давай же скорѣй ѣсть! [Садитесь, падроне, выпьемъ ради хорошаго знакомства. Славная у васъ дочурка!

— Не захвалите! Марія у меня лучше. Вонъ она идетъ, глядите, какая здоровая дѣвка! Эхъ, жениховъ нѣтъ!

Я сижу спиной къ двери и не хочу повернуться. Я слышу веселую болтовню ребенка и грудной голосъ няньки, которая кричить въ дверь:

— Аннетта! Какъ будешь свободна, такъ погуляй съ дѣвочкой! Мнѣ нужно идти обѣдъ готовить. Дження, хочешь съ Аннеттой погулять?

— Да! И съ тобой!

— Мнѣ нельзя, сагіна, я пойду къ синьорѣ.

И близко-близко за моей спиной я слышу звонкій итальянскій говорокъ русскаго ребенка:

— Annetta, vieni presto-presto!

Я не могу больше! Я рѣзко обертываюсь и вижу въ дверяхъ трехлѣтнюю дѣвочку, съ черными кудрями, въ красномъ платьицѣ; сначала я вижу только красный цвѣтокъ, одинъ изъ тѣхъ маковъ, которыми въ іюнѣ усыяны всѣ склоны горъ и всѣ поля. Потомъ я встрѣчаюсь съ любопытнымъ взглядомъ двухъ темныхъ дѣтскихъ глазъ, и кровь ударяетъ мнѣ въ голову. Впервые я долженъ опустить глаза...

— Мнѣ дурно съ вашего вина, падроне! Дайте мнѣ глотокъ воды!

Возвращаясь изъ горъ къ морю, стараюсь припомнить, какія покупки я долженъ сдѣлать до отъѣзда. Въ мѣстечкѣ, гдѣ я живу, магазиновъ нѣтъ, если не считать табачной лавочки; но мнѣ придется проходить черезъ оживленный городокъ. Вотъ тамъ-то я и куплю обѣщанную Розѣ голубую ленту.

— Вы мнѣ дайте широкую и самую лучшую! — говорю я лавочницѣ.

— Это очень широкая лента, синьоръ! Настоящій небесный цвѣтъ. Шире нѣтъ, синьоръ! Шире не бываютъ.

— Но я хочу шире, какъ можно шире, и притомъ ярко-красную, цвѣта полевого мака!

— Вы же сказали голубую, синьоръ?

— Теперь я говорю красную! Я терпѣть не могу голубого цвѣта! Я признаю только красный цвѣтъ, цвѣтъ полевого мака. Неужели вы не знаете цвѣтъ полевого мака?

Я немного нервничаю; сказывается усталость. Лавочница смотреть на меня удивленно и слегка обиженно. На порогѣ стоит рыхлая женщина съ маленькой дѣвочкой. Она пришла купить на два сольдо бѣлой тесьмы.

Наконецъ я выбираю самую широкую и яркую красную шелковую ленту и покунаю метръ.

— Какъ зовутъ вашу дѣвочку?

— Джульетта, синьоръ.

— Красивое имя. А у васъ нѣтъ еще сына Ромео?

— Нѣтъ, синьоръ, у меня одна дѣвочка. И слава Богу! Очень трудно содержать дѣтей, синьоръ!

— А сколько ей лѣтъ?

— Ровно три года, синьоръ. Она родилась въ день всѣхъ святыхъ.

— До свиданья, хозяйка!

Уходя, я приостанавливаюсь въ дверяхъ. Меня поражаетъ мысль, что къ темнымъ волосамъ дѣвочки очень пойдетъ красная лента.

— Можно мнѣ сдѣлать маленькій подарокъ вашей дочуркѣ? Она такая милая. Взгляните, какъ красиво получается. Жалѣю, что я не умѣю завязать красиваго банта назад. Чего же ты боишься, милочка? Я не кусаюсь!

— *Torpo gentile, signore!*— слышу я вдогонку. Въ эту минуту мнѣ приходится отбиваться отъ собаки, которая яростно на меня бросается. Я прибавляю шагъ, чтобы не опоздать на обрывъ.

Сегодня у меня послѣдній серьезный разговоръ съ моремъ. Необходимо, наконецъ, выяснить мое поведеніе въ прошломъ и дальнѣйшемъ.

Проходя мимо знакомаго домика, я застаю Розу за стиркой. Ея матери нѣтъ дома.

— Роза, я пришлю вамъ ленту изъ Рима! Здѣсь нѣтъ подходящей. Въѣдъ вамъ пріятнѣе будетъ получить изъ Рима, не правда ли?

Роза краснѣетъ и смущается, что къ ней очень идетъ.

— Синьоръ Серджио уѣзжаетъ?

— Да, Роза, я уѣзжаю надолго. Желая вамъ хорошаго жениха. Можетъ-быть, вы угостите меня виномъ? Я прошелъ двадцать километровъ и очень усталъ. Да захватите и себѣ стаканчикъ! Какая вы красавица, Роза; если-бы я былъ молодъ и красивъ, я заставилъ бы васъ полюбить меня. Да, я выпью еще стаканъ. Когда я пойду обратно мимо васъ, я попрошу у вашей матери позволенія поцѣловать васъ, Роза, — если, конечно, это вамъ не противно. А изъ Рима, кромѣ ленты, я пошлю вамъ самую красивую открытку съ видомъ каскада въ Тиволи. А можетъ-быть, напишу еще стихи. Это будутъ единственные стихи, которые я сочиню по-итальянски! Пока прощайте, Роза; это ничего, что у васъ мокрая рука; зато она очень чистая. Желая вамъ такъ же чисто вымыть бѣлье!

Скоро начнетъ заходить солнце. Приходится почти бѣжать, иначе мнѣ не спуститься съ обрыва, а у меня такое подходящее дѣловое настроеніе. Вино меня подкрѣпило; и Роза такая милая дѣвушка!

„Чья ручка полъ въ субботу подметаетъ,—
Та въ праздникъ лучше можетъ приласкать...“

Кажется, это изъ „Фауста“. Я сталъ положительно гимнастомъ — весь спускъ дѣлаю минутъ въ десять. Только какъ я поднимусь обратно? Впрочемъ, это сейчасъ не важно; сначала нужно выспаться...

Итакъ, начнемъ, море. Но почему ты сегодня такъ бушуешь? Даже на мой камень попадаютъ брызги. Способно ли ты къ спокойному, дѣловому, замѣтъ — дѣловому разговору? Прежде всего скажи мнѣ, кто сидѣлъ на террасѣ, когда я такъ позорно убѣгалъ изъ Боккадоро?

— Это была Вѣра. Но, конечно, она тебя не узнала.

— Конечно; я также не узналъ ея; даже не видалъ ея глазъ. Но я не о томъ хочу говорить. Скажи, почему я не зашелъ къ ней и не сказалъ ей теплаго, ласковаго слова?

— Потому что четыре года назадъ, когда ты былъ въ ссылкѣ, она осмѣлилась выйти замужъ. Помнишь — ты узналъ объ этомъ въ Сибири отъ смоленцевъ. Ты очень страдалъ. Именно тогда

ты и бросилъ ключъ отъ шифра былыхъ страницъ. И ночью тебѣ перестали сниться побѣги.

— Ты хочешь сказать, что я злопамятенъ? Но вѣдь она больна, она скоро умретъ. Не можетъ же быть, чтобы я былъ жестокииъ!

— Не злопамятный, а несчастный ты! Ты пять лѣтъ искалъ статую, а нашелъ саркофагъ. И не жестокий ты, потому что ты ей послалъ черезъ Римъ теплое и нѣжное письмо. Оно дастъ ей нѣсколько счастливыхъ минутъ передъ смертью.

— Ждетъ она меня?

— Сейчасъ—да, хотя не надѣется; но когда получать твое письмо—примирится и перестанетъ ждать.

— Любитъ она меня?

Море не отвѣчаетъ. Приходится повторить вопросъ. Теперь оно отвѣчаетъ нехотя:

— Она одинока; въ прошломъ у нея такъ мало; а эта страница жизни кажется ей такой красивой и полной поэзи...

— Последнйй вопросъ: люблю ли я ее?

— Странный вопросъ! Спроси себя самого.

— Теперь самый послѣднйй: чѣмъ это кончится?

— Она умретъ, а ты возьмешь ея дѣвочку.

— И буду видѣть ея глаза? И буду всю жизнь чувствовать на себѣ ея взглядъ? Ты шутишь, море!

— Успокойся, шучу! Дѣвочку возьметъ отецъ. Къ счастью, Вѣра не узнаетъ объ этомъ. Она будетъ думать, что ты сталъ отцомъ ея дочери. Она умретъ съ этой счастливой увѣренностью. Не самъ ли ты обманулъ ее письмомъ?

— Иначе говоря—ты не хочешь помочь мнѣ разобраться въ мысляхъ. Тогда расскажи мнѣ сказку, море, одну изъ твоихъ странныхъ сказокъ, безъ которыхъ я не могу жить.

— Сегодня сказокъ нѣтъ. Смотри, какая темная ночь! Сказки попрятались въ башню и не выйдутъ оттуда, пока не появится новая луна. Ты будешь тогда уже въ Римѣ.

Я встаю съ камня и оглядываюсь. Совершенно темно. Вверху едва видны силуэты пинй на фонѣ неба. У меня кружится голова. Ощущу я пробираюсь къ башнѣ по остаткамъ лѣстницы, высѣченной въ гранитѣ. Затѣмъ кладу обѣ руки на нижнйй выступъ окна, притягиваюсь и прыгаю внутрь на каменный полъ.

Десятокъ летучихъ мышей вырывается черезъ окно наружу, обдавая меня вѣтромъ. Подъ низкимъ потолкомъ шелестятъ крылья оставшихся перепуганныхъ странныхъ существъ. Здѣсь сыро, какъ въ погребѣ.

— Сказки, сказки, гдѣ вы?—изступленно кричу я, протягивая руки вверхъ и хватая воздухъ. — Я хочу сказокъ, мнѣ надоѣла дѣйствительность!

Нѣсколько разъ крылья мышей касаются моихъ пальцевъ, и тогда я въ ужасѣ отдергиваю руку. Но сейчасъ же вновь начинаю гоняться за невидимыми существами. Это продолжается минутъ пять. Затѣмъ шумъ крыльевъ стихаетъ и совсѣмъ прекращается. Всѣ ночные обитатели башни вылетѣли наружу.

Тогда я бросаюсь на холодный и липкій полъ и долго, громко и съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ рыдаю и рву на себѣ волосы. Неврастенія въ полномъ разгарѣ.

Полчаса спустя я спокойно карабкаюсь на отвѣсъ. При извѣстной выдержкѣ и умѣньѣ ориентироваться — это возможно. Мнѣ помогаетъ далекая молнія, которая вспыхиваетъ по временамъ. Внизу подъемъ не такъ труденъ: я ощупываю камень на уровнѣ колѣна, прочно уставляю на немъ ногу, слегка приподнимаюсь и цѣпляюсь рукой за слѣдующій выступъ. Голова моя занята все время дѣловыми мыслями.

На серединѣ пути есть два опасныхъ момента. Въ одномъ мѣстѣ надо миновать вертикальную трещину въ скалѣ, а это возможно лишь съ помощью легкаго прыжка на небольшой выступъ противоположной стороны. По счастью, въ этомъ мѣстѣ удобно держаться рукой за свѣсившійся толстый корень пинии, растущей надъ расщелиной. Я выжидаю молніи и прыгаю благополучно. Въ ту же минуту чувствую, какъ холодѣетъ сердце. Здѣсь я дѣлаю отдыхъ, такъ какъ это — середина пути. Дальше уже нѣтъ такихъ отвѣсовъ, но зато почва рыхлая; нѣтъ сплошной скалы, и камни слегка шатаются въ землѣ. Я нащупываю одинъ изъ нихъ, и крѣпко становлюсь ногой на нижній; въ то же время ощущаю, какъ рука моя, вмѣстѣ съ камнемъ, отдѣляется отъ рыхлой глыбы земли, и тѣло, слегка вздрогнувъ, подается внизъ. Затѣмъ рука выпускаетъ камень, и онъ сильно ударяетъ меня по согнутой колѣнкѣ. Я инстинктивно и съ силой, однимъ рѣз-

кимъ движеніемъ, вонзаю пальцы въ землю и съ минуту храплю равновѣсіе...

Сквозь шумъ прибоя отчетливо слышу рѣзкіе щелчки скатившагося камня по скаламъ; потомъ слышу, какъ бьется сердце, и чувствую, какъ подается земля, за которую я судорожно ухватился.

Сверху, сквозь разорванныя тучи, смотритъ на меня яркая звѣзда. Я опускаю глаза внизъ—тамъ черная ночь, скрывающая пропасть; только прибой яростно бушуетъ. Я смотрю въ невидимую пропасть и безмысленно твержу:

— Какъ темная пропасть.. Ея глаза глубоки какъ пропасть... Только ея глаза могутъ быть глубоки какъ пропасть...

Блескъ молніи освѣщаетъ камень на уровнѣ моей руки. Быстро хватаюсь за него скользкими пальцами; камень выдерживаетъ мою тяжесть.

Теперь я увѣренъ, что не погибну. Отъ радостнаго волненія мои ноги дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ; я такъ ослабѣлъ, что долженъ торопиться. Вотъ, наконецъ, стволъ первой пинніи, которую я обнимаю, какъ надежнаго друга.

Я отдыхаю и, держась за дерево крѣпче, чѣмъ необходимо, думаю о томъ, что сейчасъ я глядѣлъ въ лицо смерти. И въ эту минуту я ясно различаю въ себѣ два существа. Одно, человѣческое, тоскуетъ о смерти, которую видѣло; другое, животное, радуется спасенію отъ ужаса прошлой минуты.

Въ домики на поворотѣ тропинки уже спятъ. Домой я приближаюсь съ чувствомъ полной разбитости. Ночью нѣсколько разъ просыпаюсь въ животномъ страхѣ. Мнѣ кажется, что я лечу съ крыши высокаго дома. Успокаиваетъ только папироса и большой пріемъ ландышевыхъ капель.

— Счастливаго пути, синьоръ Серджіо!

— До свиданья, Роберто, спасибо!

— Какъ соберетесь опять къ намъ на отдыхъ—пришлите почтовую карточку, а ужъ мы приготовимъ для васъ помѣщеніе по вашему вкусу. Будьте покойны!

— Спасибо, спасибо!

Въ вагонѣ тѣсно, какъ въ коробкѣ сардинъ. Спать не удастся, а я не спалъ всю вчерашнюю ночь. Съ одной стороны—толстая

баба, съ другой—солдаты въ сѣрыхъ гамашахъ. Поѣздъ ныряетъ изъ туннеля въ туннель. На лицо и одежду садится слой мелкой угольной пыли. Сосѣди напротивъ говорятъ о сортахъ винограда и о послѣднемъ сборѣ; потомъ бранятъ генуэзскихъ портовыхъ рабочихъ за стачку.

Какъ скучно! Какъ скучно опять сидѣть въ вагонѣ, опять ѣхать куда-то зачѣмъ-то... Я мысленно рисую географическую карту,—да, немалый кусокъ земли... То тамъ, за Ураломъ, то тутъ, на берегахъ Средиземнаго моря, то на финляндскихъ шхерахъ, то въ огромномъ Лондонѣ. Странно, отчего до сихъ поръ я не уѣхалъ въ Америку? И не тянетъ какъ-то... Въ Египетъ я поѣду въ будущемъ году, это рѣшено... Въ Россію? Нѣтъ, я не вернусь въ Россію. Мнѣ нечего дѣлать въ Россіи.

Развѣ между нами есть что-нибудь общее? Мы говоримъ на разныхъ языкахъ, друзья мои! Вы меня не понимаете, мнѣ же надоѣло васъ слушать!

Видите ли, вашимъ теоретическимъ выкладкамъ сильно вредитъ одна маленькая практическая нелѣпость. Я въ этихъ дѣлахъ, конечно, профанъ, но имѣю передъ вами то преимущество, что я старъ. Не вѣрите? Спросите Танечкину маму или Танечку! Такъ вотъ я и говорю: вы заблуждаетесь! Когда вы толкуете въ минорномъ тонѣ объ „общемъ дѣлѣ“ или въ мажорномъ о „личномъ счастьѣ“, или изыскиваете гармоническій аккордъ, то въ первомъ случаѣ вы мыслите скопчество, во второмъ—блудъ, а въ третьемъ—просто лицемѣрите. Я же, будучи цвѣткомъ осеннимъ и имѣя въ виду наступающіе морозы, дорожу всеми красками бытія. Для меня это—не философія, а жизнь. Вы, птенцы желторотые, явились въ міръ съ протестомъ противъ стѣсненія плоти, хотя никто вашей плоти не стѣснялъ, съ протестомъ противъ личной жертвы, хотя вы ничего и ни во имя чего не жертвовали, и никто съ васъ этого не спрашивалъ. Повторяю, вы—желторотые птенцы, похотливая накипь вы, и нечего вамъ кричать! Блудите себѣ на здорье, благо бесплодны!

Но если *мы* голосъ поднимаемъ, если *мы* требуемъ себѣ частицы личнаго счастья, такъ мы дѣлаемъ это не во имя моды и не изъ похоти. Мы все отдавали, не требуя ни награды, ни признанья; мы вѣрой горѣли, поймите — горѣли, а не тлѣли, какъ тлѣютъ ваши сальные фитили! Мы статую изъ мрамора высѣкали,

а не пекли бабу изъ свободнаго тѣста! И вотъ мы-то вдругъ, внезапно потеряли вѣру, потеряли крушеніе. Когда валятся дубы, это не то, что сальные огарки догорають! Насъ валить ураганъ,— васъ перешибають щелчкомъ; это—не одно и то же!

А потому—подите прочь, шире дорогу! Уже отходить время лѣсныхъ поганокъ и потомковъ этихъ поганокъ. Теперь будутъ возрождаться къ жизни старые дубы и нарождаться молодые дубки отъ ихъ сѣмени. Или времени не чувствуете?

Визгомъ жалкимъ, смѣшкомъ своимъ, похотливымъ бормотаньемъ вы заглушили нашъ стонъ. Развѣ умѣете вы рыдать по-мужски? Вѣдь вы хнычете и скулите! Развѣ вы чувствуете величіе и красоту? Вѣдь вы бѣгаете толпой по жалкимъ выставкамъ, держась за фалдочки другъ друга! Развѣ вы любите и цѣловать умѣете? Вы обнюхиваетесь и лижетесь, вы лѣзете другъ на друга, какъ щенята! А еще говорите о юности, расторгшей цѣпи, повергнутой кумиры, познавшей восторги, нашедшей новаго бога—бога радости. О, какъ ненавижу я теперь ваше низкорослое поколѣніе съ вашей литературой, съ вашей мазней по холосту! И я, старый мухоморъ, шелъ къ вамъ, молодымъ сморчкамъ, просился въ друзья, благоговѣлъ предъ вашей мнимой юностью! Но вѣдь я не зналъ, что вы уже нашли; я думалъ, что вы ищете, и хотѣлъ искать съ вами.

Я и шелъ лишь потому, что искалъ самъ; искалъ, ищу и буду искать—и найду, если не цѣль, то дорогу къ цѣли. Но та частица счастья, которую ищу я—не блудъ, и ищу я ея не въ награду за прошлое скопчество. Повторяю вамъ—мнѣ дороги всѣ краски бытія, весь спектръ земной радости! И я не боюсь ни старыхъ словъ, потому лишь, что они стары, ни новыхъ словъ, потому лишь, что они новы и что ихъ бессмысленно бормотали и ваши малокровныя губы. И какъ отлично будетъ мое счастье отъ вашего!

Читали вы, какъ Габріэле д'Аннунціо леталъ въ Брешию по воздуху?

— Ахъ,—сказалъ великій поэтъ:—это—величайшее наслажденіе, несравнимое ни съ чѣмъ! Это возвышаетъ! Я никогда еще не испытывалъ ничего подобнаго!—И даже написалъ на эту злобу дня цѣлую поэму.

А леталъ онъ на аршинъ отъ земли, ровнехонько на одинъ

аршинъ; выше аппаратъ съ двумя пассажирами никакъ не смогъ подняться.

Такъ летаете и вы; мы летали выше, мы за облака поднимались! Нашъ аппаратъ лежитъ разбитый. Но не разбейся онъ-- онъ все равно не былъ бы теперь годенъ. Пора строить новые! Теперь не за облака,—теперь полетимъ въ другіе мѣры; но земля всегда останется нашимъ hangar'омъ.

Довольно!

Послѣдняя станція, съ которой море видно сверху. Дальше поѣздъ пойдетъ по низкому берегу и далеко отъ него. Прощай, море! Увидимся въ Анціо или, лучше всего, на югѣ. А то увижу тебя въ ясный день съ купола святого Петра...

Толстая баба, моя сосѣдка, тяжело дышитъ и клюетъ носомъ. На колѣняхъ у нея лежитъ большой свертокъ съ чѣмъ-нибудь съѣстнымъ. Коснувшись его носомъ, она поднимаетъ голову и начинаетъ опять клевать. Солдатъ справа не дремлетъ, какъ на посту. Глаза у него круглые и всегда удивленные. Сосѣди напротивъ перебрали всѣ общіе интересы и снова вернулись къ вопросу о послѣднемъ сборѣ винограда. Мои ноги протянуты между ними; лицо я закрылъ платкомъ отъ угольной пыли и отъ свѣта электрической лампочки.

Когда я сидѣлъ въ одиночкѣ въ Москвѣ, моимъ сосѣдомъ былъ мирный пропагандистъ изъ рабочихъ. Онъ просидѣлъ восемь мѣсяцевъ; за это время его жена сошлась съ другимъ и перестала ходить къ нему на свиданья; онъ самъ мнѣ рассказалъ объ этомъ по звуковой азбукѣ черезъ толстую стѣну, хотя можно было рассказать и черезъ окно. Но такъ легче—не слышно голоса.

— Вы должны простить ей, товарищъ; развѣ она не свободна?—простучалъ я ему.

— Знаю,—отвѣтилъ онъ.—Я ее не сужу. Но теперь и я свободенъ тоже!

— Конечно,—отвѣтилъ я, не совсѣмъ понявъ его.

Его выпустили, и онъ ушелъ съ головой въ терроръ. Жена его родила ребенка, и ея сожитель выбросилъ ее на улицу. Ей удалось разыскать мужа; онъ отдалъ ей всѣ деньги, которыя имѣлъ, обѣщалъ прислать еще, но просилъ больше его не разыскивать.

— Ты пойми,—сказалъ онъ ей,—что я теперь свободенъ! Я тебя люблю, но не могу тебя принять; люблю я тебя и ненавижу!

За предательство ненавижу! Почему ты не выбрала другого времени? Какъ могла ты думать о плоти, когда я былъ въ тюрьмѣ и ждалъ суда? Можетъ-быть ты, и права, но видѣть тебя я не могу больше.

Потомъ его повѣсили. Гдѣ она— не знаю.

Почему мнѣ опять вспомнилось это? Вѣдь это—не то же самое... Вѣдь она ничѣмъ не была связана со мной, кромѣ взгляда.

Опять станція. Мы проѣхали треть пути.

— Кондукторъ, какая станція?

Кондукторъ не слышитъ. Я срываюсь съ мѣста, хватаю чемоданъ и бомбой вылетаю изъ вагона.

— Когда идетъ обратный поѣздъ?

— Въ Геную? Въ шесть утра, синьоръ. Позвольте вашъ билетъ, синьоръ! У васъ билетъ до Рима?

— Ахъ, все равно! Я долженъ вернуться въ Геную.

— Тогда вамъ придется подождать до утра.

Я несу чемоданъ въ комнату ожиданья. Но здѣсь оставаться нельзя, необходимо ѣхать въ отель. Охъ, какой вздоръ! Я ничего не понимаю. Сколько времени? Только одиннадцать вечера...

Въ залѣ третьяго класса пахнетъ длинной десятисантиметровой сигарой. Я никогда еще не былъ въ такомъ нелѣпомъ положеніи: ждать цѣлыхъ семь часовъ! Но мнѣ противно ѣхать въ отель. Лучше сдать чемоданъ на храненіе и прошляюсь въ городъ всю ночь.

Вагонъ меня такъ утомилъ, что не хочется двигаться съ мѣста. Бѣгутъ минуты, а я сижу въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

— Куда ѣдете, синьоръ?

Я вскидываю голову; я задремалъ и плохо понимаю, что нужно отъ меня сторожу.

— Билетъ вашъ! Въ Римъ ѣдете?

— Въ Римъ.

— Такъ вамъ надо штемпель поставить объ остановкѣ. Въ кассу пожалуйста!

Мы идемъ въ кассу.

— Когда поѣздъ?

— Черезъ четверть часа. Только третьяго класса нѣтъ!

— Я приглачу за второй...

Нѣсколько минутъ сна ободрили меня; теперь голова уже не

кружится. Эта слабость была послѣдней. Теперь я уже увѣренно
иду въ Римъ, мой славный, любимый старый городъ.

Довольно ребячиться! Пора покончить съ этимъ.

Иду по улицѣ и размышляю.

Если бы я жилъ сейчасъ въ русской деревнѣ, на благоустроен-
номъ хуторѣ, и смотрѣлъ изъ окошка на идущихъ въ поля кре-
стьянъ,—я бы думалъ:

— Счастливые пейзажи! Они встаютъ рано, дышать свѣжимъ
утреннимъ воздухомъ, пьютъ прекрасное, здоровое молоко отъ сво-
ихъ сытыхъ, породистыхъ коровъ. Чуть заря — они уже запряга-
ютъ свою любимицу-лошадку, веселую сивку, и идутъ взрывать
и засѣвать землю-матушку. Тишина, покой, аромать душистыхъ
травъ, истинно-русская благодать...

„Ну, тащися, Сивка,
Пашней-десятиной“...

и прочее.

Нѣтъ, право! Удивительно буржуазно-покойное настроеніе.
Правда, я не въ русской деревнѣ, а въ Римѣ, но это все равно.
Я всѣмъ доволенъ. Все утро пишу, въ полдень съѣдаю огромную
тарелку ризотто или пасташютты, опять строчу, потомъ иду къ
знакомому {букинисту спросить, нѣтъ ли чего новаго. Кое-что
все-таки есть! Одинъ деревенскій попикъ послалъ ему задешево
„Телетургическое откровеніе, въ коемъ изъяснены сокровища,
скрытыя въ таинствѣ мессы“ — недурное венеціанское изданіе
середины XVII-го вѣка. Къ сожалѣнію, мнѣ это ни къ чему.
Съ четверть часа мы любимся изданіемъ, съ полчаса букинисть
объясняетъ мнѣ, какимъ добросовѣстнымъ членомъ книгопродав-
ческаго союза онъ является, еще четверть часа мы соображаемъ,
за сколько онъ можетъ уступить мнѣ маленькую брошюрку объ
аграрномъ движеніи въ Сициліи. Наконецъ я расплачиваюсь и
иду въ знакомый ресторанчикъ, гдѣ у меня свой столикъ, свои
чернила, свое кольцо для салфетки.

Ну, какъ же не благодушествовать! Типичный римскій дво-
рикъ обращенъ въ садъ. вмѣсто потолка — сѣтка винограднаго
переплета; маленькій бассейнъ, гдѣ плаваютъ темныя рыбки,
еще не попавшія подъ кухонный ножъ. Сквозь виноградъ видно,
какъ на балконѣ играютъ дѣвочки-подростки, спуская на ниткѣ.

въ бассейнѣ игрушечную лейку и затѣмъ поливая герань на балконѣ — прелюбопытное, по-моему, занятіе. Хозяинъ — маленький, круглый и добродушный, хозяйка — маленькая, круглая и добродушная, хозяйская дочка — маленькая, круглая и добродушная, и у нихъ троихъ — девять подбородковъ. Въ это время въ кабачкѣ никого не бываетъ, почему у хозяйки всегда дремлетъ правый, а у хозяина лѣвый глазъ; дочка же просто скучаетъ, такъ какъ ея женихъ еще не отбылъ солдатскаго срока. Всѣ — мы большіе пріятели и молча улыбаемся другъ другу.

Какъ я открылъ этотъ кабачокъ? Въ памяти встаетъ хорошій товарищъ, полу-русскій, полу-итальянецъ, который когда-то указалъ мнѣ его адресъ. Онъ зналъ Римъ, какъ свою комнату, и впоследствии, безвременно разставаясь съ жизнью въ Россіи, въ расцвѣтѣ здоровья и молодости, — только сюда, только въ свой любимый Римъ послалъ онъ привѣтъ одной милой бѣдной дѣвушкѣ:

„Saluti dall'altrove!“
(Привѣтъ оттуда!)

Вотъ все, что значилось въ запискѣ, написанной имъ за часъ до смерти и пересланной въ Римъ его защитникомъ...

Помню, какъ однажды зимой въ этомъ кабачкѣ собиралась за обѣденнымъ столомъ небольшая литературная компанія изъ москвичей и петербуржцевъ; свободныя залетныя птицы — всѣ они разлетѣлись; и одинъ я вернулся въ этотъ старый, славный, неуклюжій Римъ, отнынѣ и навсегда — мой родной городъ...

У хозяйки закрылся и второй глазъ; попрежнему бодрствуетъ только правый глазъ ея супруга, хотя зачѣмъ бы и ему бодрствовать, разъ все идетъ благополучно?

Но вовсе не все идетъ такъ гладко.

— Очень много пріятелей у Джузеппе, у сынка моего, синьоръ Серджио. Слишкомъ у него много пріятелей!

— Что жъ, падроне, онъ человѣкъ молодой...

— Молодой, конечно. Я тоже былъ молодой, но у меня меньше было пріятелей, синьоръ Серджио. И мои товарищи солиднѣе были. Не нравится мнѣ, что у него такъ много пріятелей! Каждую минуту таскаются сюда. А то онъ по цѣлымъ днямъ пропадаетъ.

Оба глаза смотрятъ вверхъ, на перешлетъ виноградной лозы

Ея листья пожелтѣли, покраснѣли. Кое-гдѣ остались засохшія и завядшія ягоды. Каковъ былъ виноградъ нынче?

— Ничего, хорошъ. Я даже молодого вина сдѣлалъ. Противъ прошлаго года куда же лучше уродился.

Дѣйствительно, въ прошломъ году былъ плохъ виноградъ. А въ позапрошломъ? Кажется, совсѣмъ не было. Какъ? Неужели я уже третью зиму встрѣчаю здѣсь?

На-дняхъ я замѣтилъ, что давно уже пересталъ нацѣвять русскіе мотивы; они какъ-то незамѣтно, втихомолку ушли изъ памяти, и ихъ смѣнила неаполитанская мелодія...

„Vide'o mare, quant'è bellu!
Spira tantu sentimentu..“

„Взгляни, какъ прекрасно море! Какимъ чувствомъ дышитъ оно! Оно — какъ ты — заставитъ грезить всякаго, кому глянуть въ лицо...

„Взгляни, взгляни же на этотъ садъ! Вдохни, вдохни же ароматъ цвѣтущихъ апельсиновъ! Сердце замираетъ отъ ихъ тонкаго дыханія.

„И ты говоришь: „Я уѣзжаю, прощай!“ Ты хочешь вырвать себя изъ этого сердца? Ты хочешь бросить эту землю любви? Ты похитила сердце и не хочешь вернуться?

„О, не покидай меня! Не доставляй мнѣ этихъ мукъ! Вернись въ Сорренто! Верни мнѣ жизнь!“

Оказывается, я не такъ ужъ буржуазно покоенъ! Меня тревожатъ эта неаполитанская мелодія съ ея дешевыми словами. Дешевыми и такими... общепонятными...

— Вотъ тоже дочка, — продолжаетъ думать вслухъ толстый падроне. — Развѣ возможно ждать три года? Трудненько! Правда, жаловаться нельзя, работаетъ; а вотъ Джузеппе — тотъ все больше насчетъ гулянья съ пріятелями.

Заглянулъ въ кабачокъ уличный гитаристъ. Никого нѣтъ? Ну, ничего; онъ пока выпьетъ полъ-литра пастозо. Хозяинъ вновь открылъ оба глаза, сѣменить короткими ножками въ погребъ. Экая добродушная скотина...

Да что мотивы! Даже психологія вырабатывается какая-то особенная, итальянская. И странна: какъ-то дорого мнѣ все это — и небо, и красно-золотые осенніе листья, и старые стѣны, и воспоминанія, и сонная, покойная жизнь вѣчнаго города. Дорога мнѣ

Италія, какъ дорога была Россія. Да, *была*, потому что теперь ея больше нѣтъ...

Нѣтъ, и русскіе мотивы еще не все забыты. Сегодня я вспомнил простой напѣвъ дѣтской пѣсенки, вспомнил ея наивныя слова, вспомнил маленькій клочокъ жизни, съ нею связанный—и все измѣнилось. Сошелъ въ душу такой покой, словно на сѣромъ небѣ проглянулъ голубой глазъ, ровный-ровный, ясный-ясный. Вся эта неврастенія, дерганье это—все сразу отдалилось, и спокойно стало, и хорошо стало, и хочется улыбаться безъ конца, по-дѣтски улыбаться, и хочется напѣвать этотъ легонькій мотивъ, и стараться дѣлать это какъ можно проще и нѣжнѣе.

Даже рассказывать нечего — такъ это было просто. Когда я въ первый разъ былъ въ ссылкѣ, то у меня въ одномъ сибирскомъ городкѣ завелась знакомая семья — очень симпатичные люди. Я въ то время страдалъ меланхоліей, а у нихъ за чаемъ утѣшался: Это были — мужъ съ женой и дочка Наташа, бѣлокурая дѣвочка лѣтъ десяти, нѣжный, прозрачный ребенокъ. Какъ-то меня все хотѣли развеселить и разсѣять, и мать сказала Наташѣ:

— Споѣй, дружокъ, что-нибудь Сергѣю Иванычу!

У Наташи былъ славный мелодичный голосокъ, и пѣла она не смущаясь. И вотъ подошла ко мнѣ, встала въ позу и пропѣла мнѣ эту граціозную вещицу. Раньше я никогда не слыхалъ. И съ такимъ чувствомъ—откуда только она взяла его, милый ребенокъ! А потомъ взяла мою руку и погладила ее, поласкала, какъ котенка ласкають. И было мнѣ такъ тепло отъ этой дѣтской ласки...

И было мнѣ такъ свѣтло и тепло... И такъ неуютно, и такъ холодно стало потомъ, когда и этого утѣшенья я лишился. И часто, сидя въ одиночной камерѣ или шагая по этапу въ толпѣ сѣрыхъ халатовъ, я какъ во снѣ ощущалъ нѣжное прикосновеніе маленькой ручки бѣлокурога ребенка и болѣзненно силился вспомнить легонькій мотивъ... Мѣшалъ мнѣ тогда звонъ кандаловъ и ругань конвойныхъ...

Ахъ, какъ нужна мнѣ и сейчасъ дѣтская ласка! Я знаю, къ чему меня толкаетъ эта потребность, и знаю, что не сдамся. Выдержка это или упрямство — но только къ запоздалому счастью или запоздалому несчастью я не пойду. Мнѣ не убить въ себѣ протеста и не пробудить состраданія. А если и есть во мнѣ со-

страданіе, то не могу я на немъ строить новыхъ чувствъ и новыхъ отношеній. Старымъ же нѣтъ мѣста: я вновь зашифровалъ былыя страницы жизни, и ключъ къ нимъ я бросилъ теперь въ море. Да не то же ли диктуетъ мнѣ и мое состраданіе? Не имъ ли подсказано мое дѣйствіе?

Я учусь жизни у стараго мрамора. Бѣлый камень, вывѣтренный временемъ, — олъ говоритъ мнѣ такъ много и такъ краснорѣчиво! Я вижу, какъ смѣется надъ малостью нашихъ великихъ задачъ онъ, свидѣтель столѣтій. И я благоговѣю предъ его молчаливой мудростью. Въ каждомъ его обломкѣ, въ каждой морщинѣ его благородной старости я вижу улыбку сфинкса; и мое человеческое горе, и мою думу я ощущаю такими маленькими и ничтожными, что мнѣ стыдно беспокоить его вопросомъ о нихъ.

А тѣ, мои старые друзья и соратники, зовутъ меня вернуться...

„Мы васъ ждемъ,—пишутъ они.—Отдохните, наберитесь силъ, посмотрите на свои музеи и возвращайтесь къ работѣ. Не думайте, товарищъ, что сейчасъ время мертвое, а потому можно посвятить его инымъ заботамъ! Дѣла много, такъ же много, какъ мало людей! Или вамъ не изъ чего выбирать? Или вы думаете, что на всемъ протяженіи отъ чистаго культурничества до беззавѣтнаго протеста не найдется подходящаго дѣла для стараго, преданнаго работника? Вотъ вы говорили о нашей партійной литературѣ. Ну, предположимъ, что она слаба; но значить ли это, что она и должна оставаться такой? Критиковать легко, товарищъ, критикуютъ всѣ; но нужно, чтобы кто-нибудь дѣлалъ! Мы вамъ не угодили — идите же, научите насъ уму-разуму... если у васъ такой его избытокъ“.

Да, друзья мои, но вы забыли одно. Въ себѣ самомъ я все разрушилъ, но еще такъ мало выстроилъ. Зачѣмъ вы мѣшаете мнѣ учиться у древнихъ архитекторовъ? Знаю, что я, быть-можетъ, выстрою языческій храмъ на мѣстѣ святѣ, откупленномъ вашей ортодоксіей. Но ужели вы такъ держитесь за свое правовѣріе? Вы не усомнились? — Счастье ваше! Вы гордитесь тѣмъ, что сумѣли въ бурю и во грозу соблюсти свою вѣру, и что у васъ хватаетъ силы начать постройку съ самаго перваго этажа? — Благо вамъ! Но вѣдь я не про стѣны говорю, нѣтъ; фундаментъ разрушенъ, его нужно строить! Вы меня зовете чинить паруса—

а я вижу, какъ протекаетъ дно нашего корабля. А разъ такъ, не лучше ли его затопить, чтобы онъ не достался неприятелю? Во всякомъ случаѣ, я не такой.. консерваторъ! Я, правда, не поклонился всему, что сжигалъ—но сжегъ все, чему поклонялся. А что будетъ дальше—посмотримъ.

Я хочу прежде всего изъ пепла создать себя. У меня для этого достаточно времени: какъ разъ все то время, которое вы тратите на самосожиганіе. А не создавъ себя — могу ли я идти и учить другихъ? Съ какихъ поръ вы, защитники личности и ея исторической роли, стали отводить ей такую недостойную роль?

Вы скажете:

— Если такъ, то мы васъ не зовемъ.

— Да,—отвѣчу я,—но вы меня вызываете!

Сегодня благодушные—завтра вы мнѣ бросите перчатку. Я-то старъ и прочень, меня ваша перчатка размѣшить не надолго. Но вы всегда готовы бросить вызовъ молодежи лишь за то, что она покупаетъ себѣ наряды въ модныхъ магазинахъ, а не у старъ-евшиковъ. О, создайте прочную и солидную фирму, — тогда и современные модники перейдутъ къ вамъ! Но для этого нужно не только отрицать модный вздоръ, но и понять время. А вы его понимаете ли?

Съ глубокимъ удивленіемъ смотрю я на вашу неумоимость, друзья мои! Вы исполняете поистинѣ гигантскую работу, гигантски-бездельную работу! Вы, какъ муравьи, поднимаете тяжесть, во много разъ превышающую вашъ собственный вѣсъ. Въ свое время я относился съ безмѣрнымъ уваженіемъ къ уму этой породы насѣкомыхъ... пока не прочелъ характеристику, данную имъ Маркомъ Твэномъ. Теперь я убѣжденъ, что это — самыя трудолюбивыя и самыя безтолковыя изъ живыхъ существъ! Грубый сапогъ наступилъ на вашъ муравейникъ и погубилъ работу многихъ лѣтъ. Вы въ святомъ бѣшенствѣ бросаетесь на сапогъ, кричите: „впередъ, товарищи!“ и, бессильные прокусить даже слой ваксы, ломаете челюсти и гибнете тысячами. Затѣмъ вы начинаете на томъ же мѣстѣ, по тому же плану, возводить новую жалкую постройку, которую черезъ нѣсколько дней разрушить до основанія резиновая галоша или даже простой мужицкій лапоть. И что же? Вы съ гордостью вновь воскликнете:

„Впередъ, безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!“

Т.-е. начнете снова строить то же зданіе по тому же плану?
— Что же дѣлать?—возразите вы.—Бросить все? Отказаться отъ своихъ священныхъ задачъ? Удалиться на покой? Примириться?

— Нѣтъ! Но перестать быть муравьями.

Или, быть-можетъ, вы возразите старой пословицей:

— Муравей не великъ, а горы копаешь...

Такъ знайте, что это вздоръ! Никакихъ онъ горъ не копаешь и никакихъ основъ не подтачиваетъ! Горы копаешь человекъ, а муравей создаетъ лишь муравьиныя кучи.

Или, наконецъ, вы скажете, что „перестать быть муравьями“—только фраза, которую говорятъ, когда нечего сказать? Вотъ именно такимъ возраженіемъ вы и докажете только, что жизнь идетъ мимо васъ! Во всемъ мірѣ идетъ великій пересмотръ—только вы уклоняетесь отъ ревизіи. Во всемъ мірѣ личность стремится вылупиться изъ устарѣлой оболочки добродѣтельнаго общественнаго муравья—только вы довольствуетесь своей выдержкой, своимъ трудолюбіемъ и своей готовностью обращать свое тѣло въ удобреніе для сорныхъ травъ. Кривой усмѣшкой вы награждаете ищущихъ, негодующе клеймите сбившихся съ пути и, какъ католическіе попы, шепчете губами заученныя молитвы. Всѣ сомнѣнія для васъ—лишь грѣховная метафизика,—для васъ, разгадавшихъ все.

„О, я вѣрю въ честность вашихъ убѣжденій, которыя были когда-то и моими! Я вѣрю, что вы искренно изумитесь, когда въ одинъ прекрасный (воистину прекрасный!) день васъ столкнутъ съ вашихъ минаретовъ, и мѣдный полумѣсяцъ вашихъ мечетей замѣнятъ яркой звѣздой, похищенной прямо съ небосвода. И бѣдные сверженные муллы,—вы съ горечью воскликнете тогда:

— Аллахъ! За что ты предалъ насъ! Развѣ мы не были истинными жрецами правовѣрныхъ?..

Изъ всѣхъ итальянскихъ врачей я признаю только одного—старика изъ сосѣдней аптеки. Родомъ онъ изъ Сициліи, съ юности почти безвыходно живетъ въ Римѣ, и тѣмъ не менѣе—сепаратистъ.

— Повѣрьте мнѣ—для исторіи нѣтъ невозможнаго! И по-

вѣрьте мнѣ—Сицилія будетъ независимымъ государствомъ! Я—человѣкъ трудовой, и не желаю возврата эпохи Бурбоновъ. Но не могу и не согласиться съ мудрой нашей пословицей: „было лучше, когда было хуже!“

— Прекрасно, докторъ; но оставимъ политику и поговоримъ о сердечныхъ дѣлахъ. Что хорошенькаго слышали вы въ моемъ лѣвомъ боку?

— Желаете, чтобы я говорилъ по чистой совѣсти?

— Убѣдительно прошу васъ!

— Въ лѣвомъ боку у васъ нехорошо!

— Это я знаю; но насколько?

— Настолько, что сигары нужно бросить.

— Я не курю сигаръ; я курю папирсы.

— Безразлично; вообще дымить не слѣдуетъ.

— Это средство не подходитъ, докторъ! Другого нѣтъ?

— О, медицина знаетъ много средствъ, гораздо больше, чѣмъ ихъ имѣется въ любой аптекѣ! Но лучше ихъ не употреблять, такъ какъ они довольно бесполезны, а иногда вредны. А затѣмъ—вамъ не слѣдуетъ волноваться.

— Богъ съ вами, докторъ! Я—спокойнѣйшій человѣкъ! Стрѣляйте изъ пушки—я не вздрогну.

— Можетъ-быть. Но я замѣтилъ, что вы вздрагиваете безъ пушки.—Побольше спите, поменьше пишите, предоставьте революцію другимъ...

— Уже предоставилъ!

— И превосходно сдѣлали. Совѣтовалъ бы также жениться на дѣвушкѣ съ ровнымъ характеромъ и достаточнымъ приданымъ...

— Докторъ! Вы матеріалистъ! Да за меня такая и не пойдетъ...

— Лучше всего на блондинкѣ, на одной изъ вашихъ соотечественницъ. Домашній очагъ васъ уравниваетъ.

— Моя невѣста не родилась, докторъ!

— Родилась и уже конфирмирована лѣтъ десять назадъ, будьте покойны. Въ заключеніе желаю вамъ прекраснаго сына!

— Дочь.

— Вы хотите дочь? Превосходно!

— А вы хотите сигару, докторъ, я вижу. Кстати и я выкурю, я давно не курилъ сигаръ.

Къ концу консультаціи мы плаваемъ въ облакахъ дыма, такъ какъ окно, по случаю дождя, заперто. Пресимпатичный докторъ!

Однако, уходя, онъ говоритъ мнѣ:

— Послушайте, безъ шутокъ, вамъ надо поберечься! Вы уже въ такомъ возрастѣ...

Однимъ словомъ—то же, что говорила мнѣ московская старушка...

Приходитъ ночь. Я благоразумень. Я гоню отъ себя мысли волнующія. Не потому гоню, что онѣ вредны для сердца, а потому гоню, что мнѣ равно не продумать ихъ до конца: въ нихъ есть такъ много пробѣловъ, неразгаданнаго, зашифрованнаго... А ключъ потерянь.

Среди ночи я вскакиваю въ ужасѣ. Что случилось? Отчего такъ странно въ груди? Будто тамъ что-то вдругъ умерло, опустошилось. Отчего мнѣ страшно? Отчего мнѣ такъ холодно? Отчего я не слышу своего сердца, хотя за минуту оно стучало такъ громко, такъ ненужно-громко?

Потомъ проходитъ... Теплая волна вновь вливается въ грудь, мнѣ хорошо. Такъ было въ Сибири, когда пѣвунья-дѣвочка погладила мнѣ руку. Такъ было когда-то давно-давно, когда еще не было могилы съ краткой надписью:

„Здѣсь покоится прахъ рабы Божіей Анны“.

Давно-давно, когда я еще не былъ старымъ волкомъ, котораго на сказочной королевской охотѣ собаки выгнали изъ хвойнаго лѣса сѣвера и загнали въ южныя апельсиновые рощи.

Я знаю, что это бредъ, но меня такъ пригрѣла ласка прихлынувшей къ сердцу крови. Мнѣ такъ нужна ласка, мнѣ, старому—дѣтская ласка, ласка трехлѣтней дѣвочки, похожей на юньскій красный полевой макъ.

„Gli occhi profondi-profondi, come un abisso!“ „Глубокіе-глубокіе, какъ пропасть... У кого еще могутъ быть такіе глаза? Я долженъ гнать эти мысли? Докторъ! Я не могу! Лучше я брошу курить... Однако знайте, докторъ, что моя невѣста еще не родилась“...

И засыпаю. И вижу сны—смѣшные, дѣловые и заурядные.

А утромъ я снова бодръ и энергиченъ. Ахъ, если бы докторъ общалъ мнѣ еще вѣрныхъ десять лѣтъ, вмѣсто тѣхъ шуточныхъ ста, которыя онъ всегда сулитъ! Только десять, а мы уже себя

покажемъ! Кому? Вамъ, желторотые птенцы! Мои милые желторотые птенчики въ модныхъ костюмахъ, выходящихъ изъ моды...

Вамъ—и имъ, старымъ мулламъ правовѣрныхъ. Вы—слишкомъ молоды, они—слишкомъ стары. Я же, какъ извѣстно—именно въ томъ возрастѣ, когда нужно начинать заботиться о своемъ здоровьи, но еще не нужно въ этомъ отношеніи преувеличивать. Представьте себѣ человѣка, который всегда ходилъ съ тросточкой; раньше онъ ею помахивалъ, теперь же онъ начинаетъ слегка на нее опираться, въ особенности при крутыхъ подъемахъ. Отъ этого онъ приобретаетъ солидность, но ничего не теряетъ. Не правда ли, Танечка?

А правда—не жениться ли мнѣ на одной изъ моихъ бѣлокрыхъ соотечественницъ, ровнаго и спокойнаго характера, съ небольшимъ приданымъ? Вѣдь я одинокъ и свободенъ.

Правда, одиночество еще не прискучило мнѣ. Даже для своихъ любимыхъ блужданій по вѣчному городу я не ищу товарища.

Для прогулки по Палатинскому холму я выбираю день платный и будничныи, чтобы не встрѣчать на каждомъ шагѣ итальянцевъ, шатающихся среди развалинъ съ выраженіемъ праздничнаго самодовольства. Этотъ контрастъ положительно невыносимъ! Я иду въ самую глубь, мимо остатковъ средневѣковаго монастыря, на Бельведерскую площадку. Отсюда видно начало старой Аппиевой дороги, кладбище, окрестности, а вдали—задернутыя синеватой дымчатой кисеей горы.

Я сажусь на краю площадки и думаю о томъ, что я одинокъ и что я растратилъ уже тотъ запасъ молодости и энергіи, которымъ гордился еще на-дняхъ. Я люблю думать, что родился въ Италиі; но я боюсь думать, что здѣсь я и исчерпаюсь.

Я много работаю. То, что я пишу, вызоветъ много разговоровъ въ кругахъ мнѣ близкихъ по прежней дѣятельности. Это будетъ нѣсколько эксцентрично, неожиданно, а потому довольно интересно. Одни назовутъ меня ретроградомъ, другіе—новаторомъ; но обидно то, что всѣ ихъ отзывы мнѣ извѣстны напередъ! Это очень скучно.

Я иду къ цѣли, и, однако, я не удовлетворенъ. И это потому, что я одинокъ. Я хочу быть откровеннымъ. Съ интересомъ, съ глубокимъ интересомъ я пишу свой „Пересмотръ“, который ско-

ро будетъ законченъ. Точно также съ наслажденіемъ я упиваюсь новыми красотами, открывшимися для меня въ искусствѣ, въ природѣ и въ жизни. Я вкушаю тѣ блюда, вкусъ которыхъ мнѣ не былъ раньше знакомъ и которыя я, по слышкѣ и по установившейся у насъ традиціи, иногда презиралъ вообще и всегда презиралъ для себя. Все это такъ. Но есть „но“!

Лучшіе годы моей жизни—они были и лучшими годами Россіи—я убилъ на дѣятельность, въ которую увѣровалъ какъ-то внезапно и безъ критики. Я думалъ, что только эта вѣра и руководить мною. Но мною руководило еще нѣчто иное, чисто личное. Повторяю—я буду откровенецъ, здѣсь, на Бельведерской площадкѣ, въ виду длинной старой дороги и кладбища. Много разъ я готовъ былъ жертвовать собой, но, готовясь на жертву для другихъ—въ глубинѣ души я мечталъ спасти себя для себя. Въ достиженіи того, къ чему я стремился, къ чему стремились мы всѣ,—я видѣлъ награду для себя и видѣлъ надежду для себя: надежду на личное счастье. Оно было мнѣ такъ понятно и было такъ опредѣленно! Развѣ могъ я забыть, что ради будущаго отказался отъ настоящаго? Вѣдь въ тотъ самый моментъ, когда одинъ мой жестъ рѣшалъ судьбу насъ обоихъ, я сказалъ себѣ и мысленно сказала ей:

— Подожди! Россія еще не свободна, а потому не свободны и мы. Подожди лишь немного! Есть въ тебѣ сила? Во мнѣ много силы; ея хватить намъ обоимъ!

И я такъ гордился собой.

Прошелъ годъ—и погубило все. Мои друзья думаютъ, что все вернется—думалъ такъ же и я. И лишь теперь я вижу, что ничто не вернетъ мнѣ того, что отнято временемъ у меня самого—не вернетъ мнѣ моей бессмысленной жертвы...

У меня нѣтъ отечества—оно предало меня. У меня нѣтъ прежней мечты—она предала меня. Что толку мнѣ въ томъ, что когда-нибудь что-нибудь вернется... не для меня? Что толку мнѣ въ томъ?

И потому нѣтъ и не можетъ быть во мнѣ состраданія! Я не вернусь въ Россію и не вернусь въ Боккадоро. Я слишкомъ одинокъ, чтобы не быть слишкомъ гордымъ.

Когда-то море открыло мнѣ истину: не можетъ быть стыднымъ личное счастье. Теперь мраморъ внесъ въ нее поправку:

не можетъ быть цѣннымъ счастье запоздалое! Я слишкомъ долго выработывалъ въ себѣ цѣльность чувства любви и ненависти, чтобы прощать изъ состраданія; я слишкомъ отсталъ отъ моды, чтобы ликовать на брачномъ пирѣ у края могилы. Вычеркнувъ изъ жизни бывшее, я открылъ себѣ все будущее и весь міръ. Да, я привѣтствую эту дорогу, ведущую въ горы, но отклоняю отъ себя честь быть гостемъ этого кладбища!

Но если такъ—почему жѣ я такъ одинокъ и почему не рѣшаюсь отбросить прочь книгу прочтенную, книгу закрытую, книгу ненужную?

И почему я такъ полонъ противорѣчій?

Старикъ докторъ правъ: иногда я вздрагиваю и безъ выстрѣла изъ пушки. Но сильнѣе выстрѣла могло подѣйствовать только маленькое письмо съ моимъ адресомъ, написаннымъ дрожащей женской рукою.

Вотъ оно:

„Спасибо вамъ, дорогой другъ, за слова дружеской ласки! Какъ хорошо, что вы въ Италіи: мнѣ какъ-то покойнѣе. Мнѣ теперь вообще лучше, хотя очень ослабѣла, все время въ креслѣ. Мое утѣшенье—Женя, моя славная дочка! Какъ вы славно и просто написали про нее! Я теперь, въ минуту безпокойства, всегда повторяю себѣ эту фразу вашего письма: „Когда вашей дочкѣ понадобится опора, она пойдетъ ее въ вашемъ другѣ“. Пока у нея есть еще мать, не правда ли? Хотя слабая, больная, но все же мать. Но уже скоро ей понадобится опора болѣе надежная...

„ Я не спрашиваю васъ, почему вы не можете пріѣхать сюда хоть на одинъ день, хоть на одинъ часъ, хоть съ тѣмъ, чтобы взглянуть на мою дѣвочку! Скажите, я виновата передъ вами въ чемъ-нибудь? Тогда поторопитесь простить меня. Простите меня! Я вамъ напишу письмо *оттуда*, и вы поймете! Своей слабой рукою не могу пожать вашу сильную руку. Помните о моей дѣвочкѣ! Я посылаю вамъ ея плохонькую фотографію. Если вы хотите—до свиданія, а то—прощайте до другого міра! Ваша В.“

А съ карточки смотрятъ на меня два большихъ глаза маленькаго кудряваго звѣрка—тѣ самые два глаза, съ которыми я встрѣтился у дверей кабачка въ Боккадуро.

Смотрять съ любопытствомъ и спрашиваютъ:

— Что ты будешь дѣлать теперь, большой старый мальчикъ? Хочешь ты быть моимъ папой?

— Хочу, страстно хочу, моя крошка! Хочу, маленькая Женья, но только... не можешь ли ты сказать мнѣ, отчего у меня такъ болитъ сердце?

— Я не знаю.

— И я не знаю, крошечная дѣвочка съ волнистыми волосами. Можетъ-быть, оттого, что я не послушался одной старенькой бабуся, Танечкиной мамы, и очень не поберегся. Надо было спать, а я все шалилъ.

— Можетъ-быть, ты тоже скоро умрешь, какъ и мама?

— Можетъ-быть, дѣвочка. Пожалуй, будетъ лучше, если мы съ мамой умремъ вмѣстѣ. Видишь ли, мы здѣсь на землѣ, были очень одиноки! У мамы была ты, а у меня никого.

— А у меня есть мама, Марія, Анетта и кукла!

— Да, у тебя есть мама, Марія, Анетта и кукла. А у меня нѣтъ ни мамы, ни куклы, никого. У меня была мечта, дружокъ мой. Ты не понимаешь еще, что такое мечта? Это такая маленькая игрушка, которую никогда не играютъ при всѣхъ; ее прячутъ подальше, чтобы никто не видалъ, а на ночь кладутъ ее подъ подушку. И тогда снятся хорошіе сны.

— А у меня есть еще крестикъ на дѣвчкѣ! Вотъ этотъ!

— Крестикъ—это хорошо, моя маленькая дѣвочка. Какая же ты маленькая еще... Ты точно маленькій цвѣтокъ, крошечный красный полевой макъ. Когда ты будешь моей дочкой, я куплю тебѣ ярко-красную ленту и повяжу ею твои черные волосы. Свой крестикъ, этотъ хорошенькій золотой крестикъ, ты всегда носи поверхъ платица. Это будетъ такъ красиво—золото на красномъ фонѣ! Знаешь, маленькая Дження, у меня тоже былъ когда-то крестикъ, но только я его потерялъ. Крестикъ, дѣвочка, это—вѣра, а я вѣру потерялъ...

— Вѣра—мама! Мою маму зовутъ Вѣра!

— Да, твою маму зовутъ Вѣрой. Я ее немного знаю. У нея глаза глубокіе-глубокіе, какъ пропасть... И у тебя тоже такіе же глаза, только ты еще малютка, и ты еще не глядѣла въ пропасть.

— Я не видала пропасти!

— Ты и не увидишь, Дження, я не пущу тебя къ ней, ты можешь упасть. Мама же, твоя мама, мама Вѣра велѣла мнѣ смотрѣть за тобой и не пускать тебя къ пропасти.

— А если мнѣ захочется?

— Тогда я тебя пущу. Но только тогда у тебя уже не будетъ больше ни мамы, ни меня, ни куклы, никого! Ты будешь одинокой.

— Тогда я лучше не хочу!

— Милый ребенокъ! Мы увидимъ это послѣ. А теперь нужно приготовиться, нужно торопиться... Что сейчасъ нужно? Я опять забылъ! Это все оттого, что мое гадкое сердце опять начало шалить... Никогда не нужно шалить, дѣвочка! То-есть шалить можно, но только пока ты маленькая, а когда ты будешь старше, вотъ какъ я, тогда нужно заботиться о своемъ здоровьѣ. Понимаешь? Что же ты не отвѣчаешь? Или ты думаешь, что дѣвочка на карточкѣ, нарисованная солнцемъ дѣвочка,—не настоящая Женья и говорить не можетъ? Увѣрю же тебя, что я сейчасъ болталъ съ ней про все, про куклу, про крестикъ, про вѣру, про маму-Вѣру; и еще, кажется, про пропасть. Мой милый ребенокъ!

Видите ли, докторъ, все равно—я немножко опоздалъ. Вы слышите, какъ играетъ послѣдній рожокъ въ казармахъ? Слышите: „спи, спи, спи, пора“... Такъ уныло, протяжно... Такъ я говорю: я все равно опоздалъ! Жизнь, радость бытія, обновленье—все это я понимаю. Но я понялъ это къ зимѣ—а зимой такъ холодно. Осенью цвѣтутъ камелии, докторъ, но и онѣ не пахнутъ—красивый и мертвый цвѣтокъ. А зимой ничто не цвѣтеть. И знаете что? Мнѣ пришла въ голову одна мысль. Можетъ-быть, Женья, вотъ эта маленькая дѣвочка, что на карточкѣ, доживетъ за меня и вообще за насъ. Я не о васъ говорю, докторъ, у васъ есть своя жизнь и свои дѣти, А за насъ—за мня, за Вѣру, за Танечкину маму и за Танечку даже; потому что Танечка, по моему, жить не будетъ; ея поколѣніе жить не будетъ, докторъ; оно заражено нашимъ недугомъ. Танечка выйдетъ замужъ или отравится, а жить не будетъ! Жить—значитъ радоваться бытію, улыбаться всѣмъ спектрамъ бытія, не исключая и темныхъ...

Я уѣзжаю изъ Рима завтра въ девять часовъ утра съ пря-

мымъ поѣздомъ на Неаполь. Оттуда я пройду въ Сицилію, именно въ Сиракузы. Я никогда не былъ въ Сиракузахъ и очень мечтаю объ этой поѣздкѣ. Я мечтаю о Сиракузахъ съ третьяго класса гимназіи. Мнѣ очень нравилось это имя: Siracusae, Siracusarum... Тамъ я срѣжу папирусъ. привезу его въ Римъ и поставлю въ правомъ углу, гдѣ въ православной Россіи вывѣшиваютъ образа. И буду молиться:

— Папирусъ, папирусъ! Я вывезъ изъ Сиракузъ. Помоги же мнѣ! Будь моимъ услужливымъ идоломъ! Я вѣрю въ тебя, папирусъ! Во что же мнѣ больше вѣрить, мнѣ, безпріютному, вѣчно блуждающему, мнѣ, отбросу усталой интеллигенціи, мнѣ, не могущему порвать съ прошлымъ и бессильному начать будущее, мнѣ, мокрой курицѣ, напрасно пытающейся взмахнуть орлиными крыльями? Если ты не поможешь мнѣ, я сожгу тебя, какъ сжегъ все, чему поклонялся...

Въ Сиракузахъ тепло. Тамъ зима наступаетъ позже.

Въ первый разъ за много лѣтъ я чувствовалъ себя вполне изъятымъ изъ міра. За эти два мѣсяца жизни на югѣ я не сказалъ ни слова по-русски, не видалъ ни одного номера русской газеты, не читалъ итальянскихъ, не читалъ книгъ, не получалъ и не писалъ писемъ. Кругомъ все такъ дико и такъ странно, и только береговая полоса съ бурнымъ зимнимъ прибоемъ напоминаетъ мнѣ волны, знакомыя по прежнимъ берегамъ. То же море омываетъ и Ривьеру, та же луна смотритъ на нее съ тягучей и безстрастной улыбкой.

Я много думалъ, очень, слишкомъ много. Но лишь одно я рѣшилъ, и рѣшилъ внезапно, вопреки своимъ упрямымъ выводамъ. Я рѣшилъ, что нѣтъ логики болѣе здравой, чѣмъ логика минуты. И если даже это не такъ, то, все равно, минута побѣждаетъ! Если такъ—то не о чемъ думать; а если нельзя не думать—то не стоитъ рѣшать. Что до того, что необдуманнымъ дѣйствіемъ я разрушу всю систему своихъ построеній? Что въ томъ, что сломаю свою гордость, свою лучшую игрушку? Вѣдь она не даетъ мнѣ счастья, даже не даетъ покоя—зачѣмъ же мнѣ она?

И все терлетъ значеніе; духовная цѣльность, нравственная выдержка, чистота идеала, непорочность мечты—что мнѣ до этихъ

«свѣтлячковъ, цѣлыми стаями летавшихъ въ юнѣ и погибшихъ къ безснѣжной зимѣ?»

Я старъ и одинокъ. Да, я старъ, я посѣдѣлъ за эти послѣдніе мѣсяцы блужданья, за это время позорнаго бѣгства отъ самого себя. Я старъ и одинокъ, и никогда я не буду молодымъ, и никогда не поймутъ меня молодые.

До вчерашняго дня я дорожилъ своей силой. Вчера она мнѣ пригодилась: я сжегъ свою рукопись, свой „Пересмотръ“. Прежде чѣмъ сжечь, я зачеркнулъ заглавіе рукописи и далъ ей другое: „Противорѣчія“; и написавъ—бросилъ въ огонь. Отъ нея осталась куча пепла—самое цѣнное, что таилось въ ней въ скрытомъ видѣ; огонь вызвалъ его наружу.

И, смотря въ безконечную даль звѣздъ—я думаю:

— Стоить ли, стоить ли мыслить, бороться съ собой, мучить себя, терзать себя?

И смотря туда, въ этотъ міръ міровъ, я стараюсь представить свою дѣйствительную величину въ этомъ безконечномъ пространствѣ тѣлъ и ээира. Я такъ малъ, что меня нѣтъ. Меня нѣтъ даже на землѣ, не говоря уже о вселенной. Тогда—чего же я боялся?

И мнѣ не обидно это—быть ничѣмъ. Такъ же точно можно привыкнуть и къ мысли о смерти.

А когда-то...

Передъ загадкой жизни стоялъ я, дрожа отъ страха, жажды и ожиданья, жалкій, дурной и хорошій...

И передъ загадкой смерти...

.

Подумай! Пройдутъ года, десятки лѣтъ, столѣтья. Какъ все перемѣнится!.. То, о чемъ мы съ тобой мечтаемъ, какъ объ идеалѣ возможнаго—все это будетъ, и пройдетъ, и смѣнится тѣмъ, о чемъ мы и мечтать не можемъ. Человѣкъ завоюетъ воздухъ и воды, завоюетъ планеты. Его умъ, развитой безъ мѣры и глубокой безъ дна, откроетъ массу новыхъ истинъ и безграничныхъ горизонтовъ для полета мысли. Земля покроется чудесами техники и архитектуры, по дну морей будутъ гулять наши потомки, засвѣтитъ воздухъ въ переплетахъ крылатыхъ дирижаблей... Передача мысли смѣнитъ прессу, свѣтъ солнца будетъ пищей, и поэты будутъ слагать стихи на языкѣ соловьевъ. А впереди—по-

выя перспективы, новыя завоеванья ума! И подумай теперь: меня тогда уже не будетъ! Меня не будетъ! Я не увижу этихъ чудесъ, и я не услышу этихъ новыхъ словъ, я не сохранюсь даже скелетомъ въ музеяхъ новаго человѣчества! Меня уже не будетъ!

Подумай! Нашъ неразвитой мозгъ создалъ намъ идеалы, чрезъ которые *они* перешагнуть и которые *они* забудутъ. Насъ, слѣпыхъ борцовъ за свободу и равенство людей, смѣнять они, рожденные свободными, утратившіе самое понятіе о нашемъ социальномъ рабствѣ; въ ихъ энциклопедическихъ словаряхъ лишь десятокъ словъ будетъ отведенъ социальнымъ теоріямъ нашего „древняго“ міра, и будетъ много [словъ на „измъ“, намъ еще невѣдомыхъ, и понятій, которыхъ еще не въ силахъ обнять нашъ грубый мозгъ. Наши страданья, наша борьба въ ихъ глазахъ будутъ лишь историческими данными о фанатизмѣ народовъ двадцатаго вѣка. Национальность, государство, писанное право, регулярная война, преступленіе, власть — все это іероглифы, надъ которыми будутъ ломать голову лишь самые неспособные изъ ихъ школьниковъ, тѣ, которые для нашего времени были бы геніальнѣйшими мировыми учеными. Личность, масса—все это будетъ понятно имъ, изучено ими до невѣроятныхъ для насъ тонкостей. И подумай! Меня уже не будетъ! Я не найду среди нихъ своего незанятаго мѣста, и имени своего не найду въ ихъ памяти! Меня уже не будетъ, и не увижу я ихъ завоеваній и не окину завистливымъ взоромъ ихъ перспективъ! Меня не будетъ!

Чувствуешь ли ты всю силу моего сознанья, все безсиліе моей злобы и гадливаго ощущенія краткости и срочности этой проклятой, этой полной красоты и интереса жизни? Чѣмъ ты утѣшишь меня въ моемъ! сознаніи неизбѣжной, ничѣмъ неустрашимой и скорой, слишкомъ скорой потери міра? Ограниченность будущаго, безграничнаго будущаго съ его невѣдомыми чудесами—что можетъ быть ужаснѣе? Я никогда, никогда не узнаю того, что будутъ знать они, и никогда не увижу ихъ жизни! Быть-можетъ, они побѣдятъ даже смерть — но вѣдь не я, не я воспользуюсь ихъ побѣдой! Быть-можетъ, они будутъ создавать въ ретортахъ совершенныя тѣла и вдыхать въ нихъ живую душу. Но вѣдь имъ уже не воссоздать меня, мое слабое тѣло, которое обратится въ прахъ раньше, чѣмъ забрезжитъ слабый свѣтъ ихъ грядущей мудрости! Выхода нѣтъ, пойми же мой ужасъ!

Пойми же мой ужас!

Я лежу на плоской крышѣ маленькой виллы. Вдалекѣ темнѣет огромное море; надо мной звѣзды, тысячи, миллионы звѣздъ... И углубившись взглядомъ въ даль міровъ, я вижу себя такой крошечной пылинкой, математической точкой...

И эта пылинка протестовала, негодовала, не хотѣла сдаться...

Тогда было страшно — теперь нѣтъ. Теперь прежнее ушло... Все такъ просто...

Свинцовое небо, тяжелыя волны, свинцовыя тяжелыя мысли, холодный вѣтеръ—и холодъ на душѣ, и нигдѣ кругомъ не видно берега, не на чемъ отдохнуть глазу отъ монотоннаго зрѣлища бѣлыхъ гребней, головъ—отъ однообразныхъ докучливыхъ вопросовъ, которымъ не подыскать рѣшенья...

Которымъ не нужно рѣшенья...

Я уже ѣхалъ такъ когда-то. То было на сѣверѣ, на Балтійскомъ морѣ. Насъ было много, бѣдныхъ затравленныхъ волковъ, убѣжавшихъ изъ родного лѣса. Былъ ноябрь, море было бурно. Мы пробовали пѣть, но компанія пѣвцовъ быстро порѣдѣла и разбелась по каютамъ—страдать и истреблять лимоны.

Вверхъ-внизъ... вверхъ-внизъ... Тянетъ душу боковая качка... Вверхъ-внизъ... Вверхъ... туда ввысь, къ несбыточнымъ мечтамъ, къ утопическимъ картинамъ соціального рая, черезъ борьбу къ побѣдѣ, къ торжеству идей... И снова внизъ... на развалины воздушныхъ замковъ, на осколки чистыхъ, прозрачныхъ и ломкихъ, какъ хрусталь, идей, черезъ пораженіе къ реакции духа... Вверхъ-внизъ, вверхъ-внизъ... И только осадокъ горечи, да подавленное тяжкое сознаніе какой-то ошибки—какой? А если не ошибки, то безсилія, полного безсилія...

То было на сѣверѣ, въ холодномъ морѣ. Но и здѣсь холодно, и не менѣе бурно Средиземное море. Тогда мы ѣхали изъ Гельсингфорса въ Стокгольмъ, въ незнакомый, чуждый намъ міръ. Теперь я плыву по любимому морю къ хорошо знакомымъ берегамъ. И завтра къ вечеру я увижу тотъ генуэзскій вращающійся маякъ, на который, бывало, по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ издали, съ моего любимаго обрыва, сверкнетъ -- погаснетъ, блеснетъ — исчезнетъ... А мысли толпились роями, спрашивали и ждали отвѣ-

товъ... Отвѣтовъ было много... Въ то время я началъ свой „Пересмотръ“. Въ то время сердце не болѣло такъ часто и такъ нудно.

Теперь нѣтъ вопросовъ и не нужны отвѣты. Теперь все такъ просто. Вѣра умираетъ... Умираетъ Вѣра... Умираетъ... такое трудное, большое слово, такое глубокое, покойное.

Почему я знаю это? И почему я ѣду дальнимъ путемъ, по морю? Почему я не боюсь опоздать? Моя мысль, заблудшій странникъ, почему ты ничего не боишься?

Я возьму эту маленькую дѣвочку, Вѣра! Отдайте мнѣ ее — вамъ она не нужна больше! А я такъ люблю дѣтей! Я скажу вамъ на ухо, я шепну вамъ, Вѣра, свою тайну: мнѣ нужна ласка, ласка трехлѣтней дочки, лукавой крошки, одѣтой полевымъ макомъ. Это—моя тайна, которую я не скрываю только отъ васъ. Пусть она, эта крошка, погладитъ мнѣ руку и задѣнетъ кудрями недавнія мелкія морщины на моемъ лицѣ. Рука станетъ сильной, морщины изгладятся, останется лишь серебро въ волосахъ. А за это я обещаю не открыть ей ни одной изъ тѣхъ истинъ, которыя разбиты жизнью, и не научить ее молиться ни одному изъ нашихъ кумировъ, въ которыхъ мы развѣрились. Вѣдь мы были идолопоклонниками, Вѣра! Она же вернется къ богу, котораго создастъ сама. О, она создастъ красиваго, поющаго бога! Но не будетъ кланяться ему — нѣтъ! Ея головка не создана для поклоновъ. Она будетъ любить его и дружить съ нимъ. Это будетъ такая чудная пара! На зеленомъ лугу, поросшемъ красными маками, они будутъ играть оба, — она и ея свѣтлый, юный богъ. Будетъ ловить его, искать его, убѣгать отъ него, прятаться за кипарисомъ, окликать его громкимъ голосомъ:

— Иди, мой радостный, ищи меня, мой свѣтлый! Весна, весна пришла!

Пусть живетъ, какъ въ сказкѣ! И когда жизнь придетъ, чтобы позвать нашу дѣвочку въ тотъ застѣнокъ, гдѣ она пытается всѣхъ и всѣхъ калѣчить, — она остановится въ нерѣшительности передъ свѣтлымъ видѣніемъ дитяти, одѣтаго краснымъ макомъ и нашедшаго своего свѣтлаго бога.

— Пусть играютъ! — скажетъ даже этотъ жестокой палачъ-жизнь. — Пусть они играютъ, юные! Весна пришла!

И уйдетъ, и запретъ на замокъ свой застѣнокъ. И съ той поры перестанутъ раздаваться въ немъ крики ужаса, — да, Вѣра,

крики ужаса, нестерпимой муки, вопли проклятій всему и навсегда... и прежде всего — лучшему, свѣтлому и чистому. Исо объятые ужасомъ проклинають мать, которая родила, и непорочное дитя, ею рожденное, и первую улыбку дитяти, и первые шаги его отъ дѣтской кровати въ объятія кормилицы.

Она же, наша дѣвочка, не услышитъ проклятій и не научится имъ. Она будетъ улыбаться для міра, а міръ — улыбаться для нея. Я вырощу ее здоровой, бодрой, веселой и сильной. Я буду ея защитникомъ, пока ей будетъ нужна защита. А затѣмъ я уйду такъ же спокойно, какъ сейчасъ иду взять ее отъ вашего изголовья.

— Хочешь ли ты быть моей дочерью?

— Да.

— Что ты мнѣ обѣщаешь за это?

— Свою дѣтскую ласку.

— Что ты просишь взамѣнъ?

— Отрекись отъ себя и живи мной, моимъ будущимъ.

— Долженъ ли я поклясться въ этомъ?

— Да!

— Я клянусь тебѣ моимъ сѣрымъ, безцвѣтнымъ дѣтствомъ, клянусь своей старческой юностью, обманомъ своего возрожденія, чистотой своихъ ошибокъ, безстрастностью своего героизма! Я клянусь тебѣ моей несбывшейся мечтой, моимъ долгимъ, одинокимъ блужданьемъ, моимъ безвѣріемъ, моей усталой мыслью! Я клянусь тебѣ тѣню тѣхъ, кто погибъ, не зная о тщетѣ своей жертвы, и свѣтлымъ образомъ тѣхъ грядущихъ, кто оправдаетъ эту жертву и кто на старые безымянные черные кресты возложитъ вѣнки изъ юныхъ розъ! Я клянусь тебѣ бездоннымъ моремъ, безбрежной высью неба и ужасомъ той пропасти, въ которую я упаду въ тотъ моментъ, когда нарушу эту великую клятву! Вѣришь ли ты мнѣ, моя дѣвочка?

— Да, вѣрю, и дѣню твою клятву и страданье.

— О чемъ же плачешь ты?

— О томъ, что ждетъ тебя, о твоей клятвѣ, о твоёмъ страданьи и о твоей черной, глубокой-глубокой пропасти. Глубокой, какъ ея умирающіе глаза!

.....
Пароходъ идетъ въ туманѣ, непрерывно гудитъ сирена. По-

рою кажется, что мы стоимъ на мѣстѣ. Виденъ только кругъ волнъ вблизи корпуса парохода. Что тамъ, впереди? Что позади насъ? На маленькой щепкѣ мы стоимъ надъ холодной бездной, въ любую минуту — въ ея власти. Глубокая, бездонная, сырая могила...

— Роберто, вамъ придется доставить этотъ чемоданчикъ и мелочи въ Боккадоро!

— Я доставлю къ вечеру, синьоръ!

— Квартиры у меня еще нѣтъ, но вы можете справиться у трактирщика или на виллѣ Платонэ.

— Это тамъ, гдѣ недавно померла русская синьора?

.

Я опять къ тебѣ, мое море! Не бойся, на этотъ разъ не за совѣтомъ. О чемъ совѣтоваться, когда все такъ ясно. Просто — полюбоваться тобой...

Нѣтъ, я внизъ не спущусь, по крайней мѣрѣ до заката. У меня есть работа — нужно закончить вотъ эту рукопись. Мнѣ кажется — она слишкомъ затянулась! Здѣсь, надъ обрывомъ, мнѣ гораздо удобнѣе. Гора защищаетъ меня отъ вѣтра, а пледъ — отъ холода земли. Этотъ столикъ изъ камней, на которомъ я пишу, я сегодня къ вечеру разрушу. Камни я сброшу внизъ. Какой трескъ будетъ, когда они запрыгаютъ по выступамъ, и на какое безчисленное множество кусковъ разлетятся! Вѣроятно, я спугну всѣхъ летучихъ мышей въ башенкѣ. Однако — скоро закатъ, надо кончать эту рукопись.

Видѣлъ сегодня Розу. Она обрадовалась мнѣ.

— Синьоръ Серджио вернулся?

— Что жъ тутъ удивительнаго, Роза, вѣдь я еще не прощался съ вами навѣки! Получили мою открытку изъ Рима?

— И ленту, синьоръ Серджио, такую прекрасную голубую ленту! Мнѣ всѣ завидуютъ! Вы опять у Роберто сняли комнату?

— Нѣтъ, Роза, я еще не снялъ комнаты; я хотѣлъ жить въ горахъ.

— Тамъ, въ Боккадоро, умерла русская синьора.

— Слышалъ.

— Дѣвочка осталась; такая дѣвочка хорошенькая! Онѣ съ нашего вокзала уѣзжали, я была на станціи. Дѣвочка и тетя ея. Говорили, что изъ Генуи прямо въ Россію поѣдутъ. Не знавали вы ихъ, синьоръ Серджіо?

— Знавалъ, Роза. А почему вы не хотите дать мнѣ вина, какъ прежде бывало?

— Да, синьоръ.

Я увѣренъ, что Роза сейчасъ повяжетъ голубую ленту. Ну, такъ и есть!

— Спасибо, Роза, какая вы добрая! Голубое къ вамъ очень идетъ. Вы скоро выходите замужъ?

— Да, синьоръ!

— Я хочу быть падрино вашего перваго ребенка, Роза. Не-чего краснѣть, Роза! Я буду отличнымъ крестнымъ, въ особенности если это будетъ дѣвочка. Мама ваша ушла надолго?

— Она къ закату вернется.

— Значить, мнѣ придется обойтись безъ ея разрѣшенія. Вы помните, Роза, о чемъ я хотѣлъ ее просить передъ отъѣздомъ? Я хотѣлъ просить у нея разрѣшенія поцѣловать васъ. Вотъ такъ, Роза! Ну, а теперь—будьте счастливы! Кланяйтесь мамѣ.

— Вы къ намъ зайдете еще?

— Не знаю, теперъ уже поздно, уже пять часовъ; кажется, я уйду другой дорогой. нравятся вамъ мои часы, Роза? Было бы хорошо, если бы вы подарили ихъ своему жениху. Это — очень хорошіе часы, Роза, а мнѣ они не нужны. Ну, что вы стѣсняетесь, развѣ мы не старые друзья? Нѣтъ, не обижайте меня, иначе я не буду крестнымъ вашей дѣвочки! Ну, теперъ простимся еще разъ за руку! Вы—хорошая дѣвушка и будете хорошей женой. Желаю вамъ счастья, счастья и счастья!

Кажется, я закончилъ всѣ свои дѣла. Слѣдовало бы, конечно, написать парижскимъ друзьямъ, но ужасно скучно съ ними переписываться. Все-таки славные люди...

Вообще хорошихъ людей довольно много. Умныхъ меньше. Интересныхъ еще меньше. Глубокихъ совсѣмъ мало. Тѣмъ они цѣнятся.

Маленькая букашка! Ты какимъ образомъ пережила зимніе мѣсяцы, когда и большіе жуки погибли или глубоко попрятались въ землю? Но какой же жалкій у тебя видъ! И, пожалуйста, оставь

въ покоѣ мою бумагу; ползи себѣ по камню и не тревожься: я тебя не трону.

Не знаю, долженъ ли я о чемъ-нибудь думать. Какъ-то совсѣмъ не хочется. Длинная, извилистая дорожка протянулась по морю до самаго горизонта. Какъ быстро стихло море! Два дня назадъ оно было бурно, какъ никогда. Я ѣхалъ среди волнъ въ кругѣ тумана...

Мнѣ кажется, что я всегда здѣсь жилъ, вотъ надъ этимъ обрывомъ. Положительно всегда жилъ здѣсь, и никогда не былъ ни въ Россіи, ни въ Лондонѣ, ни въ Римѣ...

Не написать ли, въ самомъ дѣлѣ, хоть маленькое письмо Танечкѣ? Обидно, что нѣтъ почтоваго ящика. И конверта нѣтъ. Да и не успѣю — солнце уже прячется. Солнце! Быть-можетъ, ты подождешь немного? Ты видишь — я еще не кончилъ. Мнѣ такъ хотѣлось написать еще двѣ-три странички! Какъ разъ до конца тетради.

А потомъ поставить большую-большую точку. Какъ пріятно кончать, когда конецъ самъ напрашивается...

Какъ быстро темнѣетъ! Когда совсѣмъ стемнѣетъ, я сначала по одному сброшу всѣ камни, изъ которыхъ сложенъ столикъ, и буду слушать. Потомъ буду осторожно спускаться самъ...

Туда, къ морю...

Главное — нужно дѣлать это не торопясь. Слѣшить некуда.

И съ пѣсней... Надо опять вспомнить этотъ мотивъ. Тотъ, которымъ утѣшала меня бѣлокурая Наташа, моя сибирская снѣгурочка. Такой легонькій, простой мотивчикъ...

„Сѣренькій зайчикъ, сѣренькій зайчикъ
Скачетъ по снѣжной полянѣ;
Блѣдненькій мальчикъ
Прижался къ нянѣ...
Дай, тебѣ ручки погрѣю...“

МОЯ ДОЧЬ.

Передъ тѣмъ, какъ итти спать, — ахъ! уже слипаются глазенки! — Наташа тихо, на цыпочкахъ, являлась въ кабинетъ и, не подходя ко мнѣ, забиралась въ уголокъ дивана. Здѣсь, положивъ голеный локоть на твердую кожаную подушку, она устраивалась поудобнѣе и ждала. Ждать ей приходилось недолго. Если я въ это время ставилъ точку, то это было лишь случайностью; обычно я обрывалъ свою рукопись на запятой или на начатой фразѣ. Иногда я заранѣе бросалъ работу, поджидая, когда явится моя сонная дѣвочка; откинувшись на спинку кресла, я смотрѣлъ на полки книгъ, на бѣлѣющую въ полумракѣ статуэтку эсквилинской Венеры, на большой портретъ женщины, строгой и задумчивой, которую я когда-то любилъ... Все, что я любилъ, все, что ушло, — вновь окружало меня. И это мертвое должно было сейчасъ оживиться при входѣ милаго ребенка, умнаго, какъ эти книжныя полки, изящнаго, какъ эта статуэтка, и такъ похожаго, такъ похожаго на этотъ портретъ.

Однако установившійся у насъ этикетъ требовалъ, чтобы Наташа заставала меня за работой и чтобы оба мы терпѣливо ждали этой самой блаженной нашей минуты. Требовалось даже проявленіе нѣкотораго равнодушія.

Но вотъ я заслоняю зеленымъ экраномъ свѣтъ лампы и подхожу къ дивану.

Полагалось по этикету, чтобы Наташа вставала на диванѣ во весь ростъ, обвивала мою шею своими тонкими теплыми ручками и прятала голову на моемъ плечѣ. Это было ея послѣднимъ

энергичнымъ движеніемъ за сегодняшній день. Она уже не мѣняла положенія, въ то время, какъ я усаживался на ея мѣсто въ затѣненномъ уголкѣ дивана. И начиналось то, что мы звали нашей маленькой тайной, нашей сказкой...

Я пишу эти строки и вслушиваюсь въ темноту ночи. Я жду шороха дѣтскихъ ножекъ, звука повернутой дверной ручки, жду зоркаго взгляда усталыхъ глазокъ изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ. Жду напрасно... Жду напрасно...

И она шепчетъ мнѣ на ухо:

— Расскажешь про елочки и про бѣлый снѣжокъ?

— Что же тутъ рассказывать, Тука, — упрямлюсь я. — Я уже все тебѣ рассказалъ, больше ничего не знаю.

Тука пробуетъ шевелиться, но не очень энергично. Знаетъ, что все равно добьется своего. Для вѣрности поглубже прячетъ головку у меня на груди. На рукѣ моей теплое дѣтское дыханье.

— Дѣло въ томъ, Тука, что елочки, о которыхъ я тебѣ рассказывалъ, растутъ очень далеко. И не елочки, а большія, высокія ели съ колючими зелеными иголками. Большіе, безконечные лѣса, гдѣ дышать легко-легко, гдѣ воздухъ душистый-смолистый, а между деревьями разостланы богатые ковры бархатнаго мха. Тутъ же, на полянкахъ, въ густой зеленой травѣ, много-много головокъ красной кашки, желтаго лютика, и щавель цвѣтетъ красноватыми деревцами. А сколько птичекъ, Тука, слышишь? Слышишь, какъ онѣ повсюду щебечутъ и поютъ? Слышишь, Тука родная?

Тука поднимаетъ голову, слушаетъ. Оба мы слушаемъ. И внимательно-внимательно Тука смотритъ мнѣ въ глаза.

— Теперь мы съ тобой далеко отсюда, мы въ родныхъ лѣсахъ, среди родной хвои, подъ нашимъ, хоть и хмурымъ, русскимъ небомъ...

— Почему оно хмурое?

— Оно ласковое, но не радостное, Тука. Тѣмъ, кто счастливъ, небо кажется свѣтлымъ и радостнымъ, и солнце тѣмъ улыбается. А у насъ, среди нашихъ лѣсовъ, счастье—рѣдкій гость, горе же—почный хозяинъ. У насъ, Тука, люди смѣются грустно и плачутъ негромко, про себя. Ты понимаешь?

Не отвѣчаетъ. Только глубже зарываетъ головку. И дышитъ глубже.

— Поймешь потомъ, Тука, если теперь тебѣ это еще не ясно. Пойдемъ-ка лучше на рѣчку. Это, Тука, не бѣда, что рѣчка наша маленькая; зато какая она свѣтлая!

— И зато рыбки, — щечетъ моя дѣвочка.

— Да, зато рыбокъ сколько! Рыбки, положимъ, тоже маленькія. Но вѣдь мы не ловить ихъ пришли, а только посмотрѣть, какъ онѣ играютъ.

— Во что?

— Играютъ вперегонки, гоняются другъ за дружкой. И ловятъ жучковъ на водѣ. А тамъ, на днѣ, видно, какъ ползаютъ тоненькія палочки; это въ нихъ червячки живутъ, Тука, это они и ползаютъ. Нарочно сдѣлали себѣ домики, чтобы никто ихъ найти не могъ. А дальше, Тука, за мостикомъ, въ заводи, лиліи около береговъ плаваютъ, большія бѣлыя водяныя лиліи. Похоже на фарфоровыя чашечки.

— Только безъ ручки, — сквозь первый сонъ подсказываетъ Тука.

— Да. Есть и красныя. Только бѣлыя красивѣе!

— Лучше пускай всѣ будутъ бѣлыя. Какъ снѣжокъ. Расскажи про снѣжокъ!

— Снѣжокъ, Тука, зимой выпадаетъ. И какъ выпадетъ первый снѣгъ, мы съ тобой пойдемъ на лугъ. Все бѣлое-бѣлое, даже елки кругомъ бѣлыя. И бѣлая шубка на тебѣ. И такъ блеститъ на солнцѣ первый снѣгъ. Тебѣ тепло ли, дѣвочка?

Тука совсѣмъ спитъ, и все же бормочетъ:

— Тепло; снѣжокъ теплый...

— Снѣжокъ-то не теплый, а вотъ шубка у тебя теплая, заячья. Щечки у тебя красныя, а чтобы носикъ не побѣлѣлъ—его можно потереть рукавичкой. Ты спишь, Тука?

Молчанье.

— Дѣвочка ты моя милая... Все это ты увидишь когда-нибудь. Вся наша сказка, бѣлая сказка сѣверная, для тебя сбудется. А мнѣ удастся ли? Тоже вѣрно удастся, только когда? Еще много лѣтъ пройдетъ, много зимъ убѣжитъ, много снѣжинокъ въ волосахъ прибавится... Въ родные края ты, Тука, свободной явишься; я научу тебя любить заочно и елочку, и рѣчку, и пушистый снѣ-

жокъ. Все — для тебя, Тука, весь міръ для тебя созданъ, и я лишь для тебя живу, родная моя дѣвочка.

Дышитъ мѣрно, но ручки цѣпко держатъ меня.

Счастье! Это ли не счастье! Маленькое живое существо, маленькое живое сердечко, которое такъ быстро и ровно бьется. Темнѣющіе волосы, мягкіе и нѣжные, какъ тончайшія нити шелка. Радость ты моя! Тепло ты мое! Маленькій деспотъ, не велящій мнѣ уходить изъ жизни. Я нуженъ тебѣ? Нуженъ для сказокъ про елочки и снѣжокъ. Хорошо, буду жить для тебя. А вырастешь — бросишь, отца бросишь... Но еще долго ждать... Еще много сказокъ ты потребуешь отъ меня, прежде чѣмъ скажешь:

— Довольно! Теперь я хочу жить. Теперь пойду въ жизнь сама. Безъ опоры; мнѣ не нужна опора; во мнѣ много силъ непочатыхъ.

А пока...

Пока я отнесу тебя спать. Ну же, Тука, отпусти ручонки. Пойдемъ спать, моя дѣвочка. Что это? Я слабѣю, или ты съ каждымъ днемъ становишься тяжелѣе?

Кончена наша сказка на сегодня. Тука, спи покойно!

Есть чуткій, вѣрный сторожъ твоего сна: еще долго будетъ бодрствовать въ комнатѣ рядомъ твой отецъ.

И думать, думать...

Пусть я пишу—мнѣ такъ легче...

Пусть родятся вновь прежнія картины, пусть встаютъ передъ памятью, гаснутъ, смѣняютъ одна другую. Молодость, горе, одиночество, счастье, любовь, тоска по утраченномъ и радость новыхъ откровеній.

Однажды, раннимъ утромъ, когда море еще спало, а проснулась лишь яркая звѣздочка бѣлаго паруса, я смотрѣлъ въ бинокль. Все поле зрѣнія занялъ кружокъ мелкихъ волнъ, и, какъ подъ микроскопомъ, я увидалъ среди нихъ рыбацью лодку и въ ней двухъ рыбаковъ. Одинъ сидѣлъ у руля, другой старался наладить снасти. Я видѣлъ, собственно, только двухъ муравьевъ, копошащихся въ крупной дождевой каплѣ, цѣпляясь за лепестокъ черемухи... А вѣдь и это была жизнь, были двѣ жизни. И, можетъ, быть, каждая изъ этихъ жизней была богата и содержательна. Но вотъ парусъ поставлепъ, и мчится лодка въ кружкѣ моего

бинокля — куда? Зачѣмъ? Къ берегу или въ открытое море? Къ пристани или къ новымъ опасностямъ?

Такъ все мелко въ отдаленіи... Мелко, цѣльно и ясно, какъ въ кругѣ дорогаго бинокля, направленнаго на далекій горизонтъ.

И прошлыя волны могутъ казаться легкой рябью. А вѣдь съ ними нужно было бороться, ихъ надо было побѣждать! Я плыль, я быстро заносилъ руку, я смѣло толкалъ впередъ тѣло, привлекая холодную волну; и сердито хмурился, когда гребень ударялъ мнѣ въ лицо.

Или — тихое море... Тогда ложился на спину и тихо покачивался, глядя въ синеву неба. Видно было только небо... Только небо, а на немъ легкое облачко и ни признака грозовой тучи.

Пусть волна за волной прибываетъ бывое къ берегу памяти. Пусть встанутъ призраки; они близки мнѣ, — вѣдь я былъ имъ близокъ! Моя маленькая Тука, не бойся призраковъ! Это только кажется, это только „будто бы“, это только было. Или и ты — только призракъ былого?

Тяжело падаетъ на грудь голова. Только было... Только призраки... Одиночество, мое вѣчное отнынѣ одиночество...

А у меня была богатая жизнь; любовью богатая. Святой любовью богатая и святой ненавистью, и грѣхомъ любви святой и благомъ святой ненависти. Былъ молодъ и силенъ, и не зналъ, что значить кланяться опасности и бѣжать отъ переживаній.

Все ушло, и какъ-то сразу. Будто отрѣзало. Какъ листъ оторванный въ тотъ моментъ, когда все дерево въ цвѣту.

Боже, какимъ вѣтромъ меня не носило!

Дуль трамонтано, холодный сѣверный сквознякъ; сердце холодило. Какимъ-то оно нечувствительнымъ, деревяннымъ дѣлалось. И мысль, вчера безпокойная, вчера ищущая, — застывала, уставала, отставала. И было все равно: адъ или рай, кровь или вода или ядовитый напитокъ. И было все равно: смерть или жизнь, или призракъ жизни, или ея отрицанье.

Или дуль сирокко. Сушилъ влагу жизни, обвѣвалъ нечистымъ жаромъ. Страсть разгоралась, неспособная насытиться, и сжимались кулаки, и сухимъ гнѣвомъ горѣли глаза, и голосъ въ горлѣ застывалъ въ сухомъ, жесткомъ проклятіи. Проклятіе тѣмъ, кто отрываетъ молодые листы отъ цвѣтущаго дерева.

А то, рѣдко правда! — теплый, мягкій вѣтеръ съ моря дуль.

Все прощалось, все щадилося; ради дѣтей отцамъ простить хотѣлось; и глушья, сентиментальныя слезы говорили: ну, хорошо, мы подождемъ; мы будемъ литься, но такъ, что никого не будетъ беспокоить. Это не отъ горя, а отъ теплаго вѣтра. Отъ теплаго вѣтра, отъ влажнаго вѣтра съ моря...

И тамъ—и здѣсь, и въ родныхъ хвойныхъ лѣсахъ—и среди чужихъ оливъ и пальмъ, всегда я жилъ полно и нужно. Жиль, пока былъ молодъ. И хотѣлъ всегда остаться молодымъ и всегда жить. Но этого было нельзя. Пришлось уступить мѣсто другимъ, молодымъ годами и свѣжимъ вѣрсей. Тогда я сталъ любить молодость въ другихъ, и для начала полюбилъ дѣтскость Наташи; хотя она была не дочь мнѣ, т.-е. по плоти не дочь... вы знаете?

А теперь у меня нѣтъ моей радости. Экранъ отъ лампы бросаетъ тѣнь на уголокъ дивана. Уголокъ дивана пустъ. Я попрежнему сижу за столомъ... Совершенно одинъ.

Тихо-тихо мы съ Ольгой проходимъ въ „дѣтскую“. Я горжусь тѣмъ, что въ моей маленькой квартирѣ есть особая дѣтская—царство Туки. Няня спитъ тутъ же за пологомъ, спитъ крѣпко.

Стѣнная лампочка съ бѣлымъ шарикомъ-абажуромъ освѣщаетъ Тукину кровать. На лицѣ Туки дѣловое, немножко нахмуренное выраженіе. Она лежитъ, крѣпко прижавъ къ подушкѣ правую щечку; ея носикъ, правильный и красивый, немножко смялся и кажется курносымъ. Тука во снѣ—самая смѣшная и курьезная дѣвочка на свѣтѣ. Ручка выбилась изъ подъ одѣяла, и ямочка на локтѣ очаровательна безконечно! Это—не ручка, это—не ямочка на локтѣ; это—сама поэзія, это—пиппа-паппа, колыбельная пѣсня, симфонія дѣтской радости, сказка про царевну-крошку въ странѣ лилипутовъ.

— Оля! Ты видишь? Вѣдь это—больше чѣмъ восторгъ! Оля, это—моя гордость; немножко больше, чѣмъ счастье, немножко лучше, чѣмъ любовь.

Ольга растрогана. Она такъ любитъ меня и все мое... Но мой восторгъ не горитъ въ ея глазахъ. Скорѣе я читаю въ нихъ за-таенную болзнь и что-то вродѣ ревности. Но Ольга слишкомъ добра и умна, чтобы ревновать меня къ этому маленькому чело-вѣческому явленью, которое зовутъ Тукой.

— Подожди, я покажу тебѣ живыя картины! Подожди, Оля, ты увидишь нѣчто совершенно, совершенно...

Бѣгу на дыпочкахъ въ кабинетъ. У меня тамъ на полкѣ лежатъ экраны изъ двѣтной бумаги. Я самъ склеилъ рамки и самъ затянулъ ихъ бумагой. Это смѣшно—но я такъ люблю Туку!

На дыпочкахъ со свѣчкой возвращаюсь. Ольга вздрагиваетъ; она сейчасъ пристально смотрѣла на мою дѣвочку; пристально, пристальнымъ взглядомъ. Теперь откинулась — испуганно взглянула на меня.

— Ревнуешь?

Довѣрчиво кладетъ руки мнѣ на плечи:

— Нѣтъ, Гриша; но, конечно, не спокойна. Хочу полюбить ее...

И весело добавляетъ, откинувъ волосы:

— Хочу полюбить больше, чѣмъ тебя, больше, чѣмъ ты ее, больше, чѣмъ она тебя!

И начинаются живыя картины. Вотъ она сбоку, освѣщенная розовымъ свѣтомъ. Вотъ — ласковый, бѣлый, разсѣянный свѣтъ вотъ ярко-красный — какъ щечки запылала! Теперь, Оля, смотри, отсюда; нужно смотрѣть издали, только на волосы и кроватку; на лицо зеленый свѣтъ бросать не нужно. Тука блѣдной кажется. Теперь еще желтый—будто бы луной освѣщена. Нравится? Это я придумалъ! Это мои „живыя картины“.

— Гриша...

Оля становится на колѣни; какая она странная, восторженная... Говорить:

— Гриша... какъ умѣешь ты такъ любить? Гриша, скажи, ты святой? Гриша, нужно быть тебя достойной?

И плачетъ, точно она грѣшница. Чѣмъ я могъ оскорбить ее? Я ее поднимаю, говорю ей, смѣясь:

— Что ты? Я просто — художникъ! И потому я — узкій собственникъ. Вѣдь это—моя дѣвочка, пойми!

Говорю:

— Склонись надъ ней, Оля. Вотъ такъ! Теперь...

А самъ освѣтилъ ихъ обѣихъ краснымъ экраномъ. Двѣ красоты...

Говорю:

— Оля! Эту картину я вижу впервые!

И она уже смѣется. Мы оба склонились рядомъ, и оба слу-

шаемъ теплое дыханіе спящей Туки. Въ нашемъ общемъ это былъ лучшій моментъ.

Если ты, Оля, слышишь меня, — скажи: правда ли, что это было лучшей минутой среди многихъ прекрасныхъ? Ты не бойся, что это было наивно, сентиментально, смѣшно со стороны. Вообще, Оля, хорошаго не нужно стыдиться, оно никогда не пошло.

Мы съ Наташей были большими охотниками до кличекъ другъ другу. Такъ, я звалъ ее: „мое любопытное явленье“, „мое все“, „носительница прекраснаго локона“, „дѣвочка-топоталка“, „сказочка въ башмачкахъ“. Чѣще звалъ ее:

— Родная моя, любимая моя, радость дней моихъ...

Тука была консервативнѣе въ кличкахъ; обычно она называла меня „ученый господинъ папа“, — когда изволила беспокоить меня въ кабинетѣ, и „мой дорогой другъ“, — когда ласкалась ко мнѣ въ дѣтской.

На этотъ разъ, расписавшись въ полученіи почтовой посылки, я направляюсь въ дѣтскую. Тука сидитъ въ мечтательной позѣ посреди игрушекъ, которыя ей надоѣли окончательно.

Зову ее:

— Маленькая пожирательница картинокъ! Не хотите ли пожаловать на вскрытіе посылки съ книжками?

Еще бы! Этотъ звѣренышъ готовъ сбить меня съ ногъ. Чрезвычайно трудно приучить Туку къ этикету.

Однако, безъ особыхъ формулъ, напоминающихъ немного разговоры индѣйцевъ по Майнъ-Риду въ плохомъ переводѣ, мы обходимся рѣдко, только въ минуты исключительной серьезности.

— Ну же, ну! — теребить меня Тука.

— Пожиратель картинокъ! — увѣщаваю я ее. — Необходимо быть болѣе терпѣливой. Сначала мы положимъ этотъ свертокъ на столъ и полюбуемся на него издали; затѣмъ осторожно подрѣжемъ нитки, снимемъ холстъ и бумагу; когда вынемъ книжки, будемъ потихоньку разсматривать одну за другой. Согласна?

У Туки лицо опечаленное. Но она не увѣрена, серьезно ли я говорю, или шучу. Поэтому она встаетъ на стулъ, дотягивается до моего уха и говоритъ.

— Не очень согласна!

Добираемся до книжекъ. Это — дѣтскіе журналы и журналы

воспитательные. Первые поступаютъ въ полное распоряженіе Наташи, вторыми пытаюсь заняться я. Конечно, это мнѣ не удается, такъ какъ между нами возникаетъ оживленнѣйшая бесѣда по поводу одногорбаго и двугорбаго верблюда. Затѣмъ доходимъ до святочной елки, и я принужденъ долго объяснять моей дѣвочкѣ то, что въ Россіи знаетъ каждый ребенокъ.

— Какъ же она растетъ въ комнатѣ?—спрашиваетъ Тука.

— Родная моя, ты спрашиваешь большой вздоръ! Дѣвочка моя, ты осрамила мои сѣдины! Конечно, рождественскую елку приносятъ изъ лѣсу; помнишь, я рассказывалъ тебѣ про елки, бѣлыя стъ снѣгу, про пушистаго зайчика, у котораго одно ухо торчитъ, а другое опущено, и отъ того вся рожица кажется кривой и смѣшной?

— И про бѣлочку, которая всегда задрала хвостикъ и грызетъ орѣхи.

— Да, и прыгаетъ съ дерева на дерево, съ елки на елку. Такъ вотъ, Тука, передъ Рождествомъ въ этотъ лѣсъ приходятъ крестьяне, выбираютъ елки покрасивѣе, рубятъ ихъ подъ самый корень и отвозятъ въ городъ. А здѣсь ихъ у крестьянъ покупаютъ, приносятъ домой, ставятъ въ комнатѣ, украшаютъ свѣчками, блестящими шариками, игрушками и всякими штуками. Вечеромъ зажигаютъ на елкѣ свѣчи, приводятъ дѣтей, танцуютъ, веселятся. Понимаешь? Вотъ какъ тутъ, на картинѣ.

Тука молча перевертываетъ страницу, а потомъ совсѣмъ закрываетъ книгу. Я вижу, что она недовольна.

— Тука, тебѣ не нравится?

Молчать.

— Не хочешь больше смотрѣть?

— Мнѣ довольно скучно,—уклончиво отвѣчаетъ моя дочка.— Картинки очень плохія. Про елочку тоже совсѣмъ не интересно.

Что это значитъ? Я хорошо знаю Туку и вижу, что она что-то думаетъ. Неужели ей, какъ всякому ребенку, захотѣлось видѣть елку съ игрушками и яркими свѣчками? Но, Боже мой! Я добуду, я сдѣлаю все, чего захочетъ моя дѣвочка!

— Тука, отчего тебѣ скучно?

Она уже плачетъ, она уже горько рыдаетъ у меня на колѣняхъ. И, громко всхлипывая, утирая слезы кулачками, говоритъ порывисто:

— Зачѣмъ они... зачѣмъ они ее подъ корешокъ рубятъ?! Зачѣмъ подъ корешокъ?!

И съ безнадежнымъ отчаяніемъ прибавляетъ:

— Всѣ наши елочки въ лѣсу вырубил, всѣ елочки вырубил! И ту, которая бѣлая!

Что съ ней? Никогда она не была такой нервной. Стараюсь утѣшить. Увѣряю, что елокъ въ лѣсу много, сто тысячъ тысячъ, а можетъ быть еще больше. Если мы пойдемъ посмотрѣть, мы и не замѣтимъ, что ихъ рубили. Конечно — жалко, и поплакать слѣдуетъ. Но очень много плакать не стоитъ, такъ какъ заболѣть глазки. И слезокъ тоже жалко, онѣ могутъ на что-нибудь пригодиться.

Понемногу Наташа успокаивается. Сначала теревитъ меня за пуговицу пиджака, потомъ тихонько гладитъ мнѣ бороду. Потомъ смотритъ однимъ глазомъ, но не прямо въ глаза мнѣ, а немного пониже глазъ. По этикету я въ такихъ случаяхъ долженъ сказать:

— А у тебя носикъ не совсѣмъ красный, Тука! Дождикъ прошелъ?

— Да.

— Теперь солнце выглянетъ?

— Да.

— Послѣ дождя всегда лучше бываетъ. Пыли меньше, не такъ скучно.

— Да. Только голова болитъ.

Ужъ не больна ли? Щупаю головку—горячая. То-то я замѣтилъ, что она сегодня съ утра задумчива! Но, можетъ-быть, жару нѣтъ, это она отъ слезъ такъ разгорячилась.

— Мой дорогой другъ,—вдругъ говоритъ Тука,—мнѣ что-то не хочется, чтобы она сегодня приходила!

— Кто она, Тука?

— Та тетя, которая Оля.

Уже не въ первый разъ говорила мнѣ это Тука, и съ болью сердечной я слышалъ ея слова. Я не знаю, почему Ольга не сумѣла сойтись съ моей дѣвочкой. Когда онѣ бывали вмѣстѣ, Ольга казалась смущенной и теряла свою обычную молодую веселость. Наташа при Ольгѣ очень важничала и слишкомъ надувала губки, но никогда не плакала. Въ эти минуты она даже меня рѣдко устаивала разговоромъ. А Ольгѣ обычно, лишь при

настойчивыхъ ея вопросахъ, отвѣчала односложно и разсѣянно, въ бесѣды же съ нею никогда не вступала, предпочитая какую-нибудь одинокую игру. И достаточно мнѣ было взять Ольгу за руку, чтобы Тука, эта крошечная женщина, начинала проявлять свою ревность.

Ревность она проявляла, напримѣръ, такъ. Садилась на подушку плюшевого медвѣженка, а куклу съ отбитымъ носомъ садилась у ножки кровати. Потомъ гладила медвѣженка и кричала на куклу:

— Уходи! Намъ тебя не нужно! Нельзя сюда! Мишка хочетъ спать! Слышишь?

И будто нечаянно задѣвала куклу ногой. Та падала.

Если и это на насъ не дѣйствовало,—Тука молча брала безносую куклу, клала ее ничкомъ на полъ посрединѣ комнаты и ставила на нее вагонъ игрушечной желѣзной дороги. Это было самымъ жестокимъ проявленіемъ ея ревности. Послѣ этого она уходила подальше отъ насъ, забивалась куда-нибудь въ уголокъ и ломала тамъ игрушки.

— Такъ ты не хочешь видѣть тетю Олю?

— Нѣтъ.

— Почему, Тука? Тетя Оля очень хорошая, она тебя очень любить, и меня очень любить.

— Не очень хорошая.

Помолчавъ, говорить:

— Когда она приходитъ, ты со мной не любишь играть.

— Родная моя, я съ тобой часто бываю, а съ тетей Олей рѣже. Мнѣ хочется съ ней поговорить. Я очень люблю тетю Олю, Тука.

— А меня тоже очень любишь?

— Милая ты моя дѣвочка, ну, конечно, больше всего на свѣтѣ люблю тебя, потомъ опять тебя, потомъ снова тебя...

— А потомъ?

— А потомъ всегда тебя, мой волшебный голосокъ! Ты полярная звѣздочка, да? Или ты наименьшая изъ стрекозинокъ?

Вдругъ Тукѣ весело. Она спрыгиваетъ съ колѣнъ, прыгаетъ на одной ножкѣ и заявляетъ:

— Стрекозинка пойдетъ стрекозиться, а ученый папа будетъ учиться!

Это у насъ — тоже по этикету. Я приучилъ Туку соблюдать

порядокъ въ нашей жизни. Такъ, напримѣръ, она должна сама догадываться, что долго беспокоить папы чельзя, что ему нужно заниматься. Я никогда не прогоняю ее изъ кабинета, даже въ обычный часъ занятій. Посидѣвъ немного, она произноситъ условленную фразу о стрекозинкѣ и ученомъ папѣ и упрыгиваетъ въ дѣтскую.

А къ ночи моя родная, моя нѣжно любимая дѣвочка металась въ кроваткѣ въ бреду. Щеки ея пылали отъ жару, въ глазахъ, устремленныхъ на свѣчку, было видно страданье маленькой птички, которую зачѣмъ-то мучать, которая хотѣла бы лучше весело играть... Дѣтская болѣзнь, одна изъ тѣхъ злыхъ болѣзней, которыя выдуманы злымъ духомъ для терзанія маленькихъ ангеловъ,— схватила ее, сжала ея нѣжное тѣло, вонзила въ него когти. Проклятье, проклятье этому злему міру, созданному такъ дико и нелѣпо, но безумному адскому плану; міру, гдѣ даже ребенокъ не можетъ быть всегда радостнымъ, гдѣ даже его на каждомъ шагу подстерегаетъ капканъ болѣзни и страданій!

И въ бреду она плакала и умоляла кого-то съ недѣтской тоскою:

— Зачѣмъ подъ корешокъ! Зачѣмъ ее рубятъ подъ самый корешокъ!

Плакалъ и я, который долженъ былъ сберечь для нея силы и спокойствіе духа...

На плечо мнѣ легла легкая, милая дружеская рука.

— Оля, это ты?

Я долженъ отойти отъ проплаго еще въ глубь. Я съдѣ не по годамъ, я темпомъ жизни добылъ это серебро. Въ то время я былъ еще молодъ, въ лучшемъ возрастѣ сильнаго мужчины.

Я жилъ въ провинціи, она въ Москвѣ. Она—та, что смотритъ на меня съ портрета, мать моей Туки, моя духовная жена.

Вамъ, нынѣшнимъ, даже самое это слово должно казаться смѣшнымъ. Я же о нашемъ тайномъ, безплотномъ бракѣ мыслю, какъ о великой мистеріи. И не потому, что теперь я старъ. Вѣдь тогда-то я былъ молодъ, полонъ жизни, всегда готовъ къ увлеченіямъ и далеко не безгрѣшенъ. А она, моя Елена, была прежде всего и больше всего женщиной.

Теперь многое задержнулось для меня дымкой сказочности, Легкое облако на памяти. Но ея первый прїѣзд помню. И первую встрѣчу помню. Самая обычная и, въ то же время, странная встрѣча. И странно вообще: часто въ жизни первый взглядъ на женщину, первая встрѣча съ ея взглядомъ — были для меня рѣшающимъ моментомъ. Я уже зналъ дальнѣйшее, зналъ общую страницу нашей судьбы. Зналъ — и вѣрить не хотѣлъ. Такъ было съ нею; такъ, въ послѣдствїи, было и съ Ольгой.

Встрѣтились мы на маленькой мѣстной выставкѣ. Былъ художникъ С., его и теперь еще помнать на Уралѣ, хотя онъ давно умеръ. Онъ объѣхалъ весь горный хребетъ, и лучше всего понималъ краски сѣвера. Его красивый талантъ нашелъ на палитрѣ и чашу хвои, и покровъ снѣга, и голубыя проталины весенней поляны. И рѣчка была, и чутко стояла въ туманѣ рыбацья лодка; небольшое полотно, полное настроенїа. Передъ этой картиной она и стояла съ видомъ знатока, слушая болтливый шопотъ подруги. Съ ея подругой я былъ знакомъ давно и хорошо.

Мы познакомились, и выставку я смотрѣлъ съ тѣмъ особымъ чувствомъ нервнаго подъема, которое порождается въ художникѣ образомъ красивой и умной женщины на фонѣ ряда колоритныхъ пейзажей. Правда — я былъ зауряднымъ диллетантомъ, но за то — я былъ мѣстнымъ уроженцемъ и всѣмъ сердцемъ любилъ краски сѣвера. Любилъ и люблю, тайно люблю и посейчасъ...

— У насъ нѣтъ этой красоты, — говорила мнѣ она. — У насъ снѣгъ грязный. Красивы березы, и сосны красивы. Но должно быть я по ошибкѣ родилась въ средней Россїи; мнѣ роднѣе вашъ сѣверъ. Если бы прїѣхать сюда зимой! Прїѣхать пожить и подышать...

— А въ Москвѣ мало воздуха?

Она посмотрѣла на меня внимательно, и серьезно сказала:

— Какъ для кого. Я бы хотѣла дышать глубже. А вы бывали въ Москвѣ?

— Много разъ. И жилъ подолгу.

Разсмѣялась:

— Легко дышали?

— Легко; какъ вездѣ, впрочемъ!

— Счастливый вы...

Мы встрѣтились и вечеромъ. Встрѣчались часто. Въ малень-

комъ городѣ завязывается дружба. Мы думали, что стали друзьями. Общались другъ другу видѣться въ Москвѣ. И когда, очень скоро, Елена уѣхала,—я заскучалъ.

Я заскучалъ. Потому ли, что полюбилъ ея красоту, ея умъ, ея скрытую грусть. Или потому, что на прощаньѣ она сказала мнѣ:

— Здѣсь забылась, отдохнула. Теперь опять ѣду туда, гдѣ дышать трудно. Прощайте, счастливый...

Я сталъ ждать Москвы, но вмѣсто Москвы попалъ далеко на сѣверь. Тамъ было слишкомъ много снѣгу, даже для меня. Душѣ тамъ нечѣмъ было согрѣться. Я пробылъ тамъ два года, прежде чѣмъ сумѣлъ побороть судьбу и оказаться за границей. За это время Елена исчезла изъ моей памяти. Можетъ быть, и вспоминалась иногда, но лишь на опушкѣ хвойнаго лѣса или на рѣчкѣ въ туманный разсвѣтъ. Или когда неволя сжимала въ груди дыханье. О, тогда я уже не былъ такъ счастливъ!

Я получилъ отъ нея короткое письмо. Вспоминала, что знакомы, просила о какой-то справкѣ, — и ни слова о себѣ. А во мнѣ, на чужбинѣ, вспыхнула вновь память о нашей короткой встрѣчѣ, и письмо ея было мнѣ недосыгаемо-мило. Маленькій, родной мнѣ конвертъ; коротенькое, родное мнѣ письмо... Какъ странно это было! Вѣдь даже лицо ея я плохо помнилъ. И не было въ памяти моей отзвука ея голоса. Только почеркъ, крупный и красивый, да ощущение забытой встрѣчи.

Елена была красива. Вотъ ея портретъ передо мной. Непокорны пряди темныхъ волосъ, строго и мягко очерчены губы, глаза заслонены думой. И было что-то въ этихъ глазахъ, что говорило: они не будутъ жить долго.

Я зналъ не мало женщинъ красивѣе ея; лица интереснѣе — не встрѣчалъ. Оно просилось на полотно, — но не моей недостойной кисти оно заслуживало. И все же я люблю эту лучшую вещь, какую мнѣ удалось написать, — портретъ Елены. Портретъ твоей матери, милая Тука! Да, это — лучшая и послѣдняя моя работа. Съ тѣхъ поръ я оставилъ краски.

Мы стали переписываться. Развѣ вспомнишь, развѣ передашь всю массу сказаннаго и недоговореннаго, которую приносила и уносила почта! И однако о любви мы никогда не говорили.

А моя жизнь? Она шла какъ бы стороной, какъ стороной шла

и ея жизнь. То кипѣлъ я въ котлѣ дѣятельности, въ которую вѣриль, то жилъ анахоретомъ, то съ дрожашей любовью бросался къ искусству, горѣлъ, созерцалъ, пробовалъ творить, безпомощно и безнадежно опускалъ руки. То терялъ голову, гоняясь за мечтой, то напрасно мечталъ хоть на минуту потерять голову, съ горечью убѣждался, что старѣю и холодѣю, не во время становясь благоразумнымъ. То окружало меня такое тяжелое одиночество въ безсчетной толпѣ людей и призраковъ, что за первое слово сочувствія, за первое движеніе свободной ласки я готовъ былъ отдать все. Порою любилъ искренно и ненадолго, порою меня любили. И все это плыло мимо, уходило въ даль, въ вѣчной смѣнѣ, не отражаясь на нашей, казалось бы, искусственно, путемъ переписки, создавшейся связи.

— И вотъ мы вновь встрѣтились, и не случайно.

Она написала:

„Я пріѣду посмотрѣть на ваше небо! Наше слишкомъ сѣро и безцвѣтно. Боюсь сама стать сѣрой и безцвѣтной. А вы какой стали? Можеть быть поучите меня писать? Или вы забросили искусство?“

Со спокойнымъ, смягченнымъ сердцемъ, съ дружескимъ ожиданьемъ, я встрѣтилъ ея поѣздъ и проводилъ ее до отеля. Она при встрѣчѣ сказала мнѣ:

— Вы измѣнились...

Смотрѣла такъ пыливо. А я подумалъ:

— Ты все та же! Все та же—Елена...

Нѣтъ, это не результатъ старости... Я и прежде никогда не могъ ровной нитью развивать клубокъ воспоминаній, клубокъ запутанныхъ нитей моей жизни. Родная, далекая, такъ рано ушедшая, моя Елена! Въ этотъ первый твой пріѣздъ ко мнѣ я писалъ твой портретъ. Но, глядя на него, я вижу тебя такой, какой ты была позже, тамъ, въ швейцарской деревнѣ, незадолго до смерти; какой ты была въ то время, когда я тебя понялъ.

А здѣсь—здѣсь я не понялъ тебя. Зачѣмъ пріѣзжала ты? За тѣмъ, чтобы сказать мнѣ, что хочешь бросить вызовъ жизни, что хочешь побороть и себя и жизнь, согласовать счастье съ безумьемъ? Ты знаешь, я смотрѣлъ тогда на тебя, какъ художникъ смотреть

на своего талантливаго собрата по переживаніямъ, женщину—но собрата. И я говорилъ тебѣ:

— Чего вы хотите? Что значить ваше: я хочу жить? Я не понимаю этого желанья въ его общности. Надо сначала найти цѣль, надо отграничить свой міръ отъ міра массы. По моему, жить — значить творить. Міръ художника — его студія, смыслъ жизни — его творчество. Вы думаете, что поэтъ созданъ для любви? Неправда! Онъ созданъ для работы. Его удѣлъ — отказъ отъ личныхъ переживаній, проникновеніе переживаніями ближняго и дальняго. Вы думаете творчество — веселье? Нѣтъ, творчество — страданье, которому утѣхой служить лишь творенье, и то — недолгой утѣхой; ибо истинный творецъ — мученикъ своей неудовлетворенности.

Я тогда писалъ ея портретъ и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, мучился своимъ диллетанствомъ. И мнѣ кажется — въ то время я ощущалъ Елену не столько во плоти, сколько въ краскахъ... Она говорила:

— Я хочу жить, я хочу жить, я хочу жить...

Она твердила мнѣ это всегда, вездѣ, съ одной и той же ясной настойчивостью, — ясной для каждаго, кромѣ меня одного. Она говорила мнѣ это въ первый день, смотря на меня съ вызывающей довѣрчивостью. Она съ холодной усмѣшкой отвѣчала этими словами на мои разсужденія о высокой роли искусства, она съ глазами, полными слезъ и угасающей, послѣдней надежды, крикнула это мнѣ наканунѣ разлуки. Съ полными слезъ глазами, которыхъ она не хотѣла закрыть. Свѣтлѣе тѣхъ слезъ, лучистѣе тѣхъ глазъ я не видалъ у женщинъ, а изъ дѣтей — лишь у Туки, ея дочери, нашей общей дочери.

Только я могъ быть такъ слѣпъ, и я былъ слѣпъ. Я прозрѣлъ много позже.

Но неужели во мнѣ не было даже догадки? Я никого не любилъ тогда, и все же ближе всѣхъ, лучше всѣхъ была мнѣ Елена, моя недолгая гостья. Ближе и дороже всѣхъ.

Мы на вокзалѣ. Грустный, сѣрый дождливый день. Мы приѣхали въ крытомъ экипажѣ.

— Какъ будете жить? — спросилъ я ее.

И вдругъ она голосомъ чужимъ, почти грубымъ, сказала мнѣ:

— Кому-нибудь брошусь на шею.

— Листикъ! Зачѣмъ вы говорите это?

Она позволила мнѣ звать ее этимъ нѣжнымъ именемъ. Но позволила лишь въ послѣдній день. Позволила, и тотчасъ пожалѣла; но потомъ прибавила;

— Впрочемъ—теперь все равно!

Теперь она стояла на площадкѣ вагона, я — внизу. Паровозъ свиснулъ; мы простились спѣшно, просто—за руку. Была напрасна эта поспѣшность. Поездъ стоялъ. Было томительно.

— Идите въ купе, Листикъ! Много сказать — некогда, мало сказать — не выскажешь. Такъ я, пожалуй, заплачу отъ разлуки съ вами! Скажите мнѣ что-нибудь на прощанье.

— Я хотѣла жить, — сказала она. — А теперь — теперь вы мнѣ скажите что-нибудь такое, что могло бы заставить меня остаться!

Что отвѣтилъ я Еленѣ тогда — не помню. Но знаю, что сказалъ бы я ей теперь на эту тревожную просьбу. Сказалъ бы...

Сказалъ бы ей: Возьми мою несознанную любовь, возьми мое сердце, не сумѣвшее понять, возьми мою жизнь, если она нужна для твоей жизни, возьми мою холодную мысль, согрѣй ее горячей простотой чувства и пылкой страстью тѣхъ минутъ, которымъ нужно было сбыться, но которыя не сбылись! Останься, Елена, вернись! Минутой позже — я буду достоинъ твоей любви, которой не понималъ, о которой не догадался въ тотъ моментъ, когда тронулся поездъ...

Въ повѣсти дней моихъ эти странички словно не вшиты въ общую книгу переживаній, словно носятся въ воздухѣ, влажномъ отъ поднявшагося отъ земли тумана. Влажные, орошенные слезами отца, онѣ никѣмъ еще не читаны, онѣ дѣвственны. Вотъ я отдаю ихъ вамъ; вамъ, которые умѣете чувствовать; вамъ, углубленнымъ страданіемъ; вамъ, сидѣвшимъ днями и ночами у дѣтской постели, слушая дыханье своего ребенка и не зная, куда ушелъ тайный ужасъ, когда вернется; вамъ, устами разорвашаго сердца спокойно и нѣжно говорившимъ: „спи, мой ангель, спи, моя голубка!“ говорившимъ: „больно? гдѣ больно? ничего, милочка, это пройдетъ“.

Въ повѣсть дней моихъ эти странички вписаны кровью сердца. Поймите — онѣ уже тѣмъ однимъ священны! Я бы не далъ ихъ, я бы удержалъ ихъ для себя, для себя одного! Но если бы могъ...

А я не могу, я долженъ сказать, уже не подь силу мнѣ одному нести эту тяжесть. Я былъ всю жизнь такъ одинокъ—найдется ли теперь кто-нибудь, кто бы понялъ?

Передо мной на столѣ лежали часы и тикали громче обыкновеннаго, гораздо громче. Я ставни заперъ, чтобы ни одинъ самый слабый шорохъ въ сосѣдней комнатѣ, въ комнатѣ Туки, не ускользнулъ отъ слуха отца. Она въ первый разъ заснула такъ крѣпко. Въ первый разъ за пять дней. Я же не спалъ ни разу, ни на одну минуту; почти не отходилъ отъ ея кровати.

Съ портрета смотрѣла на меня мать Наташи. Я зналъ, что сейчасъ она заговоритъ со мной. Зналъ вопросъ ея. И, предупреждая этотъ вопросъ, я отвѣтилъ ей шопотомъ:

— Я сдѣлаю все, я не сдамся до конца, Листикъ! Ты видишь, я совсѣмъ бодръ послѣ ряда бессонныхъ ночей. Я не позволяю себѣ минутной слабости. Ты можешь быть покойна, Листикъ! Ты мнѣ всегда вѣрила.

Слышалъ въ отвѣтъ также шопотомъ;

— Гриша, она умретъ!

— Ты не должна такъ говорить, — горячо возражалъ я. — Не должна уже потому, что эта мысль лишитъ меня силы, а силы нужно много-много. Нѣтъ, ты не можешь знать и не должна пугать меня своимъ загробнымъ всевѣдѣніемъ. Ты вѣдь знаешь, я не вѣрю. Листикъ, ты не должна такъ смотрѣть!

— Она умретъ, Гриша!

— Ну хочешь, Листикъ, я стану на колѣни, буду умолять! Подожди, я подниму абажуръ... Пощади мои силы, пощади, Елена! Развѣ ты не знаешь, что на свѣтѣ не все возможно, что даже несчастью есть предѣлы. До такой жестокости ни одинъ палачъ не додумается! Ты съ твоими глазами, столько страдавшая, ты, духовная жена моя, — неужели ты повторишь еще...

— Гриша...

— Развѣ я нарушилъ клятву, которой клялся тебѣ? Развѣ Тука не была моимъ всѣмъ, моей душой, моимъ помысломъ и счастьемъ? За что-же?

Она говорить безшумно:

— Она моя дочь, Гриша! Она не можетъ быть съ вами и среди васъ. Она дала уже тебѣ такъ много счастья. Ты насы-

тился? Да, ты насытился, ты уже ищешь другого... Но тогда ты долженъ отдать ее мнѣ, Гриша. Это такъ справедливо!

— Нѣтъ, Елена, это несправедливо! Ты думаешь только о насъ, эгоистично думаешь; ты забываешь о самой Тукѣ, о нашей духовной дочери. Зачѣмъ такъ рано отнимать у нея солнце; она такъ мало видѣла его! Знаешь, Листикъ, она, вѣдь, не видала еще ни снѣга, ни елокъ, ни пушистаго зайчика! Этой забавной мордочки, когда поднято только одно ухо, она не видала. Она могла быть счастлива, Листикъ... Я не говорю — навѣрное; но вѣдь можетъ быть! Намъ ли рѣшать ея судьбу?

— Счастлива не будетъ, нѣтъ! Счастлива — нѣтъ! Ни я, ни ты, ни она, никогда!

— Однако минутами... Елена, ты вѣдь помнишь наши разговоры тамъ... когда ты была больна... помнишь? Минуты—вѣчность искупаютъ, развѣ неправда?

— Правда. Но тогда, въ тѣ минуты, ты любилъ меня, Гриша...

— И она полюбитъ и будетъ любима... наша добрая дѣвочка...

— Тогда ты меня любилъ, Гриша! Теперь ты любишь лишь одну память мою. А меня, живую, тѣлесную ты не любишь больше.

— Елена, зачѣмъ эти слова! У меня разумъ мутится отъ этихъ словъ!

— Да, Гриша, меня живую ты уже не любишь больше. Если бы я не умерла, Гриша, ты и тогда не любилъ бы меня. Мертвая — я дороже тебѣ и красивѣе. Теперь ты любишь лишь мою память и портретъ мой, и ищешь живое счастье въ другой. Или, думаешь ты, я примирилась?

Мой разумъ... Не заснулъ ли я? Нѣтъ, я не заснулъ...

— Елена, что долженъ я сдѣлать?

— Родной мой, ты не мучь себя! Все равно—ты не творецъ своей жизни. Но смотри, Гриша, вѣдь это—сама судьба. Тука—моя дочь; она любить тебя, но васъ двоихъ она не полюбитъ.

— Елена, ты хочешь, чтобы я разстался съ Ольгой? Но зачѣмъ тебѣ это? Я усталъ, я такъ одинокъ, она такъ привязана ко мнѣ. Развѣ можетъ она, такая маленькая, простая, нѣжная, заслонить твою тѣнь, отнять у насъ наше прошлое? Ты знаешь, я для нея—все, вѣв меня у нея нѣтъ жизни, ничего нѣтъ! Не ты ли говорила мнѣ, что могла бы полюбить ту, которую люблю я?

Помолчавъ, Елена отвѣчаетъ:

— Это была неправда. Это невозможно для женщины. Но не въ томъ дѣло, другъ мой. Ты вѣдь не любишь Ольги.

— Люблю!

— Любишь и не любишь. И то и другое сразу. А это не любовь! Ты любишь мечту, она же—дѣйствительность. Ты очень несчастенъ! Бѣдняжка, ты усталъ!

— Бѣдняжка, ты усталъ!

Я оборачиваюсь въ испугѣ. Передо мной Ольга.

— Ты спалъ, Гриша? Когда я вошла, ты говорилъ. Ты спалъ съ открытыми глазами, Гриша!

— Что Тука? Ты заходила къ ней?

— Она спать. Жаръ меньше. Гриша, ты долженъ лечь, нельзя не спать четыре ночи подрядъ!

— Я не хочу спать, дружокъ мой! Я пойду къ Тукѣ. Пойдемъ вмѣстѣ.

Въ комнатѣ полумракъ. Свѣча заслонена зеленымъ экраномъ, тѣмъ самымъ, который служилъ мнѣ для моихъ „живыхъ картинъ“. Пылающія щеки Наташи кажутся блѣдными.

Я сижу у ея кровати въ большомъ мягкомъ креслѣ. Такъ же точно сидѣлъ я когда-то въ Швейцаріи у постели умирающей Елены. И тѣ же черты лица...

Елена знала, что умираетъ. Говорила о смерти рѣдко, но думала все время. Когда думала—была красива необычайно! Тогда она смотрѣла передъ собой удивленными глазами ребенка, полными взрослой доброты. Если я тихо окликалъ ее, чтобы отвлечь отъ этихъ мыслей, она смущенно поворачивала голову и робко улыбалась мнѣ, словно говоря:

— Я знаю, не нужно, но вѣдь это такъ важно и такъ непопятно!

Однажды, когда боли оставили ее на время, она сказала мнѣ:

— Вотъ ты называешь меня Листикомъ. Странно! Листикъ, это—что-то маленькое, нѣжное; а я была большой, рѣшительной; и дерзко на жизнь смотрѣла. Я бы никому, кромѣ тебя, не позволила называть меня такъ! А вотъ ты зовешь— и мнѣ это

приятно... Я дѣйствительно начинаю себя чувствовать маленькой-маленькой, точно бы твоей дочкой. Понимаешь меня, Гриша?

— Понимаю.

Она продолжала:

— Положимъ, больные—всегда маленькіе. Я вотъ совсѣмъ безпомощная...

Помолчала; потомъ вдругъ улыбнулась такъ ярко, и смущенно сказала:

— Гриша, положи мнѣ руку на лобъ. Да, хорошо такъ. Знаешь, Гриша, я вотъ часто думаю, что я все-таки не бесполезная. Ты не смѣйся, ты послушай! Все-таки у меня дѣвочка... Вчера акушерка говорила, что дѣвочка такая здоровая, какихъ она не видала. Мнѣ такъ это приятно... Ты ее будешь любить, Гриша?

— Листикъ милый, конечно! Мы изъ нея вырастимъ такую прелесть, какъ ты сама.

— Нѣтъ, ты такъ не говори, Гриша! Меня не нужно обнадеживать, я вѣдь знаю. Такъ говорить не нужно! Лучше, Гриша, будемъ оба крѣпкими и правдивыми совсѣмъ. Ты думаешь, я боюсь? Нѣтъ, Гриша! Мнѣ, конечно, странно, но, пожалуй, не жалко. Тебѣ тяжело, что я говорю объ этомъ?

— Тяжело, Листикъ, но ты говори, что хочешь.

— А зачѣмъ тяжело? А по моему это очень поэтично, что такъ случилось! Еслибы мы жили, было бы хуже какъ-то; можетъ быть, стали бы ссориться; я вѣдь такая нескладная; непокорная какая-то. А теперь у насъ самый лучшій бракъ, духовный... Очень ужъ красиво это, чисто, какъ-то особенно возвышенно! Я, Гриша, только въ одномъ не совсѣмъ увѣрена — ты прости меня. Вотъ правда ли, что ты можешь забыть про мое... ну ты понимаешь.. что она не только моя дочь, но еще другого человека; т.-е. по плоти?

— Листикъ, она—твоя дочь, только твоя!

— Нѣтъ, и не такъ: моя и твоя! Да? Ты послушай, Гриша, я вѣдь его совсѣмъ не любила, совсѣмъ; я ни на минуту не заблуждалась, а вотъ такъ, хотѣла жизнь переломить... Ну, и переломила. Мнѣ только больно, что онъ, въ сущности, хорошій человекъ, даже очень хорошій. Онъ-то меня, пожалуй, любилъ... Тебѣ непріятно объ этомъ?

— Говори, Листикъ.

— Тебѣ не должно быть непріятно, потому что тебя-то я никогда не забывала. Вотъ ужъ ни на одну минуту! И когда я.. когда узнала, что ребенокъ будетъ,—рѣшила сразу, что это не его, а только мой. И мечтала всегда, чтобы былъ на тебя похожъ. Я смѣшная?

— Ты хорошая!

— Скажи: «ты моя жена!»

— Ты моя жена, моя милая жена, моя нѣжная и маленькая!

— Да. Хорошо. И правда—вѣдь любовь и есть бракъ! А тамъ все остальное, это—условности.

— Листикъ, а тебѣ не слѣдуетъ говорить много!

— Ну, Гриша, зачѣмъ это! Миѣ такъ пріятно сейчасъ; зачѣмъ изъ-за лишнихъ минутъ часы терять. Я сейчасъ такъ счастлива, какъ никогда! Вѣришь?

— Вѣрю, Листикъ!

— А ты?

— Если бы ты не страдала, Листикъ...

— Да я нисколько не страдаю! Миѣ очень хорошо! Что за бѣда, Гриша! Ну—умру; но умру счастливой, тутъ будешь ты, будетъ наша дочка. Я прямо — блаженная, а не только счастливая! Ты не смотри на слезы—это отъ счастья, Гриша! И твои слезы пусть будутъ не отъ горя, а отъ счастья.

Я кладу голову на подушку, рядомъ съ ея блѣднымъ поху-дѣвшимъ, святымъ лицомъ. Мы долго лежимъ такъ. Миѣ кажется, что она задремала. Но она снова шепчетъ:

— А вѣдь красивое имя—Наташа.. Какъ странно это вышло, Гриша! Я вѣдь тоже думала такъ назвать, если дочь будетъ. Но все-таки это ты, Гриша, назвалъ ее такъ. Да?

— Да, Листикъ! Оба назвали.

— Она тебя будетъ звать папой.. ужасно хорошо! А ты зови ее Тука. Да?

— Да, Листикъ.

— Смѣшно какъ! Тука! И вдругъ она вырастетъ, будетъ важной дамой.. Ну какъ тутъ представишь? А правда она на меня похожа?

— По моему— очень!

— А я красивая, Гриша? То-есть, не теперь, конечно, а была?

— И была и теперь, Листикъ. Ты сейчасъ красивѣе, чѣмъ когда-нибудь!

— Ну, ты это такъ... Я исхудала ужасно.

— Ты прекрасная, мой Листикъ, ты прямо неземной красоты! Она съ улыбкой говорить:

— Вотъ то-то что неземной!...

Я искренно, не открывая глазъ, люблюсь на мое умирающее счастье. Рядомъ въ комнатѣ раздается слабый плачь ребенка.

— Гриша! Она плачетъ! Пусть ее принесутъ ко мнѣ! Почему ее такъ рѣдко приносятъ?

.....

Открываю глаза. Въ зеленоватомъ полумракѣ комнаты слабый стонъ моей бѣдной, страдающей дѣвочки томить и мучить мое сердце. Неужели я долженъ пережить еще и это? Чье грубое творчество внесло въ жизнь эту бездну ужасовъ? Какими проклятьями воздамъ я за то, что готовить мнѣ жизнь? Гдѣ граница? Гдѣ смыслъ? Кто еще смѣетъ говорить о логикѣ, о разумности мірозданья?

И я долженъ еще мучить этого ребенка, почти насильно вливая ему въ горло какое-то гадкое лекарство. Тука, я мучитель твой? Твой папа дѣлаетъ тебѣ больно? Но онъ долженъ спасти тебя, твою маленькую жизнь, въ который смыслъ его жизни! Родная моя, всѣ мученія твои я взялъ бы на себя, сто-кратно взялъ бы, лишь за одну минуту твоей здоровой улыбки!

Въ болѣзни Туки наступило улучшение. Она уже не стонала какъ прежде, не металась на своей маленькой кровати. Раза два она улыбнулась мнѣ, давъ мнѣ столько радости, сколько я не зналъ за всю свою жизнь. Уже не такъ пылали ея поху-дѣвшія щечки, и на одѣялѣ появился ея любимецъ, плюшевый медвѣжонокъ. Но въ маленькихъ ручкахъ не было силъ играть; она могла лишь гладить его изрѣдка. Да, въ это дѣтское тѣло жизнь медлила вернуться!

Но теперь была надежда. И, вмѣстѣ съ возвратомъ этой на-дежды, вмѣстѣ съ еще осторожной, еще крадущейся въ душу

радостью, я почувствовалъ, что я безумно усталъ. Я уже не противился уговорамъ Ольги—прилечь отдохнуть. Она дала мнѣ слово разбудить меня, если Тука хоть на минуту станетъ хуже.

Крѣпко, безъ сновъ, въ первый разъ за болѣзни Наташи, все еще не рѣшившись раздѣться, я проспалъ нѣсколько часовъ подрядъ. Когда я проснулся—я долго не могъ прійти въ себя; долго еще лежалъ, въ чуткой и странной дремотѣ, напрасно стараясь что-то вспомнить и понять. Потомъ сознаніе вернулось какъ-то сразу, и съ нимъ вернулось безпокойство. Я вскочилъ съ постели и поспѣшилъ въ дѣтскую.

Ночь прошла; свѣчка была уже потушена; Ольга спала въ креслѣ около Наташиной кровати.

Я подошелъ на цыпочкахъ и увидалъ, что Тука уже не спитъ. Но она лежала отвернувшись и на мои шаги не повернула головки. Ея восковая ручка гладила медвѣженка. Я пощупалъ ея голову—жаръ за ночь сильно упалъ.

Шопотомъ спросилъ:

— Какъ мое солнышко поживаетъ сегодня?

Тука не отвѣтила. Перестала гладить плюшевого любимца.

Я взглянулъ на Ольгу, которая, проведя въ креслѣ всю ночь, очевидно только-что крѣпко заснула.

О никогда не видалъ ее спящей, и лицо ея показалось мнѣ чужимъ. Почему я не чувствовалъ къ ней никакой благодарности, къ ней, раздѣлявшей со мной всѣ заботы о моей дѣвочкѣ, приходившей съ утра, и лишь послѣ полуночи, когда Тука ненадолго засыпала покойнѣе, и послѣ долгой борьбы со мной, уходившей къ себѣ домой? Ольга помогала мнѣ во всемъ, ея женская рука была нужна вездѣ, но мнѣ не хотѣлось, чтобы она оставалась также ночью. Я говорилъ ей, что мнѣ довольно помощи старой няни, хотя въ дѣйствительности та ничѣмъ мнѣ не помогала. Съ моими думами, съ моими мученіями, съ моимъ безумнымъ страхомъ за дѣвочку—я хотѣлъ быть ночью одинъ, вѣрной сидѣлкой своей дочери. Она знала, что убѣдить меня невозможно, что я не сдамся. И дѣйствительно, я сдался только тогда, когда миновалъ кризисъ дѣтской болѣзни и наступилъ кризисъ моихъ силъ.

Но почему, почему такимъ чужимъ показалось мнѣ ея лицо, блѣдное, усталое и красивое? Неужели потому, что ея молчаливое

присутствіе—я чувствовалъ это ясно—лишало меня улыбки Наташи? Неужели это такъ?

И вновь наклонился къ Туку.

— Дѣтка моя, ты не спишь?

Кончиками губъ Тука отвѣчаетъ:

— Нѣтъ.

— Нигдѣ не больно?

— Нѣтъ.

— Палу любяшь?

— Да.

— Онъ тебя долженъ поцѣловать?

— Да.

Теперь повернула головку. Но я вижу, что ей еще больно. Какъ измѣнилась моя бѣдняжка! Это—слабость мѣшаетъ ей улыбнуться мнѣ хорошо.

Проснулась Ольга. Испуганно вскочила:

— Что случилось, Гриша?

— Ничего. Чего ты испугалась, Оля?

— Ахъ, я нечаянно задремала.. Я какой-то ужасный сонъ видѣла.. А Тука проснулась?

— Да, она уже давно не спитъ..

Я не виноватъ, что въ моихъ словахъ послышался укоръ. Я не хотѣлъ обижать Ольги. Но я обидѣлъ ее больно-больно.

Тука поправлялась—но это была лишь тѣнь моей дѣвочки. Это была тонкая восковая фигурка, съ громадными темными глазами, которая смиренно, почти не двигаясь, сидѣла въ кровати, едва касаясь новыхъ игрушекъ. Только изрѣдка она гладила любимого медвѣженка, къ которому относилась уже не какъ къ пріятелю и любимому забавнику, а какъ-то по-матерински, съ нѣжной слабостью ласки.

Иногда я бралъ ее на колѣни, закутавъ одѣяломъ. Но у бѣдной дѣвочки не было силъ обнять меня. Она только смотрѣла снизу вверхъ и прозрачной ручкой проводила по моей бородѣ и усамъ. И улыбалась осторожной улыбкой.

Въ этотъ день докторъ впервые позволилъ ей встать на полчаса. Была Ольга. Я самъ одѣлъ Туку и поддержалъ ее первые

шаги послѣ болѣзни. Невольно вспомнилъ то время, казавшееся мнѣ теперь какъ-то особенно далекимъ, когда я училъ Туку ходить. Какъ она была забавна! И какъ боялся я первое время, если няня не держала ее сзади за рубашку. Невольно вскрикивалъ, когда Тука, пройдя два шага на шатающихся ножкахъ, внезапно садилась на разостланный мягкій коверъ; при этомъ сначала она дѣлала удивленную рожицу и широко открывала ротъ, а потомъ заливалась отрывистымъ смѣхомъ, показывая первые молочные зубы, появленіе которыхъ я аккуратно отмѣчалъ на особой страничкѣ „Тукиной записной книжки“. Въ этой книжкѣ, вслѣдъ за датой дня рожденія, заносились всѣ замѣчательныя событія ея маленькой жизни, какъ радостныя, такъ и горестныя: первая сознательная улыбка, новый пріемъ барахтанья въ ваннѣ, паденіе съ кроватки, первое слово, успѣхи въ заповинаніи лицъ, позже—рядъ смѣшныхъ словъ, гдѣ-то ею подслушанныхъ и переименованныхъ, клички игрушекъ, діалоги съ ними, разговоры со мной, однимъ словомъ—все. И эта книжка была самымъ цѣннымъ предметомъ въ „Тукиномъ музеѣ“, помѣщавшемся въ особомъ шкафчикѣ моего стола. А тамъ было много драгоценныхъ реликвій, начиная отъ ея первой рубашечки, умѣщавшейся въ обычномъ почтовомъ конвертѣ, кончая необыкновенно сложнымъ и запутаннымъ рисункомъ, долженствовавшимъ изображать медвѣженка. Было и нѣсколько писемъ ко мнѣ, писанныхъ лишь намъ двоимъ понятными палочками и значками. Была и тетрадка съ рядомъ первыхъ буквъ, похожихъ на рядъ домиковъ, пострадавшихъ отъ землетрясенія.

На всѣ музеи міра,—о, конечно, никогда я не промѣнялъ бы этихъ безцѣнныхъ вещицъ! На всѣ музеи міра—никогда! Портретъ Елены и этотъ молчаливый шкафчикъ,—вотъ все, что я имѣю. Все остальное не цѣнно, со всѣмъ прочимъ я могъ бы разстаться.

Къ моему удивленію Тука довольно крѣпко стояла на ногахъ; даже не закружилась головка. На мою радость она отвѣтила мнѣ новой, появившейся у нея послѣ болѣзни, тихой и загадочной улыбкой. Улыбнулась и Ольгѣ и даже подошла къ ней и погладила ея руку. Это была ея первая ласка, и я видѣлъ, какъ радостно покраснѣла Ольга; за всѣ ея хлопоты, за бессонныя ночи, за долгое мученіе невниманіемъ и ревностью дѣ-

вочки,—Ольга получила въ тѣ минуты лучшую награду. Но это было не все. Съ помощью Ольги, Тука пошла осмотрѣть свои владѣнія; отворила дверцу шкафа съ книжками, кубиками, вырѣзными картинками, потомъ сама полила совѣтъ засохшую землю въ баннѣ, гдѣ у нея росло худенькое деревцо, ею посаженное, наконецъ—отыскала безносую куклу, эту бѣдную, горючую и унижаемую куклу, личнаго врага медвѣженка. Тука пригладила ей остатки волосъ, поправила платье, взяла ее на руки и понесла къ кровати.

Все это могло быть случайной дѣтской прихотью, но мы оба, я и Ольга, напряженно слѣдили за движеніями слабой отъ недуга дѣвочки. Если Тука положила куклу рядомъ съ плюшевымъ медвѣженкомъ, если медвѣжонокъ не прогналъ своей непріятельницы,—это было, въ нашихъ глазахъ, полно глубокаго значенія! Что-то случилось, какое-то примиреніе должно войти въ нашу жизнь... Безъ словъ мы съ Ольгой понимали другъ друга.

Но сцена осталась незаконченной. У бѣдной дѣвочки отъ еще непривычнаго движенія закружилась голова, и Ольга едва успѣла ее поддержать. Мы снова уложили ее въ постель. Теперь она совѣтъ была бѣднейшей... не слишкомъ ли рано докторъ позволилъ произвести этотъ первый опытъ?

Тука заснула. Мы перешли ко мнѣ, оставивъ дверь въ дѣтскую полуотворенной,—оба все еще подъ впечатлѣніемъ сцены съ куклой и медвѣженкомъ.

— Ну, Оля, что ты скажешь мнѣ?

Ничего; мнѣ очень хорошо. Только жаль Туку, она такъ ослабѣла.

— Она къ тебѣ приласкалась сегодня...

Въ отвѣтъ Ольга приласкалась ко мнѣ. Отвѣтила уклончиво:

— Она вообще добрая дѣвочка...

Но сегодня она особенно подчеркнула свое расположеніе къ тебѣ. Мнѣ это такъ пріятно, а то Тука—невозможно ревнивый ребенокъ!

Ольга разсмѣялась.

— Какъ это смѣшно вышло у нея съ куклой... Курьезная она у тебя дѣвочка!

— Почему, Оля, „у тебя“, а не „у насъ“?

Я сказалъ это раньше, чѣмъ взгляды мой упалъ на портретъ матери Туки. Съ обычной грустью, но словно бы какъ-то холодно смотрѣла на меня Елена изъ дорогой рамки. Словно знакомая, но чуждая; словно у насъ размолвка.

Ольга не видала моего мимолетнаго взгляда; она сидѣла, опустивъ мнѣ голову на плечо. Потомъ сказала тихо:

— Гриша, ты меня уже не въ первый разъ такъ спрашиваешь. Ну что мнѣ сказать тебѣ... Ты знаешь, я люблю и тебя и Туку. Но мнѣ все кажется—что подѣлать съ этимъ ощущеніемъ!—что мы съ тобой совсѣмъ разные, неподходящіе. Вотъ Тука ревнуетъ меня къ тебѣ, ну, а я... я тебя къ Тукѣ ревную.

— Къ дѣвочкѣ, Оля, къ моей дочкѣ? Что тутъ общаго...

— Нѣтъ, она тебѣ не только дочь, а какъ-то... словомъ больше дочери! Ты въ ней любишь свое прошлое, одну яркую сказку въ прошломъ своемъ. Развѣ неправда?

— Правда, Оля! Я не скрываю этого.

— Я знаю, что ты не скрываешь. Но вѣдь вотъ какой ты странный!.. Ты много жилъ, ты, конечно, встрѣчалъ много женщинъ, любилъ, тебя любили, а до сихъ поръ не понимаешь женщины. Ну какъ тебѣ объяснить... Ну вотъ у тебя виситъ портретъ матери Туки, прямо передъ столомъ виситъ...

— Оля, она давно умерла, ты вѣдь знаешь!

— Это ничего не значить, Гриша! Ну, какъ тебѣ объяснить... Да нѣтъ, я не умѣю объяснить...

— Оля,—говорю я ей,—слушай. Я очень любилъ Елену, и мнѣ ея память дорога. Но вѣдь я—человѣкъ, я не могу жить одной памятью. Моя жизнь не исчерпана, во мнѣ не исчерпано чувство, я одинокъ, наконецъ. Вотъ я тебя полюбилъ, какъ-то сразу полюбилъ. Неужели ты думаешь, что воспоминаніе, хотя бы самое лучшее и глубокое, можетъ у меня всецѣло отнять меня самого? Вѣдь я еще не старъ, Оля! Это—два такихъ разныхъ чувства...

— Ну, можетъ быть, это я такая... несуразная, что готова ревновать тебя даже и къ мертвой...

— Все это пройдетъ, Оля; вопъ видишь, Тука уже готова къ тебѣ привязаться!

— Ну, ты уже слишкомъ быстро заключаешь...

— Хочу, чтобы такъ было—потому и заключаю! Тука любить меня и все мое. А ты—моя, Оля?

Она съ умиrotворенной лаской отвѣчаетъ:

— Миѣ кажется, что я уже не своя... У меня точно нѣтъ своей воли...

И крѣпко прижимаю къ себѣ ея голову и шепчу ей:

— Оля, призраковъ не нужно бояться! Любится—люби, наскучить—бросишь!

Стѣется какъ-то горько:

— Что тебя-то бросишь?

— Не бросишь—тѣмъ лучше.

— Чѣмъ же лучше, Грина? Тѣмъ хуже! Развѣ ты можешь всегда быть моимъ? Въ тебѣ любви—на многихъ, на всѣхъ! Ты моимъ безраздѣльно никогда не будешь. Ты любишь искусство, пишешь; у тебя любимая дочь, которую ты воспиталъ съ колыбели; ты — человекъ общества, умѣешь вѣсѣмъ интересоваться, умѣешь собой заинтересовывать. А у меня ничего нѣтъ... я одна... у меня есть только любовь моя. И если я ее отдамъ, и отдамъ навсегда!

Я знаю Ольгу, и знаю, что въ ея простыхъ словахъ больше истины, чѣмъ въ самыхъ горячихъ и искреннихъ моихъ увѣреніяхъ. Но вѣдь я люблю ее всей силой моего усталого сердца! И неужели изъ-за призраковъ, только изъ-за призраковъ мы должны разстаться? Развѣ во миѣ недостаточно силы, чтобы сказать этимъ призракамъ: уйдите! Развѣ ты, Елена, захочешь лишить меня моего счастья? Развѣ Тука не показала сегодня, что Ольга уже не стоитъ больше между нею и мною? Что близится тѣсная и вѣчная дружба медвѣженка и несправедливо гонимой куклы?

— Оля, каковъ бы ни былъ я — не нужно отталкивать! Чувство не хочетъ знать страховъ!

Опять та же грустная усмѣшка:

— Развѣ отталкиваю я тебя, Грина! Ты вѣдь видишь — совсѣмъ безвольная, совсѣмъ твоя...

И нѣжно, какъ умѣетъ только любящая, подается ко миѣ.

— Оля!

Я съ любовью беру ея голову и приподнимаю. Ея глаза закрыты... Какъ знакомо миѣ это выраженіе сладкаго и дремлю-

щаго безволя женщины. Мнѣ кажется, что это уже было когда то... Я склоняюсь къ ней и касаюсь ея тонкихъ, поблѣднѣвшихъ, почти безжизненныхъ губъ, чутко скрывающихъ столько непопчатой жизни и ласки. Она не можетъ отдать мнѣ поцѣлуя, но въ едва ощутимомъ дрожаніи ея тѣла я самъ его чувствую, самъ беру...

Я странно вздрагиваю и весь холодѣю отъ звука скрипучнаго дерева... Мой мозгъ пронизываетъ безумная мысль, что это скрипнула рамка портрета. Я вижу, какъ Ольга смотритъ на меня съ выраженіемъ ужаса, слышу, какъ колотится ея сердце, которое она сдерживаетъ рукой. Съ минуту мы недвижны, въ томъ страшномъ оцѣпенѣніи, котораго не расскажешь,—когда сердце отдѣлилось отъ разума, когда все возможно, когда ожидаютъ призраки...

— Тука!!!

Тука, въ своей ночной рубашечкѣ, босая, съ распущенными волосами, съ глазами полными слезъ, вицѣпилась въ мой рукавъ тонкими, прозрачными пальцами. Въ ея глазахъ столько недѣтскаго, необъяснимаго выраженія горя и ревности...

— Тука! Зачѣмъ ты встала, родная моя дѣвочка? О чемъ ты плачешь, голубка?

Я беру ее на руки, стараюсь поцѣлуями согрѣть ея голыя ножки. Тука рыдаетъ слезами отчаянія... Кто успокоитъ мнѣ мою дѣвочку?

О, нѣтъ горя, чище и глубже дѣтскаго горя!

Я повертываюсь къ Ольгѣ, которая сидитъ въ прежнемъ оцѣпенѣніи. Ея лицо полно страданія, руки прижаты къ вискамъ. Она блѣдна, какъ смерть...

— Оля, ты бы... вышла на минутку...

Она вздрагиваетъ, поднимается и идетъ прямо, не оглядываясь.

— Оля! Пойми... надо успокоить эту дѣвочку...

— Да,—говоритъ Ольга чужимъ голосомъ.—Я ухожу...

И ушла...

А потомъ пришла вновь въ тотъ же день.

Я сидѣлъ у кровати Туки, которой стало хуже отъ пере-

житаго волненія. Ни кровинки не было въ лицѣ ребенка. Теперь она уснула крѣпко.

О зналъ, что мы будемъ говорить, много говорить. Идя въ кабинетъ, куда прошла Ольга, я умолялъ себя быть добрымъ и чуткимъ къ дѣвушкамъ, которая меня любитъ и которую я люблю настолько, насколько способенъ. Только не винить ее! Только не сравнивать ея живую, реальную, прекрасную душу съ безплотной мечтой, съ той другой, живущей въ иномъ мѣрѣ, которая властно владѣетъ мной и моей Тукой! Только не оскорблять нѣжнаго безкорыстія Ольги отвѣтнымъ половиннымъ чувствомъ, не умѣющимъ понимать безъ словъ и цѣнить безъ разсужденій!

Я нашелъ Ольгу въ томъ уголкѣ дивана, гдѣ мы съ Тукой по вечерамъ переживали наши бѣлые сѣверныя сказки. Подошелъ прямо къ ней, взялъ руку, сѣлъ рядомъ, сказалъ:

— Прости!

Устало спросила:

— За что?

Я былъ искрененъ въ своемъ „прости“, но не зналъ „за что?“

— За то, что тебѣ тяжело, Оля.

— Ты въ этомъ не виновата, какъ и я не виновата! Это, Гриша, жизнь...

Она была искренна, оправдывая меня. Этого было достаточно, чтобы я понялъ свою вину.

— Я былъ грубъ, Оля! Я думалъ въ ту минуту только о Тукѣ и оскорблялъ тебя просьбой уйти.

Вся пережитая сегодня сцена вновь встала въ нашей памяти. Я видѣлъ лицо пятилѣтняго ребенка, полное ревниваго отчаянья,—Ольга, я знаю, видѣла мое испуганное лицо, съ укоромъ говорившее ей: „ты бы ушла“... Это было такъ недавно и такъ тяжело.

Ольга откинула голову и прерывающимся голосомъ, съ не ея жесткостью, сказала:

— Да, ты меня выгналъ!

И съ дѣланнымъ равнодушіемъ:

— А вотъ я вернулась...

И въ ту же минуту у меня сжалось сердце. Чей это голосъ?

...страшный и знакомый? Все это было уже... Да все это

было когда-то давно-давно. Тѣ же слова, та же боль... И дальше будетъ то же... Будутъ слезы, укоры, усталое примиренье, минутная радость...

Много разъ въ жизни я переживалъ этотъ обманъ чувствъ. Много обманъ? Быть можетъ—правда? Быть можетъ, пережито уже все, и нѣтъ новыхъ житейскихъ комбинацій? Не мной—другимъ, моимъ близнецомъ, моимъ предкомъ. Вѣрно лишь то, что мнѣ знакомы эти слова, знакома вся обстановка, и то, что есть сейчасъ, и то, что будетъ позже, быть можетъ—послѣ меня...

И вдругъ, въ одно мгновенье, во мнѣ исчезла жалость къ сидѣвшей рядомъ дѣвушкѣ, которую зовутъ Ольгой, которая зачѣмъ-то пришла, зачѣмъ-то страдаетъ, которая никогда не сможетъ разбить моего одиночества. Я ясно знаю, — да, я знаю ясно, что для нея закрыты двери въ мой міръ, гдѣ есть мѣсто только для меня и двухъ живыхъ призраковъ, двухъ идей моего одиночества: призрака умершей женщины, которая была для меня не плотью, а мечтой, и призрака дѣвочки, которая умретъ и также будетъ только мечтой. Мой міръ, недоступный пониманью чужого сердца. Мой міръ отнынѣ и навѣки!

Да, у меня застыло сердце. Мнѣ хотѣлось жестоко разсмѣяться. Но *насъ* было двое: я и не я. Одинъ изъ *насъ* смотрѣлъ со стороны—и видѣлъ все, и понималъ все; и рѣзко отличалъ мечту отъ дѣйствительности; другой былъ полонъ смущенья и жалости, былъ до рыданій чуждъ логики и до робости человѣченъ. *Насъ* было двое: я и не я; но *мы* не боролись и не примирались; въ ту минуту *мы* были чужды внутренняго договора. Кто изъ *насъ* двоихъ былъ мною цѣлымъ—я не знаю.

И я молчалъ.

Наблюдалъ съ холоднымъ безстрастіемъ ея мученья и ями безумно терзался. Хотѣлъ обнять ее, броситься къ ей погамъ,— и сознательно не двигался съ мѣста, усмѣхаясь одинаково и своей страстности и своему равнодушію.

Была закрыта дверь въ дѣтскую. Тука спала. Противъ стола висѣлъ портретъ красивой женщины. Ни я ни Ольга не могли пошевелиться, такъ какъ это нарушило бы мертвую минуту, которая свершалась въ нашей жизни. И, странно переживая близость ея страданья, я стремительно и отчетливо обдумывалъ одну

пустяшную статью, которую разсѣянно прочелъ, сидя около Тукиной кровати. Быть можетъ, я ошибаюсь: быть можетъ, я мысленно твердилъ лишь ея заголовокъ.

Что свершилось въ душѣ Ольги? Не то же ли странное раздвоенье?

Она вскрикнула:

— Я не могу!..

Быстро въ комнатѣ метнулись тѣни, вихремъ промчались въ даль обрывки мыслей; согрѣлось холодное, сплослось два существа въ одно цѣлое... Мертвая минута была пройдена... И только на прощанье мой страшный, скептической двойникъ крикнулъ мнѣ:

— Это также было... Теперь слезы... Потомъ...

Я не размышлялъ, что будетъ потомъ. Я весь былъ полонъ вспыхнувшей дѣятельной любовью, жаждою утѣшиться, чтобы утѣшиться самому. Теплая отъ соленыхъ слезъ, снова—близкая и прекрасная, а главное—живая, дорогая мнѣ, готовая отдать мнѣ себя, чтобы взять меня такимъ, каковъ я есть! Сестра, жена и дочь, взрослый ребенокъ, который можетъ такъ же радостно смѣяться, какъ горько плакать. И молодость ея, всепобѣждающая молодость, которой я такъ жажду и которой поклоняюсь! За этотъ день она приблизилась ко мнѣ такъ тѣсно и связывающе, что я жаждалъ лишь большей близости, лишь полного слиянія тѣла и души. И я вытиралъ слезы и поцѣлуйми осушалъ ея покраснѣвшіе, блестящіе влагой глаза.

Казалось — не было ничего. Казалось — была лишь жажда другъ друга и ненасытнаго поцѣлуя. И не казалось, что это уже было... Казалось новымъ, единственнымъ и неизбежнымъ, завершившимъ все этапы, пройденные чувствомъ. Казалось: вотъ мы искали другъ друга и нашли, вотъ мы вдвоемъ! Слышалось: вотъ звучитъ аккордъ двухъ стройныхъ пѣсень, слившихся, наконецъ, въ одну! Желалось: о, еслибъ еще сильнѣе были руки, крѣпче объятья, рѣже дыханіе, мѣшающее губамъ не разставаться навѣки!.. Хотѣлось такъ умереть или, лучше, такъ перейти въ вѣчность...

Оля! За эту минуту прости мнѣ все! Я не могу просить о меньшемъ!.. Мнѣ же нечего прощать тебѣ...

.

Въ сосѣдней комнатѣ не плакалъ ребенокъ. Тука спала крѣпкимъ сномъ. Спокойно и равнодушно смотрѣла съ портрета чуждая женщина, ушедшая въ могилу, не знающая страсти и безумія, не живущая. А гдѣ-то тамъ, за предѣлами нашихъ бесполезныхъ, блуждающихъ думъ, опытная старушка — жизнь вязала новый узелъ на безконечной нити человѣческихъ переживаній.

Вязала и шептала безкровными губами:

— Пусть люди думаютъ, что всякій узелъ можно развязать или разрубить; ихъ вѣка хватить, чтобы жить и умереть въ этой обманчивой увѣренности. Уйдутъ они, придутъ на смѣну другіе, столь же довольные разрѣшимой загадкой, объяснимымъ вопросомъ. И будутъ жить отъ срока до срока, отъ надежды къ надеждѣ, вѣчные призраки призрачныхъ странъ... Пусть наслаждаются: я исполню за нихъ черную работу, я, которая вяжу узлы ихъ общеній. Крѣпкіе, нерасторжимые узлы отнынѣ и во вѣкъ, здѣсь и за гробомъ...

.
То было за предѣлами нашихъ думъ. Здѣсь же мы были лишь вдвоемъ.

Насъ было двое я и она...

Тука спала крѣпко; была уже ночь.

— Ты хочешь все-таки итти домой, Оля?

Ольга сначала удивленно взглянула, но сейчасъ же покраснѣла и разсмѣялась.

— Нѣтъ, я все-таки пойду домой! Поздно, Гриша, и неудобно... Это не должно ничего мѣнять въ порядкѣ нашей жизни. Какъ были, такъ и будемъ свободные люди.

Потомъ прибавила съ задумчивой улыбкой.

— Странно... Сегодня утромъ я хотѣла совсѣмъ не возвращаться сюда, а вечеромъ... вошла въ твою жизнь...

Опять разсмѣялась, теперь уже по-дѣтски:

— Вотъ тутъ и рассчитывай! Ничего не угадаешь!

Мы простились нѣжно и спокойно, счастливые и умиротворенные. Была загадка — да! Но вѣдь все загадочно! Думалось, но думалось ласково. Страха не было — нѣтъ!

Я не сразу легъ. Сѣлъ въ кресло у стола, отодвинулъ въ

сторону рукописи и книги, курилъ. Думаль... О многомъ, но покойно...

Задремаль.

Объ, Елена и дѣвочка, стояли передо мной. Тука боязливо прижалась къ матери. Я зналъ, что это — призраки.

— Мы уѣзжаемъ, Гриша, — говорила Елена. — Мнѣ очень жалко съ тобой разстаться! Ты не бойся, что Тука плачетъ; она скоро успокоится, утѣшится. Сегодняшній день былъ ей слишкомъ тяжелъ! Она такая нервная дѣвочка...

— Надолго вы ѣдете? — спрашиваю я спокойно и ласково. —

— Да, надолго. Навсегда, Гриша!

— Ты такъ хочешь, Елена? Почему?

— Мнѣ кажется, Гриша, что именно ты такъ хочешь. Согласись, другъ моя, что я не могу остаться здѣсь! Я возьму и свой портретъ изъ этой комнаты. Изъ сосѣдней я беру Туку. Остальное оставляю тебѣ; вѣдь остальное — твое!

— Да, Елена, ты права.

— Прощай же, Гриша! Ты, можетъ быть, хочешь поцѣловать мою дочь?

— Я не хочу будить ее; она, кажется, крѣпко заснула. Прощай, Листикъ, дай мнѣ руку!

Она протягиваетъ руку, но я не могу взять ея. Встаю съ кресла. Елена стоитъ совсемъ близко, но я не могу достигнуть ея руки. Это волнуетъ мое спокойствіе. Иду къ ней... Я никакъ не могу къ ней приблизиться, хотя она ждетъ меня съ протянутой рукой.

Мнѣ страшно... Я шопотомъ, чтобы не разбудить Туки, которая спитъ въ дѣтской, спрашиваю ее:

— Такъ будетъ долго, Листикъ?

Шопотомъ же отвѣчаетъ:

— Я вѣдь уже сказала тебѣ: всегда!

— Вѣчно итти?

— Да, вѣчно итти!

— Но куда же, Елена?

— Ко мнѣ, Гриша, искать живую въ могилѣ.

— Это называется любовью?

— Да, называлось раньше любовью. Теперь это называется мученьемъ.

— Такъ зачѣмъ же это?

— Какой ты странный! Развѣ спрашиваютъ: зачѣмъ? Такъ есть и будетъ всегда.

— Нельзя измѣнить это? Я бы хотѣлъ подойти къ тебѣ ближе, совсѣмъ близко...

— Нѣтъ, Гриша, этого нельзя. Понимаешь: сейчасъ нельзя! Ты не чистъ для меня! Но можно другое: я могу уйти совсѣмъ. Смотри—вотъ я ухожу!

— Листикъ, ты уводишь дѣвочку?

— Да, мы уходимъ вмѣстѣ и навсегда.

— Подожди же! Я долженъ еще видѣть и сказать...

Но женщина и ребенокъ, моя духовная жена и моя духовная дочь, уходить вглубь, хотѣть исчезнуть съ поля моего зрѣнья. Да, это—Елена, та Елена, которую я любилъ, и которая умерла въ швейцарской деревнѣ, оставивъ мнѣ родившуюся дочь. Ея дочь—Наташа, моя родная крошка, мое сокровище...

И отвѣтъ моимъ мыслямъ доносится издали:

— Да, это я, Гриша, это я, твоя Елена, твоя жена навѣки!..

Другой голосъ звонко кричитъ мнѣ:

— Мой милый, ученый папа, мой дорогой другъ, это я, Тука, знаменитая пожирательница картинокъ, маленькое сокровище безъ цѣны!..

О! Тогда я долженъ догнать ихъ! Нельзя терять времени—я стремительно иду за ними. Я быстро обсуждаю на ходу, какъ, чѣмъ мнѣ заставить ихъ остаться. Елена, я знаю, будетъ упрямиться. Она, вѣроятно, скажетъ, что хочется броситься кому-нибудь на шею, что я ее не люблю. Но это неправда! Я ее люблю любовью вѣчной, такой высокой, такой горячей и безраздѣльной! Впрочемъ, она лишь шутитъ! Вѣдь она помнить законъ любви; кого соединила смерть—человѣкъ да не разлучаетъ! А Тука,—ну, Туку я знаю, она вернется по одному зову! Кетати я придумалъ, чѣмъ привлечь Туку.

И я кричу вслѣдъ уходящимъ:

— Листикъ! Я тебя люблю!

Нѣтъ отвѣта. Кричу:

— Тука, вернись! Если ты вернешься, я положу тебя въ боковой карманъ, поближе къ сердцу, а твою подушечку положу

въ жилетный карманъ. Ты мнѣ скажешь: эй! подушечку! И я выну подушечку и дамъ тебѣ...

Нѣтъ отвѣта. Мнѣ этого не перенести.

— Я не перенесу этого!—говорю я Ольгѣ.—Безъ нихъ мой міръ пусть, безъ нихъ моему одиночеству нѣтъ свѣта! Пойми, Оля, пойми, Оля, пойми!

Я стою на колѣнахъ передъ Ольгой, которая жесткимъ голосомъ, оправляя распустившуюся прическу, держа въ зубахъ роговую шпильку, говоритъ мнѣ:

— Ты меня выгнать,—а вотъ я пришла! Вѣдь я же просила тебя повернуть лицомъ къ стѣнѣ этотъ портретъ; ты не захотѣлъ—и вотъ теперь всѣ знаютъ!

— Оля,—говорю я,—пу пускай портретъ; но какъ же дѣвочка? Я не могу жить безъ дѣвочки! Я—ея отецъ!

— Это ничего!—говоритъ Оля прежнимъ голосомъ. Все это—мечты и призраки! Та дѣвочка давно умерла, какъ и Елена. Теперь у тебя будетъ другая дочь, настоящая, живая, плоть отъ плоти твоей. И мы назовемъ ее Тукой; мнѣ очень нравится это имя.

Что мнѣ дѣлать? Боже мой, что мнѣ дѣлать? Только не это! Пусть будетъ другое имя, любое имя! Такъ много красивыхъ женскихъ именъ, Напримѣръ... наприимѣръ...

Я не могу вспомнить ни одного имени... Всѣ усилія памяти напрасны... Нужно пайги святцы, нужно найти святцы... Да, вспомнилъ, наконецъ-то вспомнилъ! Какъ я могъ забыть это имя!

И я просыпаюсь, съ радостью громко повторяя любимое, дорогое мнѣ имя:

— Наташа, Наташа!..

Странные мы, люди... Намъ словно бы мало нашихъ страданій! И мы стремимся увеличить, умножить ихъ, вновь перебравъ ихъ въ памяти, переживъ ихъ въ творчествѣ, сообщивъ ихъ міру, чтобы и онъ страдалъ, чтобы и онъ мучился еще и еще вмѣстѣ съ нами.

И я не знаю, зачѣмъ мысль зоветъ меня къ пройденному, съ особой, безжалостной яркостью повторяя тѣ этапы моего пути, гдѣ день больной смѣнялся днемъ спокойной грусти, гдѣ ночь

безъ сна искупалась неясной бодростью сновидѣній. И гдѣ не было радости, гдѣ не было радости...

Радости ясной, полной радости не было. Стоялъ призракъ вопроса за тѣмъ, что мнилось простымъ рѣшеньемъ, вкрадчивая горечь мучила минуту душевной глади. Умъ хотѣлъ забыться, но дѣлилось сердце между бликомъ солнца и пугливостью тѣни...

Цѣплялся за жизнь... Вѣдь ушло то, что было нужно и дорого. Умъ говорилъ: ушло! Онъ говорилъ: уйдетъ и большее и не вернется! И чувству хотѣлось заснуть въ усталой дремѣ привычной грусти, отдаться навѣки тѣнямъ минувшаго... Навѣки отдаться, остаться съ ними... Но и чувство дѣлилось, напѣвая старый мотивъ, лучшій изъ напѣвовъ старушки жизни:

— Полно, полно,—напѣвало оно,—забудь о призракахъ, не бойся ночи! За нею слѣдуетъ новый день, и солнце рожденное разсѣтетъ туманъ, разсѣтетъ послѣдній призракъ тумана. А тамъ снова ночь, а тамъ снова день. Въ ихъ яркой смѣнѣ исчерпай малый запасъ человѣческой жизни, лишь малостью своей и цѣнный... Пока не придетъ послѣдняя ночь, безъ призраковъ, безъ сновидѣній и безъ жажды разсвѣта, котораго не будетъ...

То, что было, не уложится въ рамки простой повѣсти дней моихъ. Мнѣ нуженъ онъ, этотъ покой повѣствованія. Нуженъ брошенный внизъ желтоватый свѣтъ лампы, пламя которой закрыто отъ глазъ; нуженъ листъ бумаги, безстрастно ожидающій новыхъ срокъ, съ которыми разстанется память; нуженъ твой портретъ, Елена,—я для тебя пишу! Но развѣ ты, мой безмолвный слушатель, вѣчный спутникъ моихъ думъ и переживаній, не знаешь больше, чѣмъ знаю я? Тебѣ ли говорить о томъ, что было?

Тебѣ ли, властно сказавшей мнѣ:

— Такъ будетъ всегда, Гриша!

Сказавшей:

— Твоя Елена, твоя жена навѣки!

Но скажи,—мы будемъ говорить просто, откровенно и разумно!—скажи, Елена, могъ ли я поступить тогда иначе? Да и развѣ поступкомъ это было? Это было простымъ, естественнымъ проявленіемъ жизни, судебъ и этаповъ которой мы не вѣдаемъ. Во мнѣ былъ большой запасъ любви, еще не исчерпанной. Любовь не выносить накопленія,—она стремится къ раздачѣ! Я не скупой, я не могъ беречь чувства, которымъ былъ богатъ. Я не

терялъ самъ, я лишь дарилъ вѣчно нарастающій процентъ. И отъ щедрости своей становился все богаче чувствомъ. Почему я не долженъ былъ дѣлать этого?

А эта бѣдная крошка...

Тукѣ было все хуже... Она таяла, какъ восковая свѣчка. Я зналъ, что нельзя уже спасти ее, и хотѣлъ отдать все, чтобы спасти ее.

Когда Ольга ласкалась ко мнѣ, расцвѣтшая и страстная въ новой фазѣ нашей любви,— я жадно искалъ въ ней печали и сочувствія моему близившемуся горю... и не находилъ. Безъ нея я смотрѣлъ на портретъ—и въ глазахъ матери видѣлъ тоску и страданье, которыхъ не было въ глазахъ Ольги.

И на вопросъ Ольги: „счастливы ли я ея близостью?“ — я уже отвѣчалъ ей рѣзко:

— Для полного счастья мнѣ недостаетъ одного...

Она, испуганно:

— Чего, Гриша?

— Счастья, Оля!..

— Папочка, — едва слышно шептала Тука, — папочка, она сейчасъ придетъ?

— Нѣтъ, Тука, сегодня тетя Оля не придетъ.

— А ты будешь скучать?

— Съ тобой, дѣвочка, мнѣ никогда не скучно!

— Со мной тебѣ весело?

— Да, когда ты смѣешься. И когда гладишь меня ручкой, вотъ какъ сейчасъ.

— Теперь я что-то не очень смѣшная,—задумчиво говоритъ Тука,—потому что въ кроваткѣ не весело!

— Скоро, Тука, ты не будешь лежать такъ много въ кроваткѣ. Мы поѣдемъ къ морю и будемъ лежать на солнышкѣ и собирать красивые камни.

— А она поѣдетъ?

— Ты все про тетю Олю, Тука? Зачѣмъ ты зовешь ее „она“! Зови ее тетей! Нѣтъ, Тука, она съ нами не поѣдетъ, здѣсь останется.

Тука отвертывается, но я вижу, что она улыбается. Мнѣ такъ мучительно видѣть это! Словно бы мы съ Тукой въ заго-

воръ. Мнѣ особенно тяжело видѣть это теперь, послѣ нашей размолвки съ Ольгой.

И не знаю, отчего это случилось. Но, конечно, виновать былъ только я. И мнѣ тяжело вспоминать...

Ничего не было сказано, но было понятно все. Было понятно, что между нами огромная пропасть, и непроченъ мостъ, нами черезъ нее перекинутый. Гибкій, колеблющійся, всегда грозящій паденіемъ,—онъ ежеминутно будилъ въ насъ сомнѣнія и страхи. Цѣлуя, мы закрывали глаза. Поцѣлуи мы крали другъ у друга. Мы больше никогда не говорили „люблю“, боясь этого слова. А между тѣмъ лишь оно было бы въ нашихъ устахъ правдивымъ, вполне правдивымъ. Я искренне любилъ Ольгу, она беззавѣтно была моею.

И мы расходились, страдая отъ этого, боясь этого, считая это неизбѣжнымъ. Чѣмъ меньше видѣлись мы, тѣмъ больше тянуло насъ другъ къ другу. Наши короткія встрѣчи дѣлались болѣзненно страстными, часы разлуки были ненужными. Я страдалъ, но больше страдала она. Въ своемъ страданьи я утѣшался близостью Наташи, глубокимъ взглядомъ ея матери, моими далекими грезами, возвратомъ въ сновидѣньяхъ бывшихъ сказокъ. У Ольги не было этого.

Время шло медленно, но быстро протекало. Приблизился день нашего отъѣзда на море. Наканунѣ Ольга пробыла весь день, и эта длительность встрѣчи ослабила остроту прощанія. Я не зналъ, увидимся ли мы когда-нибудь. Все это было странно, ненужно, почти необъяснимо. Но неизбѣжно, неизбѣжно...

И когда, страстно обнимая Ольгу въ послѣдній разъ, я спросилъ ее съ насильной улыбкой:

— Ты вѣришь, что я люблю тебя? Ты ждешь нашего въ будущемъ, Ольга?

И когда она, пристально, спокойно, любовно взглянувъ на меня, просто, съ улыбкой долгой мысли, отвѣтила мнѣ:

— Я все равно взяла уже свое счастье, зачѣмъ его портить невѣріемъ...

Тогда я понималъ, насколько она, эта страдающая женщина, была выше и чище меня. И разумяе меня!

И я упалъ передъ ней на колѣни, какъ передъ Богомъ!..

И веду Туку за руку. Всѣ солнечные дни мы проводили на пляжѣ; иногда искали красивые камушки, напримѣръ—камушки съ рисункомъ или очень интереснаго цвѣта, или длинныя, какъ палочки, и отшлифованные до блеска. Дома ихъ у насъ было множество, нѣсколько коробокъ. Но отъ камушковъ устаютъ глаза. Поэтому мы часто просто сидѣли близь самой воды на сложенномъ вдвое одѣялѣ и смотрѣли на бѣлую бахромѹ легкаго прибоя.

Тукѣ только недавно пошелъ шестой годъ. Маленькая тѣломъ, — она выраженьемъ лица напоминала теперь взрослога, тяжело больного человѣка. Она почти никогда не смѣялась и даже улыбалась рѣдко; улыбалась только мнѣ и только ради меня. Уже не бывало между нами прежнихъ оживленныхъ бесѣдъ; бѣдной дѣвочкѣ было трудно говорить; она уставала. Но за то попрежнему и даже еще больше прежняго она любила слушать сказки, которыя я тутъ же для нея сочинялъ. Сказочками окружилъ я ея послѣднiе дни.

Выходили изъ воды маленькiя русалочки съ зелеными лучистыми глазами. Наши русалочки не боялись дневнаго свѣта и не ждали сумерекъ и луны; онѣ подъ яркими лучами солнца были еще краше. И не было въ нихъ злой хитрости, и никого онѣ не сманивали въ море; онѣ были какъ рыбки, какъ красивыя, блестящiя рыбки, и умѣли улыбаться съ такой лукавой добротой, что на душѣ становилось какъ-то особенно хорошо. Была среди нихъ одна, самая маленькая, въ поясѣ изъ морскихъ травъ, съ красными кораллами на шеѣ, съ волосами, унизанными жемчугомъ...

— Какъ звали ее, Тука, какъ ты думаешь?

Тука не можетъ догадаться.

— Быть можетъ ее звали Тукой?

Она отрицательно и грустно качаетъ головой. Нѣтъ! Этого не могло быть! Тука не умѣетъ плавать!

— Ну, тогда ее звали Ундиночкой.

— Это значить что?

— Ундиночка — значить дѣвочка изъ волнъ, морская дѣвочка.

— Ей всегда холодно?

— Нѣтъ, на солнышкѣ ей очень хорошо. Но ей и въ водѣ хорошо, она привыкла! Вѣдь она—какъ рыбка...

Морской дѣвочкѣ очень понравилось выходить на берегъ и сидѣть по цѣлымъ часамъ поближе къ тому мѣсту, гдѣ обычно сидѣла другая дѣвочка, но только земная. Ужъ эту-то дѣвочку навѣрное звали... какъ?

— Тука!

— Ну, конечно! Это наша съ тобой давнишняя пріятельница, у которой еще такой недобрый папа...

— Нѣтъ, хорошей папа! Самый лучший!

Сказочка прерывается, такъ какъ у насъ маленькая нѣжная сцена. Отцы и матери! Завидуйте мнѣ! Торопитесь завидовать! Скоро я перестану быть вашимъ соперникомъ въ наслажденіи дѣтской любовью! Скоро этотъ прозрачный кусочекъ воска растаетъ на солнцѣ, скоро легкимъ облачкомъ, незамѣтнымъ для глаза, поднимется къ чистому небу испарившаяся росинка...

Морской дѣвочкѣ было очень скучно со своими взрослыми подругами. Земная дѣвочка ей правилась больше. И вотъ однажды, чтобы привлечь ея вниманіе, она лабрала глубоко на днѣ моря прекрасныхъ мелкихъ раковинъ, много-много, цѣлую горсть, вынесла ихъ на берегъ и стала играть. Земная дѣвочка увидѣла раковины, но притворилась, будто не видитъ, и не подошла...

И думаю, Тука, она была хитрая очень, эта земная дѣвочка? Какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, не хитрая! У нея, вѣрно, ножки болѣли.

— Почему ты такъ думаешь, Тука?

— Потому что земная дѣвочка все хворала...

— Нѣтъ, Тука, она только немного похворала, а потомъ выздоровѣла, стала веселой, стала бѣгать, хохотать, болтать маленькія глупости, теребить палу...

Въ этотъ день Тука сказала мнѣ, какъ-то особенно пѣжно и тихо ко мнѣ ласкаясь:

— А мнѣ очень скучно, что нѣтъ мамы!

Помню, что я замеръ отъ этихъ неожиданныхъ словъ; я не сразу понялъ ихъ смыслъ. И только новый вопросъ Туки заставилъ меня прійти въ себя.

— Почему мы ее не взяли съ собой? Ей тамъ на стѣнкѣ тоже очень скучно!

Въ сборахъ къ морю я взялъ съ собой только самыя необходимые свои и Наташины вещи. Въ числѣ ихъ былъ, конечно,

медвѣженокъ. Но портретъ Елены остался дома, въ моемъ кабинетѣ. Я скучалъ безъ него и со дня на день хотѣлъ его написать, однако, все откладывалъ. Но я не думалъ, что услышу упрекъ изъ устъ моей дочки. Значить, она умѣетъ любить свою мать, которой никогда не знала, которую отождествляла съ самымъ портретомъ! Въ тотъ же день я выписалъ телеграммой портретъ Елены.

Недѣлю спустя онъ висѣлъ въ нашей свѣтлой столовой, лицомъ къ морю. Къ моему огорченію, Тука только сначала обрадовалась, но скоро забыла о портретѣ. Неясная мечта о матери смѣнилась какимъ-то новымъ капризнымъ желаньемъ, которое я спѣшилъ удовлетворить. Почти каждый вечеръ, когда въ ея слабое тѣльце вновь возвращалась болѣзнь, я долженъ былъ слушать ея тихія жалобы то на отсутствіе любимой кошки, то на то, что сказка неинтересна, то на кого-то большого и мохнатого, кто хочетъ ее ударить. Съ каждымъ днемъ все безпокойнѣе становились наши ночи, и только яркое солнце возвращало намъ улыбку послѣдней радости. Тука таяла, и не было той силы, которая могла бы удержать ее для жизни. Моя крошка уходила все дальше, мое счастье догорало, потухалъ смыслъ моей жизни.

Насъ было трое въ этой маленькой виллѣ, окруженной ольвами, сквозь которыя было видно безмятежное весеннее море: моя угасавшая дѣвочка, ея мать, грустно смотрѣвшая съ портрета, и я, пережившій слишкомъ много, чтобы не пережить еще большаго. Во всемъ мірѣ насъ было только трое! И вѣчной связью были связаны мы, вѣчной безплотной любовью, которая не знаетъ ни смерти, ни кровныхъ узъ, ни человѣческаго брака. Та, что ушла впередъ, звала къ себѣ другую, еще не начавшую жить; и обѣ онѣ обязали меня клятвой, что я и здѣсь и тамъ буду съ ними, буду только съ ними, что иной безплотной любви и иного духовнаго родства не будетъ у меня, одинокаго въ мірѣ, какъ одиноки были мы всѣ трое.

Такъ и сбылось.

Она угасла на разсвѣтѣ яснаго, теплаго весенняго дня. Все было красиво въ этотъ день: легкія перистыя облака надъ самой головою, убѣгавшая вдаль дорожка морской ряби, рыбацья лодка, освѣщенная косымъ лучемъ восхода... Прекрасно было ея прозрач-

ное, фарфоровое личико, окруженное прядями волосъ, отъ которыхъ я осторожно отрѣзала локоны на память, на вѣчную память...

Я былъ спокоенъ и бодръ. Я чувствовалъ, что свершается великое, и помнилъ, что уже пережилъ разъ это великое. Гдѣ-то тамъ соединялись двѣ родныхъ души, и радостно звали меня взглянуть на ихъ счастье. Я былъ третьимъ, земнымъ въ ихъ надземномъ соединеніи, и ихъ вѣчной симфоніи я не нарушилъ крикомъ о помощи. Я только слушалъ музыку вѣчности и красоты, зная то, чего не знаютъ люди, переживая высшее, что было дано мнѣ пережить. Точно далекій колоколъ въ горахъ, точно разговоръ двухъ ясныхъ звѣздъ за часъ до разсвѣта... Легкое дуновеніе вѣтра жизни и смерти, ласкающее, гонящее грусть, зовущее улыбку...

Я зналъ, что она умирала, и не пропустилъ этой минуты. Не искалъ ошибки, не жаждалъ возврата невозможнаго, не звалъ на помощь. Помню—закрывъ ей глаза, невольно любуюсь, расправилъ сжатые пальчики, сложивъ крестомъ обѣ мертвыя, голыя ручки... Поправилъ сползшее одѣяло и сбившуюся подушку. Спи, Тука! Спи, моя родная дочь!

Всталъ, но не могъ оторвать глазъ отъ ея красоты. Зналъ, что нужно что-то дѣлать, позвать кого-нибудь. Зачѣмъ это—не зналъ точно, и боялся нарушить сошедшій покой. И снова сѣлъ рядомъ, и долго, долго смотрѣлъ на ушедшее. Въ моей тихой улыбкѣ не было слезъ.

Потомъ вспомнилъ, что такъ — эгоистично. Портретъ висѣлъ въ столовой. Снялъ его, принесъ, поставилъ въ ногахъ кровати, прислонивъ къ спинкѣ. Теперь все!

Подѣхала неслышная тройка бѣлыхъ крылатыхъ коней. Вѣлымъ ковромъ было устлано сидѣнье... Онѣ вошли одновременно, обнявшись, привѣтливо кивая мнѣ. Стройна была Елена, но и она любовалась на легкое изящество нашей бѣлой и свѣтлой дѣвочки. Падалъ теплый снѣгъ, и исчезалъ, не тая. Тамъ, дальше, была безконечная сверкающая равнина, а на горизонтѣ—хвойный лѣсъ, казавшійся синимъ. И обѣ онѣ, обнявшись, неслышно смѣялись, глядя на зайчика съ курьезно поднятымъ ухомъ. И знакомый мотивъ далекой струны все приближался, словно для нихъ, чтобы отдалиться вмѣстѣ съ ними. Издали Тука махала мнѣ бѣлымъ платкомъ, и игралъ по вѣтру легкой шарфъ Елены. Онѣ

уходили въ тайную даль вѣчной улыбки, куда скоро долженъ былъ уйти и я—для нашей встрѣчи и нашей радости. Мы не плакали при разлукѣ и были счастливы. Послѣ долгихъ думъ и блужданій, мы нашли, наконецъ, свое настоящее и долгожданное, которое, мы знали, зовется вѣчнымъ покоемъ въ снѣжномъ царствѣ бѣлыхъ, красивыхъ грезъ.

Когда ихъ не стало видно, я повернулся къ окну. Тамъ было видно спокойное море съ дрожащимъ на солнцѣ горизонтомъ, и та же даль, та же безконечная даль двухъ лазурей, сливающихся въ вѣчности, та же манящая даль, куда унесли ихъ бѣлые кони.

И тихо, какъ бѣненіе сердца, звучалъ тотъ же мотивъ, далекій и близкій, родной и еще невѣдомый..

Потомъ, медленно тая въ утреннемъ воздухѣ, угасла послѣдняя мелодія. Все закрылось голубой дымкой, которая скоро разсыялась, разступилась, и легкой, воздушной рамкой окружила новую проснувшуюся для меня красоту: прозрачно-восковое личикомоей дочери, угасшей на разсвѣтѣ теплаго весенняго дня..

Хотѣлъ спрятаться отъ всѣхъ, сберечь лишь себѣ свои мысли. Уходилъ въ лѣсъ, что росъ надъ обрывами къ морю. Шелъ по самому краю обрыва, смотря внизъ. Вдругъ бы изъ воды, что сверху казалась сине-зеленой, прозрачной какъ стекло, вдругъ бы изъ воды вышла русалочка, маленькая, прозрачная русалочка-Натанша и крикнула бы:

— Ты скучаешь, ученый папа? Иди сюда!

Голоскомъ звонкимъ, какъ стальные струны мандолины въ отдаленіи, чистымъ, какъ нечаянный ударъ брилліантомъ по хрустальному стакану, яснымъ, какъ воскресное утро въ апрѣлѣ, роднымъ, какъ степная пѣсня, — окрикнула бы меня моя дѣвочка:

— Мой дорогой другъ! не роняй слезокъ! Онѣ могутъ на что-нибудь пригодиться! Дождикъ прошелъ? Выглянуло ли солнышко?

Ты, жизнь жестокая! Я молю тебя лишь объ одномъ! Только одно чудо дай мнѣ — и дальше мучь меня всѣми муками, я все вынесу! Одно маленькое чудо: пусть на минуту раздастся ея голосъ, пусть скажетъ онъ только это:

— Мой милый, ученый папа, мой дорогой другъ!

Только это,—а тамь пусть будеть вѣчное горе. Только эти слова!

Можеть быть, чудо возможно, вѣдь мы ничего не знаемь. Пусть, наконець, оно будеть возможно только для меня и только одинь разь. На все вѣка—лишь одинь разь! Я прошу такь малаго!

Ложусь на краю обрыва лицомь къ морю. Тише, море! Я буду слушать. Сейчась должень раздасться ея голось. Воть съ этимь всплескомь воды она подплыла... Воть—я слышу ясно!—струйки сбѣгаютъ съ ея намокшихъ кудрей... Воть сейчась... я закрою глаза... воть сейчась она скажетъ мнѣ эти слова... Тука! родная, я жду!

Какъ дикій раненый звѣрь, я бѣгу по лѣсу, цѣпляясь за сучья, взбираясь на крутые скаты, срываясь и страстно хватая стальными пальцами землю и колючую траву. Мои чувства ушли, и слышу только свой стоиъ, который мучить и пугаеть меня, точно стоиъ чужого, точно близкій, сдавленный крикъ человѣка, котораго я задушилъ въ припадкѣ безумія. Я весь въ крови, я былъ бы страшень себѣ, еслибы только страхъ мнѣ былъ понятень. И воть я на вершинѣ, откуда виденъ весь южный горизонтъ открытаго моря и синія горы вправо и влѣво. И я, поднявъ вверхъ скаты, истерзанные о камни и сучья кулаки, до хрипоты кричу всею грудью все проклятыя, какія знаю, какихъ не зналъ раньше, какихъ никто не смогъ бы придумать. Я проклинаю небесную лазурь, черту горизонта, и это море, и эти скалы, и этотъ страшный лѣсъ. Я проклинаю жизнь, и все, что было въ ней свято, молодо и лучезарно. Я шлю хулу и проклятыя всемъ радостямъ, всемъ яснымъ улыбкамъ, и первымъ словамъ зарождающагося чувства, и первымъ вздохамъ проснувшейся страсти, и всемъ несмыслымъ намекамъ на то, что счастье было, есть и будеть, что счастье возможно...

И падаю на землю съ тѣмъ воплемъ ужаса вѣчнаго и вѣчнаго горя, какого вамъ не услышать, какого никто не смѣеть слышать, какого никто не издасть. О, въ тѣ минуты я былъ несчастнѣе всѣхъ, рожденныхъ женщиной!.. И если тогда меня не убило небо,—то, значить, нѣтъ молній въ небѣ для тѣхъ, кто шлетъ ему проклятыя!

Въ тѣ дни я посѣдѣлъ. Къ ночи возвращался изъ горъ въ свою квартиру. Подойдя къ двери, я долго слушалъ тишину; мнѣ казалось, что кто-то долженъ былъ вернуться и взять все, что

мнѣ было дорого. Потомъ я вспомнилъ, что тѣни ходятъ безшумно, а вѣдь тамъ были только тѣни: одна гибкая, всегда ускользающая, другая — больная, дрожащая, съ испуганными лучистыми глазами. Онѣ всегда ждали меня у порога. Когда я входилъ, онѣ шли рядомъ со мной съ обѣихъ сторошъ вплоть до кресла. Потомъ одна говорила мнѣ шопототъ:

— Не знаете ли вы, кто позвалъ насъ? Мы пришли... вы слышали объ этомъ?... мы пришли, но здѣсь такъ безотвѣтно...

Потомъ шептала другая, и такъ тревожно:

— Какъ быть? -- шептала она, неслышно ломая руки, — быть можетъ, тутъ была ошибка, но неужели теперь все кончено? Я ихъ упрашивала подождать, но онѣ рубили... они рубили подь самый корешокъ, подь самый корешокъ...

Опять говорила первая:

— Придется подождать. Быть можетъ, онѣ еще вернутся! Тогда мы уйдемъ по направленію къ горизонту, по той же матовой дорожкѣ на поверхности моря, по которой пришли сюда. Это очень далекій путь!

— Какъ быть, — снова слышалъ я тревожный голосъ. — Теперь уже нельзя поправить! Напрасно не зарыли вмѣстѣ съ нею и ея медвѣженка! Если она поправится и вздумаетъ поиграть...

Я вскакивалъ и въ ужасѣ хватался за голову. Неужели правда? Неужели это моя вина? Какъ же я могъ забыть положить съ нею любимую игрушку! Но, можетъ быть, еще не поздно и сейчасъ. Но тогда не нужно медлить, иначе она проснется и тогда... все будетъ кончено!

Метался по комнатѣ, не находя спичекъ. Больше всего боялся опоздать. Ахъ, да вѣдь спички въ карманѣ, какой я безпамятный! Такъ можно погубить все дѣло...

И дрожащій свѣтъ восковой спички освѣщала ея пустую кроватку. Новыя, горькія, одинокія слезы отчаянія рождала моя проснувшаяся память. Я припадалъ горячимъ лицомъ къ ея одѣялу, дѣловалъ маленькія пуховыя подушки, въ которыхъ мнѣ чудилась еще теплота дѣтской головки. И утро застало меня на полу, у кровати, смоченной слезами убитаго горемъ, полусумасшедшаго отца...

Эти дни я пережилъ... Зачѣмъ я пережилъ эти дни!

Начинался новый день.

Послѣ ночи, странной, полной неясныхъ сновъ, я вставалъ разбитымъ, неотдохнувшимъ. Зачѣмъ-то спѣшилъ одѣваться, долго, но городской привычкѣ, выбиралъ воротничекъ и галстукъ. Въ эти минуты я что-то думалъ, но что — не помнилъ. Также спѣшно я пилъ кофе, большими глотками, стоя, не касаясь хлѣба. Наконецъ, хваталъ шляпу и палку и устремлялся къ выходу.

Да, но я что-то забылъ... Что-то обычное, установленное нашимъ давнимъ этикетомъ. Поцѣловать Туку? Но вѣдь ея нѣтъ, она умерла! Взять ее съ собою на пляжъ? Но вѣдь ея нѣтъ! Проститься взглядомъ съ портретомъ Елены? Но Елена можетъ спросить:

— Гдѣ наша дочь, Гриша?

— Ея нѣтъ, Листикъ, она умерла...

— Ты схоронилъ ее?..

— Да, я ее похоронилъ на маленькомъ сельскомъ кладбищѣ, поулъ кипарисомъ. Вѣдь ты спрашиваешь о Тукѣ?

— Да, о ней, о нашей дочери.

— Я уже сказалъ тебѣ, Елена, ея нѣтъ, она умерла!

— Гриша, а что же осталось?

— Ничего.

— А ты? Вѣдь ты живъ еще?

— И? Нѣтъ, Елена, я также умеръ! Насъ, троихъ, уже нѣтъ! Мы, трое, умерли, Елена! Развѣ ты не видишь, какая пустота кругомъ? Нѣтъ никого! Съ тѣхъ поръ, какъ умерла дѣвочка, насъ болѣе нѣтъ, Листикъ! Ты не можешь въ этомъ сомнѣваться!

Этотъ разговоръ задержалъ меня у порога; тѣмъ болѣе я долженъ спѣшить! Я нервно смотрю на часы: уже десять! Обычно мы въ девять были уже на пляжѣ.

Тамъ, на мокромъ отъ вчерашняго прибоя мелкомъ гравіѣ, я внимательно разсматриваю слѣды. Еслибы только отыскать слѣдъ маленькой ножки — я бы еще могъ догнать ее! Но слѣдовъ вообще нѣтъ. А вотъ, неподалеку, то мѣсто, гдѣ мы всегда сидѣли. Я не взялъ сегодня одѣяла, но это ничего, я могу сѣсть прямо на песокъ, а дѣвочка, въ крайнемъ случаѣ, у меня на колѣняхъ. Я говорю о Тукѣ, хотя ея уже нѣтъ, она умерла; но это, конечно, не доказательство! Въ сущности, что такое смерть? Исчезновение видимой оболочки? Это не такъ ужасно; чтобы отъ этого плакать!

Какое важное значеніе имѣетъ бодрость духа! И затѣмъ — интеллектъ! Это тоже очень много значить! Взять, напримѣръ, меня, человѣка образованнаго, и, положимъ, вотъ того полуголаго рыбака. Какъ разнo мы будемъ реагировать на одинаковыя переживанія! Онъ, потерявъ дочь, станетъ бессмысленно рыдать, я же, человѣкъ интеллекта, — совершенно спокоенъ и увѣренъ въ себѣ. Я разсуждаю такъ... однимъ словомъ... какъ я разсуждаю? Однимъ словомъ, я разсуждаю такъ, что я... что я еще могу жить. Конечно, переменна большая и... очень важная переменна! Въ данную минуту я одинъ, тогда какъ раньше былъ, во-первыхъ, я, во-вторыхъ, моя дочь, то-есть собственно даже не моя дочь, а дочь Елены, которая въ свое время также умерла. Елена похоронена въ Швейцаріи, Тука здѣсь, въ Италіи. Я самъ умру, положимъ, въ Россіи или въ Норвегіи. Громадная разница, прежде всего, въ климатѣ! Климатъ Норвегіи и климатъ итальянской Ривьеры! Огромная, огромная разница, даже смѣшно сравнивать! Есть такіе оригиналы, какіе-нибудь самолюбивые... какъ бы это сказать... патріоты что-ли, то-есть не столько патріоты, сколько на-тріо-филы, ес-те-ро-фобы, оте-че-ство-любы...

Все это въ сущности, не то, я отклонился отъ темы. Тутъ говорили, напримѣръ, объ интеллектѣ и... о рыбацкѣ, однимъ словомъ, о прочемъ... Ну, такъ я отказываюсь возражать, такъ какъ не хочу возражать бесплодно! Да и смѣшно: возражать кому-то, на что-то, на морскомъ берегу! Точно Демосѣенъ: камушки въ ротъ — и пошелъ, и пошелъ ораторствовать!

Меня смѣшитъ эта курьезная картина: Демосѣенъ, съ камнями во рту (я, вѣроятно, большіе камни!) болтаетъ всякій вздоръ на пляжѣ! Много было чепухи въ древности!

Солнце печетъ неимоვნно. Надо будетъ Тутъ купить соломенную шляпу! Опять вздоръ! Куда же ее дѣтъ? На могилу что-ли положить! Опять вздоръ! Всегда вздоръ! Всю жизнь вздоръ! И еще ужасъ: всю жизнь ужасъ и ужасъ! Вчера — ужасъ, сегодня — ужасъ, когда же копецъ? Боже мой! Когда же конецъ этой нелогичной логикѣ? Презрительное отношеніе къ жизни... Въ русскомъ языкѣ много длинныхъ и нелѣпыхъ слово-образованій... И все же, если я буду дальше бессмысленно болтать вслухъ всякую чепуху, то тѣ два рыбака примутъ меня за сумашедшаго. Предпочитаю молчать!

Меня клонитъ ко сну. Потомъ появляется маленькій призракъ. Цѣлуетъ, отходитъ и идетъ къ водѣ.

— Тука, осторожниѣ!

— Нѣтъ, ничего.

— Тука, тебя смоешь волной! — кричу я въ ужасѣ.

А она уже издали, съ середины моря, съ горизонта, отвѣчаетъ мнѣ:

Мой дорогой другъ, прощай!..

Я бросаюсь въ изступленіи за нею. Я въ ожесточеніи бью по головѣ рыбаковъ, которые держатъ меня съ двухъ сторонъ. Я бы убилъ ихъ, я бы убилъ ихъ, я бы не пожалѣлъ ихъ, еслибы они не впились мнѣ въ обѣ руки своими грубыми лапами!

— Вы съ ума сошли! — кричу я имъ. — *Siete pazzi, voi*, — перевожу этимъ олухамъ по-итальянски. — Вы трусы! Вы бури боитесь, а я не боюсь, я ее спасу! Къ заходу солнца я буду уже далеко, и къ восходу могу вернуться. Наконецъ, мы возьмемъ корабль! Я человекъ очень сильный! Наконецъ, я могу заплатить вамъ! Послушайте — я бы заплатилъ вамъ! Сколько стоитъ? Часъ туда и часъ обратно? Четыре лиры восемьдесятъ и двадцать на вино...

Подбѣгаютъ еще трое. Съ пятерыми мнѣ, конечно, не справиться. Легкая побѣда выпадаетъ на ихъ долю. Въ сущности мнѣ ихъ жалко; вѣдь когда они поймутъ, что изъ-за нихъ все погибло, что Тука уже умерла, что Тука уже умерла...

Я рыдаю, но съ иронической усмѣшкой: къ моему горю примѣшивается большая доля веселости. И дѣйствительно: меня, человека почтеннаго, полусѣдого, — ведутъ пять полуголыхъ рыбаковъ, и при томъ еще галдятъ на діалектѣ! Прохожіе останавливаются, собирается толпа народа...

Наконецъ, я не выдерживаю.

— Оставьте меня, — говорю я имъ по-итальянски, и приглаголиваю волосы. — Спасибо вамъ за помощь, но теперь мнѣ уже легче. У меня былъ припадокъ, но уже прошелъ. Друзья мои! — говорю я имъ напыщенно, подражая итальянскимъ ораторамъ: — благодарю васъ во имя человечности и прогресса! Да здравствуетъ Третья Италія, да здравствуетъ Гарибальди!

Но меня снова подхватываютъ подъ руки и ведутъ. Тогда и вопли довѣряюсь имъ, — да и не все ли равно? Вѣдь у меня

лѣтъ никакого выбора! Днемъ раньше, днемъ позже—одинъ копецъ... Такъ, по крайней мѣрѣ, легче итти, не приходится соображать. Приведуть—и все... И я повисаю на держащихъ меня рукахъ и стараюсь каблуклами сбивать камушки, лежащiе на дорогѣ. Елена пойметъ, что я не пьянъ, а боленъ. И пойметъ, отчего боленъ,—отъ горя, отъ горя, отъ горя!

— Дочка у него умерла, — говорить въ толпѣ.

И я ласково киваю.

— Да, умерла-таки, моя бѣдняжка! Видали ее? Блѣдненькая такая была, больная. Она еще въ городѣ захворала у меня. А раньше здоровая была, веселая! Красавица дѣвочка была, вся въ мать! Если хотите — могу вамъ портретъ показать. Мать звали Еленой, Елена, какъ ваму королеву. А дочку звали Паталя, а попросту — Тука.

Я встрѣчаю полное сочувствiе. Потомъ меня приводятъ домой и непремѣнно хотятъ, чтобы я легъ въ постель. Тутъ и мѣстный докторъ. Я даю ему пощупать пульсъ и говорю:

— Простите, докторъ за беспокойство! Я бы выпилъ немного воды или, еще лучше, вина. Со мной былъ припадокъ; я, кажется, хотѣлъ брѣситься въ море. Теперь прошло, увѣрю васъ! Теперь я ясно все понимаю. И очень огорченъ, что такъ напугалъ васъ и всѣхъ! Вы не подумайте, что я—сумасшедшiй; это только крайнее нервное потрясенiе. Въ моемъ положенiи это такъ понятно. Вѣдь я перенесъ такое огромное горе, докторъ! не бойтесь же, теперь я успокоился! Если хотите — приставьте кого-нибудь у дверей сторожить меня на случай новаго припадка, но только все уже прошло, даю вамъ слово, — я знаю себя...

Усталый, сагусь у стола, закрывъ лицо руками отъ любопытныхъ взглядовъ. Всѣ уходятъ. Не глядя по сторонамъ, мимо портрета и пустой кровати, я прохожу къ себѣ, ложусь на постель и засыпаю мертвымъ сномъ, безъ памятныхъ сновидѣнiй...

.

На утро я получилъ письмо отъ Ольги. Она, еще не зная о смерти Туки, сообщала мнѣ новость, не рѣшаясь назвать ее ни радостью, ни горемъ. Она писала мнѣ, что будетъ матерью...

.

Долженъ ли я дальше диктовать перу повѣсть дней моихъ?

Повѣсть, гдѣ тѣни минувшаго всегда гнали радость наступившаго дня и надежду дней грядущихъ? Повѣсть о томъ, какъ безплотное въ быломъ пережило всѣ желанья, какъ умершее разбило всѣ узы, разрушило всѣ связи мира живого?

Есть мѣръ, обширный мѣръ, полный жизни, простора и красоты, — чужой мѣръ, чуждый мѣръ.

И въ этомъ мѣрѣ есть одинокій. Я — этотъ одинокій. Я, окруженный людьми, любящими, преданными. Одинъ предлагаетъ мнѣ свою безкорыстную дружбу, другой протягиваетъ мнѣ руку помощи, третій съ лаской смотритъ мнѣ въ глаза, говоря:

— Смотри, сколько насъ, тебя любящихъ, въ тебя вѣрящихъ. Зачѣмъ ты чуждаешься насъ? Зачѣмъ ты не идешь къ намъ, какъ доверчивый братъ, къ намъ, въ нашу семью?

И я жму руки, и я отвѣчаю на ласковые взоры и сердечныя слова. И ужасъ пустоты гнететъ меня, и среди нихъ, любящихъ, — я еще больше одинокъ, чѣмъ наединѣ съ собой, чѣмъ въ кругу враговъ, чѣмъ въ могилѣ...

ПРИЗРАКИ.

Къ повѣстямъ дней моихъ, — вы помните, я ихъ вамъ рассказывалъ, — мнѣ пужно прибавить еще нѣсколько страницъ. Теперь уже послѣднихъ! Пусть эти страницы будутъ прощальной ланью прошлому. Мнѣ пора отдохнуть.

Буду искать себѣ бѣлую комнату... Съ бѣлыми обоями, можно мазаную известью... Будетъ висѣть только одна картина въ бѣлой рамѣ: стволы березъ на фонѣ снѣга. Изъ окна будетъ видно только море и небо, только море и небо. Высокую бѣлую лилю поставлю на столъ. И бѣлый листъ бумаги — для моихъ думъ; для новыхъ думъ, не связанныхъ съ прошлымъ.

На закатѣ лѣтъ хочу жить, какъ юная дѣвушка; послѣднія капли жизни хочу испытать одиноко, изъ непорочнаго, хрустально-чистаго бокала.

Да будутъ кончены повѣсти дней ушедшихъ! Концомъ ихъ да будетъ отдыхъ и примиреніе. Бѣлую комнату я буду искать себѣ для этого отдыха, усталый отъ людей, слишкомъ подолгу сидящихъ въ креслѣ напротивъ меня, курящихъ, лгущихъ, жалующихся на неудачу въ жизни. Еще усталъ отъ принциповъ, кодексъ которыхъ мелкимъ шрифтомъ втиснуть въ переплетъ самой толстой изъ книгъ, отъ вздоховъ скребущихся въ дверь вопросовъ, проблемъ, дилемъ и гипотезъ, которымъ запрещенъ входъ ко мнѣ: за тягостью лѣтъ я ихъ разрѣшить не способенъ. Усталъ отъ гущи красокъ, обилья тѣней, потрескавшихся образовъ давнихъ переживаній. Хочу уйти отъ нихъ. Я созову ихъ всѣ разомъ, запру на ключъ извнѣ, уйду, — и буду искать себѣ бѣлую комнату...

Пусть эти строки будутъ послѣдней данью моимъ призракамъ.

Вотъ уже много лѣтъ, какъ я въ пути. Привычный путникъ, одинъ изъ тѣхъ, на кого такъ спокойно и равнодушно смотрять кондуктора: «съ этимъ хлопотъ нѣтъ, онъ знаетъ, на сколько минутъ остановка, гдѣ сойти». Одинъ изъ тѣхъ, кто не ѣздитъ отъ столицъ къ большимъ городамъ. Нѣтъ, садится за часъ до столицы и бросаетъ поѣздъ на маленькой уснувшей станціи, въ самую неурочную пору. Чтобы остаться здѣсь? Нѣтъ, здѣсь нѣтъ и гостиницы! Но здѣсь вѣтка другой дороги въ другое захолустье. Или—дальше на лошадахъ, по плохой проселочной дорогѣ съ двумя глубокими колеями.

И выѣхалъ въ тотъ моментъ, когда въ мѣрѣ, залитомъ соли-немъ, потухла маленькая восковая свѣчка слабого пламени, ко-торой никто не видалъ и никто не замѣтилъ угашенія. Малень-кая свѣчка чистаго воска... Чѣмъ она была для меня? Зачѣмъ вамъ знать!

Зачѣмъ вамъ знать? Можетъ быть этимъ, лишь мнѣ замѣт-нымъ и дорогимъ огонькомъ, лишь для меня горѣвшимъ, мени согрѣвавшимъ и мнѣ свѣтившимъ, былъ живой человекъ, дитя, женщина, другъ; можетъ быть это была моя надежда, мечта моя—мы всѣ мечтатели! Можетъ быть июльскимъ свѣтлячкомъ блеснула въ головѣ прожившаго, прожившаго,—вдругъ блеснула сказка совсѣмъ юныхъ лѣтъ; а блеснувъ—пропала. И навсегда пропала. И ужъ безвозвратно! Легкій, утренній, свѣжащій вѣтерокъ, такой лѣжный и пріятный,—и вдругъ задулъ слабое пламя. Задулъ такъ, не со зла... А зачѣмъ задулъ? И вотъ свѣчка угасла.

И стало темно и неуютно. Тогда я всталъ и пошелъ. Огля-нулся разъ: ничего не видно; тамъ позади темно и неуютно; никто не окликнулъ. И пошелъ дальше.

Когда я ушелъ, я сказалъ себѣ: буду одинъ! И правда, я одинъ, почти всегда, и нѣтъ у меня мѣста, которое я звалъ бы домомъ. Пароходъ можетъ подолгу стоять у пристани, но онъ нигдѣ не дома. И я таковъ же.

Я не скрою: я полонъ тоски. Но это не тоска по осѣдлости: быть путникомъ—моя натура. И не тоска по жизненнымъ свя-зямъ: моя вторая натура—свобода. Тоска ненужности—вотъ моя тоска; ненуженъ себѣ, и мнѣ никто, никто не нуженъ. Такъ, чтобы щемило сердце желаніемъ видѣть, любить и ласкать; такъ, чтобы мысль отбрасывала все, что ей предлагается, и брчала:

„пѣтъ, дайте мнѣ это, лишь одно это!“; или чтобы воля была бессильна побороть жажду жизни и хоть минутнаго счастья... Этого нѣтъ.

Не душевный холодъ, а зябкость. Странно это! Одинъ я, или среди людей,—я, вематриваясь себѣ въ душу, чувствую ее маленькимъ, озябшимъ, сморщеннымъ комочкомъ. И самъ себѣ кажусь такимъ же маленькимъ, сморщеннымъ, смиренно прижавшимся въ уголъ. Инстинктивно я отглядываюсь кругомъ:

— Почему же не смѣются и не жалѣютъ меня?

И если въ такой моментъ я вижу себя въ зеркалѣ, мнѣ дѣлается страшнымъ мое раздвоеніе. Тамъ я вижу знакомаго, но совсѣмъ чуждаго мнѣ человека, рослаго, сильнаго, съ просѣдью въ волосахъ, съ лицомъ самоувѣреннымъ, немного усталымъ, съ совсѣмъ молодыми глазами. Таковъ я и былъ раньше, пока внутри меня не отдѣлилось что-то и не стало жить особо. И то, что отдѣлилось, было самимъ мною; то, что осталось, стало чуждымъ мнѣ, стало моей неотвязчивой маской, моимъ двойникомъ.

Съ нимъ, съ двойникомъ, мы порою бываемъ очень близки; но это—лишь наединѣ. Мы подолгу смотримъ другъ на друга; и спрашиваю его:

— Доволенъ ты? Ты примирился, по крайней мѣрѣ?

И тогда онъ съезживается, старѣетъ, подобно мнѣ, и говоритъ:

— Уйдемъ, уйдемъ! Кажется, подходитъ этотъ припадокъ безмыслия и холодной дрожи; ты заразилъ меня.

И мы уѣзжаемъ, всегда неразлучные...

И не бѣгу отъ людей; вѣдь люди не мѣшаютъ одиночеству; напротивъ, скорѣе помогаютъ быть одинокимъ. Но и не стремлюсь къ нимъ; среди нихъ дѣлается все менѣе оригинальныхъ, интересныхъ и глубокихъ. Я просто принимаю ихъ и терплю ихъ, какъ принимаю и терплю жизнь. И такъ до тѣхъ поръ, пока что-нибудь не напомнитъ мнѣ слишкомъ ярко объ одномъ, давно прожитомъ времени. И когда прошлое вновь встаетъ передо мной,—тогда я уже не мирный путникъ, я—бѣглецъ, я раненый, убѣгающій съ проклятіемъ, но безъ мысли о мести.

Мой міръ населенъ тѣнями прошлаго; ихъ такъ много, такъ много! Нѣныя изъ нихъ я люблю и жалѣю; и я нѣжно ласкаю ихъ, когда едва слышной поступью, легкой походкой входятъ

онѣ ночью ко мнѣ, одинокому спутнику. Тогда я прощаю и тѣмъ... Тогда все и всѣмъ прощаю и отъ всѣхъ жду прощенья...

Вы стоите передъ большимъ стереоскопомъ, устроеннымъ ради рекламы. Приказчикъ думаетъ, что вы хотите купить его, и любезно показываетъ вамъ цѣлыя серіи чужеземныхъ видовъ. Но вы не хотите купить, вы только смотрите.

Африку? Да, и Африку. Можетъ быть у васъ есть виды Россіи? Какая удивительная страна! Страна подъ снѣгомъ... Ахъ, эти степи залитыя солнцемъ! Хвойный лѣсъ, вѣдь это хвойный лѣсъ, не правда ли? Ледоходъ на Волгѣ? Но, знаете, это же моя родная страна! Мнѣ кажется, что стекла запотѣли, или это просто усталость глазъ...

Затѣмъ, давъ отдохнуть глазамъ, вы плывете по швейцарскимъ озерамъ, подымаетесь по горнымъ фуникулерамъ и узкоколейнымъ дорогамъ. Угодно вамъ взглянуть съ Пилатуса на озеро Четырехъ Кантоновъ? Или полюбоваться каскадомъ въ Мейрингенѣ? Панорамой горъ съ Роторна? Или и вы, какъ многие, влюблены въ изящную, бѣлую, осеребренную блескомъ предвечера Юнгъ-Фрау?

Лебеди на Женевскомъ озерѣ... Тироль... Лаго ди Гарда съ высокой, отвѣсной стѣной горъ... Вотъ, наконецъ, вы ѣдете въ гондолѣ въ Венеціи подъ Мостомъ Вздоховъ, между дворцомъ и тюрьмой.. Помните, какъ гондольеръ окликаетъ на поворотѣ узкихъ каналовъ:

— О-э!

И изъ-за угла слышенъ откликъ. Потомъ встрѣчаются и прощаются тихимъ плескомъ двѣ молчаливыя гондолы. Вдали вы ночью за островомъ святого Георгія? Рассказывали сказки, развалившись на мягкихъ черныхъ подушкахъ и откинувъ голову къ звѣздамъ? Вдали все еще слышна серенатина...

Да, все это было, все пронеслось передъ взоромъ, какъ теперь передъ памятью. Картины и встрѣчи, — встрѣчи, мимолетныя, какъ картины.

Одной совѣтъ юной дѣвушкѣ очень хотѣлось повидать море; она прожила всю свою девятнадцатилѣтнюю жизнь въ русской провинціи. Потомъ, когда мать повезла ее за границу, она увидала большіе европейскіе города, увидала озера, снѣговья вер-

шины горь. Много-много чужихъ людей. Но моря она еще не видала.

У матери былъ большой другъ, который попросилъ ее отпустить съ нимъ дѣвочку посмотрѣть море. Это такъ близко и не будетъ стоить ровно ничего! Развѣ мы не старые друзья?

— Но развѣ вы собираетесь ѣхать?

— Я не собирался сидѣть на мѣстѣ. А куда ѣхать — все равно. Мнѣ вдвойнѣ пріятно прокатиться съ вашей дѣвочкой.

— Да какая она дѣвочка; она уже взрослая.

— Отпустите ее со мной! Я доставлю ее обратно черезъ три дня. Мы только взглянемъ на море.

Часа за два до отъѣзда я бѣгу по магазинамъ. Нужно захватить чего-нибудь поѣсть для дѣвочки; вагонъ-ресторана не будетъ. Я покупаю ей страсбургскій пирожокъ. Потомъ покупаю одеколону: это — вмѣсто умыванья, ее запылить дорогой.

Она ждетъ на вокзалѣ. Она смотритъ въ другую сторону, и не сразу узнаетъ меня, такъ какъ я одѣтъ по дорожному. Подкрадываюсь, хватаю за руку.

— Ну?

— Ахъ! — вскрикиваетъ она. И я еще и еще разъ вижу ясную и радостную улыбку ожиданья. Ей такъ хочется, такъ хочется взглянуть на море!

Мы ѣдемъ въ поѣздѣ. Страсбургскій пирожокъ пригодился...

Сгущаются сумерки. Въ окно вагона видны скалы и море, прохладное и прекрасное.

Я взглядываюсь въ глаза моей маленькой спутницы. Когда глазъ не видно, — она рисуется мнѣ серьезной. Но едва блеснуть въ темнотѣ двѣ звѣздочки — снова я вижу и чувствую улыбку. И снова въ умѣ моемъ стоитъ та же фраза:

— Вступаю въ жизнь. Гляжу въ будущее съ удивленіемъ и радостью ожиданья...

Она мнѣ сказала:

— Какъ странно... У меня совсѣмъ нѣтъ прошлаго! Въдъ гимназія, учителя, подруги, — это не прошлое. А другихъ воспоминаній нѣтъ. Вотъ эта поѣздка будетъ первымъ моимъ воспоминаніемъ.

Милый ребенокъ безъ прошлаго!

Ей девятнадцать лѣтъ. Мнѣ хочется взглянуть на нее, какъ

на женщину, хотя бы и маленькую. Но нѣтъ, не могу. Она остается для меня ребенкомъ, милымъ и чистымъ, съ ясными глазами, говорящими:

— Вступаю въ жизнь съ удивленнымъ ожиданіемъ, въ жизнь большую, странную, полную чудесъ, полную непонятнаго. Иду къ тайнѣ, не готовая къ ней, такая маленькая въ этомъ огромномъ мірѣ.

Я улыбаюсь ей той улыбкой, которой не зналъ давно. Это—улыбка юности, или, вѣрнѣе, улыбка для юныхъ. Улыбкой скрываю я большую тоску. Если бы я былъ юношей, такимъ же чистымъ и доверчивымъ, я бы смѣлъ сказать ей:

— Дай мнѣ руку, пойдемъ вмѣстѣ! Это и веселѣе и легче. Какъ братъ съ сестрой...

Былъ бы я стройнымъ, смѣлымъ, красивымъ, со взглядомъ рождающагося мужчины, съ сильной рукой, чуткой для пожатья. И я сказалъ бы ей:

— Мы ѣдемъ къ морю не для лѣниваго нѣжанья на пляжѣ. Мы ѣдемъ вдохнуть соленой, бодрящей водяной пыли, взглянуть на дали, проводить закатъ и ждать утра. Знаешь—оно вѣчное и бездонное, его не охватишь глазомъ. Мы почерпнемъ въ его красотѣ запасъ бодрой силы, и вернемся, опять вернемся къ снѣгамъ и Волгѣ. Тѣ, до насъ, старики,—миръ праху ихъ!—видѣли мало красоты вѣчной: они черпали энергію во временномъ и, растративъ ее, не знали, чѣмъ пополнить. Мы возьмемъ ее изъ вѣчнаго и въ вѣчномъ пополнимъ. И передъ красотой и молодостью,—сестра моя!—кто не преклонится? Кто не дастъ намъ дороги? Вѣрѣ уступить дорогу безвѣрію, сила прогнать слабость, и наша побѣда,—сестра моя!—будетъ не проклятемъ прошлому и не мезтью ему, но радостью за будущее, радостью и благословеніемъ. Идемъ со мной, идемъ вмѣстѣ, рука въ руку!

И пошли бы, и вступили бы въ волны, не боясь простуды, и перешли бы море; вѣдь все доступно, все возможно тому, кто вѣритъ.

И вступили бы въ жизнь рядомъ... сестра моя!

Мечты мои! Онѣ тревожатъ меня и сейчасъ. Мечты мои, отзвуки надеждъ уснувшихъ...

Еще никогда я не былъ такъ слабъ и неразуменъ, какъ

сейчас, когда пишу. И так слаб и одинокъ. Съ мной нѣтъ здѣсь моего вѣрнаго, вѣчнаго, вѣщаго совѣтника—моря, моего страннаго, страшнаго, страстнаго друга—моря, синяго моря непостояннаго.

Все минуетъ, все потонетъ въ его пучинѣ, все уйдетъ.

Туда, на дно. Слабый всплескъ замретъ въ плескъ прибоя, бѣлый гребень покроетъ водяную могилу думъ и переживаній. А тамъ—гладь лазурная, блики солнца, отраженные пятна облаковъ, да длинныя, рябья дорожки отъ плоскаго берега вглубь, вдаль, въ небытіе. Прощай!

Но не могу забыть...

Не могу забыть ея дѣтскихъ словъ, сказанныхъ съ наивнымъ сожалѣніемъ:

— У меня нѣтъ прошлаго... Мнѣ нечего вспоминать...

Мой маленький другъ! А вотъ я полонъ прошлымъ! Когда я одинъ и свѣтъ лампы брошенъ внизъ—меня обступаютъ призраки прошлаго. Я не забылъ ничего. Я ничего не забуду.

Тонкіе, прозрачныя, колеблющіеся, всегда готовые уйти неслышно и неслышно явиться, они—мой міръ, какъ я—ихъ цѣль. Они являются ко мнѣ боязливо и робко, хотя я—рабъ ихъ. Въ сладкомъ и тягостномъ плѣну они держатъ мою душу. Они стоятъ толпой и подходятъ по одиночкѣ.

— Это ты, отецъ? Даже ты здѣсь?

И говоритъ мнѣ старикъ, съ большимъ лбомъ и насмѣшливыми глазами:

— Мой мальчикъ, мой бѣдный, усталый, полусѣдой мальчикъ! Ты долженъ простить меня за то, что я далъ тебѣ жизнь. Она интересна, эта жизнь, но тяжела. И еще прости меня за то наслѣдство, которое я тебѣ оставилъ: за неприспособленность къ жизни, за довѣрчивость и безволіе, за жажду сказки, которой нѣтъ, и отдыха, котораго не будетъ...

— А ты не отдохнулъ?—спрашиваю я старика, моего отца. Онъ отвѣчаетъ задумчиво:

— Могіла—не отдыхъ; тотъ крестъ, который ты поставилъ надъ ней—насмѣшка надъ недожитымъ. Я не покоенъ; я тревожусь прежней загадкой: почему мнѣ, желавшему такъ малаго, было суждено еще меньшее?

— Отецъ, я тебя зналъ такъ мало. Неужели и ты былъ поэтому, ничего не создавшимъ? Я былъ еще мальчикомъ тогда; но я помню твой взглядъ за часъ до смерти. Ты смотрѣлъ на меня, сидѣвшаго съ книгой у твоей кровати, пристальнымъ взглядомъ, въ которомъ было все, что можетъ сказать умирающій. Тогда я просто заплакалъ, не понявъ. Теперь я понимаю: ты благословлялъ меня на смерть? На такую же смерть безъ оправданья? Правда ли?

— Правда. Я и теперь благословляю тебя. Мы встрѣтимся тамъ. И оба, призраками, мы будемъ приходить къ другимъ, такимъ же неустроеннымъ въ жизни, и ждать ихъ, и звать ихъ къ себѣ, съ собой, въ наше послѣднее ничто; но и въ немъ нѣтъ отдыха, ты знаешь?

— Да. Но скажи, отецъ, почему ты говоришь такъ странно, загадками? Ты, который при жизни говорилъ простыя вещи съ простой улыбкой; вотъ съ этой, какъ сейчасъ?

Онъ смѣется:

— Но вѣдь это ты говоришь за меня, мой пожилой мальчикъ, мой бѣдный сынъ! Я былъ проще; мы всѣ были проще... И всѣхъ проще была вотъ она, вотъ эта старая женщина, грустная, съ голубыми глазами, которые такъ много плакали...

Мать стоитъ около меня; она такъ слаба. Она молчитъ и только гладитъ меня по головѣ съ лаской, какой нѣтъ равной! Ласка женщины-матери-старухи.

Я шепчу ей, растроганный, слабый, какъ дитя. Я шепчу ей:

— Скажи мнѣ, мама, что же это за жизнь? За что это, мама?

Она гладитъ мнѣ волосы, ласкаетъ...

— Ты—женщина; ты должна знать...

Она ласкаетъ, молчить...

— Ты умерла вдали отъ меня, я не видалъ и твоей могилы. Скажи, если бы я могъ быть у твоей постели,—ты открыла бы мнѣ загадку жизни? Или, мама, и ты ея не знала?

Она ласкаетъ...

— Простила ли ты меня за себя и за другихъ?

Плачетъ, ласкаетъ еще вѣжливѣ худой тонкой рукою. И впервые шепчетъ тихо:

— Мой бѣдный мальчикъ! Иди ко мнѣ, иди къ намъ... Я

прижму тебя къ старой, сухой материнской груди, я согрѣю тебя слабымъ, дрожащимъ объятьемъ матери, мой милый мальчикъ...

— Мама, я хотѣлъ бы жить...

— Я знаю это. Но тѣ, молодыя, согрѣютъ только на мигъ. Смотри, сколько ихъ здѣсь; отнимутъ тебя, но не спасутъ; приласкаютъ, но не утѣшатъ.

— О, нѣтъ, мама, еще немного, еще кручинку жизни!

И уже нѣтъ дрожащаго призрака старухи. Передо мной дѣвочка съ большими открытыми глазами, любящими, молящими. И подъ легкой кисеей ждетъ отклика сердце, и манить, и дрожить ожиданьемъ. И тонкія, прозрачныя руки хотятъ протянуться, и ждуть, и не смѣютъ...

Я помню. Это ея глаза еще недавно смотрѣли прямо, черезъ меня, смотрѣли вдаль, говоря:

— Вступаю въ жизнь...

Зачѣмъ же теперь они смотрять на меня, и тянутся ко мнѣ, и несмѣло спрашиваютъ:

— Позовешь ли? Велишь ли? Должна ли я уйти?

— Уйди, дитя!

— Но я бы осталась лишь на минутку. Я не дитя уже. Смотри!

И спадаетъ кисея. И подъ нѣжной грудью я вижу глубокую рану.

— Уйди же, уйди!.. Это не я убилъ тебя!

— Это ты сдѣлалъ. Но ты не убилъ, ты пробудилъ меня къ жизни. Ты сказалъ: ищи! Вотъ я и нашла, вотъ я пришла къ тебѣ. Позволь мнѣ побыть минутку! Только коснись—и рана скроется. Я отдаю тебѣ всю себя навсегда, готовая на всѣ страданья.

— Уйди, умоляю! Уйди, моя дѣвочка, пока не поздно! Уйдите всѣ!—кричу я призракамъ. Уйдите, у меня нѣтъ больше силъ! Они уходятъ неслышно.

И одинъ.

Призраки, призраки... Избранникъ я вашъ? Или вы ко всѣмъ приходите, ко всѣмъ согрѣшившимъ—за часъ до расплаты, не шадя, не звоня у двери?

Черные кипарисы уходили въ небо. Между ними бѣлѣли въ

сумеркахъ мраморы. То было кладбище. И ночью тамъ вставали прозрачныя тѣни, блѣдныя, высокія, неслышныя. Онѣ двигались къ намъ, простирая руки, слѣпыя и безпомощныя. Ихъ видѣлъ только я, и только я слышалъ ихъ голосъ, какъ шопотъ листьевъ:

— Мы ушли изъ жизни такъ рано, такъ рано! Мы такъ многого не узнали, не поняли; мы не видали лучшаго. И вотъ теперь, безсильныя, робкія, мы ищемъ обманувшаго, чтобы молить его вернуть намъ жизнь лишь на завтра.

— Зачѣмъ?

— Чтобы дожить недожитое. Насъ разбудили вопросомъ, но не отвѣтили.

— Отвѣта нѣтъ,—шепчу я тихо въ тошъ призракамъ.

— Ты знаешь?

— Да, я знаю. Отвѣта нѣтъ! Развѣ тамъ вамъ не открыли, что въ жизни все неразрѣшимо?

Они не умѣютъ плакать и уходятъ безъ слезъ.

Близъ кладбища на скалахъ мы сидѣли съ Машей, съ той дѣвочкой, что такъ хотѣла увидать море. Я говорилъ ей:

— Нѣтъ, Маша, я не учитель жизни, я въ ней такой же несмышленикъ, какъ и вы. И это потому, что я много жилъ. Развѣ вы, Маша, еще не знаете, еще не слышали, что въ жизни все неразрѣшимо?

Она, волнуясь, сбиваясь въ словахъ, быть можетъ краснѣя въ темнотѣ ночи, настаивала:

— Но все таки опытъ что нибудь даетъ же? Какъ неразрѣшимо? Этого не можетъ быть! Что неразрѣшимо для насъ—будетъ яснымъ для другихъ.

— Для кого?

— Ну, для потомковъ, что ли, я не знаю.

— Это не утѣшительно, Маша; вы меня не поняли. Я хочу сказать, что жизнь наша сплетается изъ многого, что примирить нельзя. Совсѣмъ одиноко жить невозможно, а жить съ другими, значитъ—сталкиваться съ ними ежеминутно и либо гибнуть самому, либо губить ихъ. Это, Маша, аксіома!

Маша думаетъ. Потомъ качаетъ головой отрицательно.

— Этого не можетъ быть! Точно нельзя примирять интересы.

— Нельзя. Можетъ быть, впрочемъ, въ мелочахъ и можно, но въ высшемъ нельзя. А высшее, это—жизнь чувствъ. И вотъ,

Маша, въ дружбѣ одинъ всегда будетъ предателемъ, другой—жертвой, а въ любви одинъ—палачъ, другой—казнимый. Или, Маша, взаимно палачи и казнимые, но это еще хуже.

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите? Вѣдь это же не должно быть правдой! Такъ жить нельзя!

— Почему нельзя? Напротивъ, Маша, тѣмъ самымъ жизнь глубже и интереснѣе. Тѣмъ самымъ она богаче. Но только не нужно утѣшать себя мыслью, что все разрѣшено.

Мы молчимъ. Маша не видитъ, что призраки на кладбищѣ стоятъ въ выжидающей тревогѣ и слушаютъ. И говорятъ:

— Развѣ и она будетъ обманута?

— Да, и она.

— Но вѣдь ее предупредили раньше, а намъ никто, никто не открылъ этой тайны.

— Ахъ! Она не повѣритъ! Она такъ молода, что не захочетъ повѣритъ. Онъ говоритъ ей уму, а ея сердце ищетъ сладкаго обмана.

— Значить она придетъ къ намъ такою же?

— Да.

Маша смотритъ вдаль, гдѣ огоньки рыбацкихъ лодокъ.

— Неужели уже завтра нужно ѣхать? Такъ не хочется! Такъ хорошо у моря...

На кладбищѣ шевелится тѣнь старой женщины. И я слышу:

— Неужели онъ сдѣлаетъ это?

— Да. Такъ нужно. Онъ самъ страдаетъ. Но онъ уже не можетъ жить безъ этого обмана. Онъ любитъ осенней любовью. Она обновитъ его силы, вернетъ его молодость на время. Наконецъ—онъ уже не властенъ.

И всѣ тѣни хоромъ говорятъ:

— Да, онъ уже не властенъ! Мы знаемъ. Онъ скажетъ: это неразрѣшено.

Откинувшись на плоскій камень, какъ на спинку кресла, Маша говоритъ:

— Вы и сегодня расскажете мнѣ сказку?

— Да, я расскажу вамъ про волну.

И я начинаю.

Вокругъ насъ столпились тѣни. Я начинаю—слушайте, Маша!

Волна.

Тѣ гребни прибрежныхъ волнъ, съ которыми я давно уже и часто велъ бесѣды, сказали мнѣ однажды:

— Ты опять просишь сказокъ, ненасытный человѣкъ! Развѣ мало ты ихъ слыхалъ отъ насъ? Сегодня намъ некогда. Сегодня уже послѣдній большой прибой. Лѣтомъ мы будемъ отдыхать, и нужно приготовиться. Сейчасъ у насъ кипитъ работа: мы прилѣпляемъ къ камнямъ ракушки. Черезъ два-три дня рыбаки придутъ собирать ихъ, будутъ босыми ногами бродить по краю скалъ и смотрѣть въ воду. Имъ будетъ много поживы, и ножи ихъ затупятся въ первый же день. Да, намъ некогда.

— А какъ же я? Вы оставите меня съ моей прозой жизни, съ моимъ нытьемъ, безъ красивыхъ фантазій, безъ вашихъ вѣчныхъ грезъ, одного? Мало же вы хотите давать изъ своего изобилія!

— Мало? Ты понялъ вѣчность? Ты понялъ стихію? Понятешь тебѣ языкъ волнъ? Чуешь ты безконечность красокъ морской дали? Это—мало?

— Да, мало! Отъ вѣчнаго и безграничнаго я не могу принимать обрывковъ. Иронія ваша мнѣ наскучила. Хочу знать вашу любовь.

Гребни разсыпались. Я показался имъ дерзкимъ. Потому они велѣли мнѣ итти по скаламъ до небольшого выступа. Тамъ есть подводный камень, и надъ нимъ вырастаетъ большая, прозрачная лазурная волна. Ее любилъ человѣкъ. Пусть она расскажетъ все, что можетъ понять человѣкъ. Пусть она расскажетъ.

Когда онъ пріѣзжалъ снять домикъ въ четыре комнаты на склонѣ горы надъ моремъ, то вечеромъ хозяйка домика болтала сосѣдямъ:

— Этотъ синьоръ не изъ тѣхъ, которые торгуются! Если онъ не спиааетъ себѣ огромной виллы въ Рапалло или Санта Маргарита, то лишь потому, что не хочетъ жить въ курортѣ. Онъ будетъ жить съ женой вдвоемъ,—зачѣмъ же имъ большое помѣщенье? Мой домикъ имъ приглянулся чистотой. Вѣдь вы знаете, какъ я люблю опрятность во всемъ. Мой покойный мужъ не терпѣлъ грязи!

Хозяйка была толстой грубой женщиной и вѣчно носила одинъ и тотъ же грязный передникъ. Ея прическа была сдѣлана по послѣдней деревенской модѣ, съ полсотней шпилекъ, но примята корзиной бѣлья, которую она таскала на головѣ. Вѣдь прическа дѣлалась крѣпко и прочно разъ на недѣлю впередъ.

— Онъ или маркизь или русскій князь. Говорить, что долго жилъ въ Римѣ, а на Ривьерѣ въ первый разъ.

— Красивый какой!—разсказывала подругамъ Анна.—Свѣтлый блондинъ, лицо нѣжное, какъ у св. Себастьяно, и мягкіе усы. Надъ Анной долго смѣялись. Развѣ ты гладила усы?

А на другой день онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ женой. Багажъ ихъ былъ невеликъ. Сосѣди зауримѣтили въ немъ два большихъ ящика съ красками, свертки холста.

Итакъ, онъ оказался художникомъ. Хозяйка его уже не считала маркизомъ, но увѣряла, что онъ извѣстный художникъ. Его картины продаются въ Римѣ за высокую цѣну. О немъ пишутъ въ газетахъ.

Впрочемъ, сосѣди занимались теперь не имъ, а его женой. Она была совѣтъ молоденькой. И, повидимому, они были недавно женаты. Теперь дѣвочки подсматривали за ними во время прогулокъ. Имъ удавалось видѣть много интереснаго, и все это дѣлалось потомъ предметомъ обсужденія.

Когда онъ садился гдѣ-нибудь писать, то вокругъ собирались мальчики и по цѣлымъ часамъ водили глазами съ палитры на полотно и съ полотна на палитру. Но когда къ художнику приходила жена, всегда въ легкомъ свѣтломъ платьѣ, то онъ почти не касался своихъ этюдовъ, и мальчики расходились.

Его звали Андреа, его жену—Нина, и это имя нравилось итальянцамъ, такъ какъ оно было имъ знакомымъ и значило „милая“. Они называли себя русскими. Когда они пріѣхали, Нина знала по итальянски только *buon giorno* и *tante grazie*. Потомъ немного научилась понимать ясную и нескорую рѣчь.

Шумѣло море. Когда накатывалась синяя гряда волны на берегъ, то надъ подводнымъ камнемъ она сталкивалась со стремительной пѣной отбоя. Изъ столкновенія двухъ водяныхъ массъ внезапно выростала высокая, прекрасная волна. Сквозь нее свѣтилъ лучъ солнца зеленоватымъ свѣтомъ, и она была похожа на чудесную женщину, страстную и холодную, выросшую изъ

морской пѣны, какъ родилась Венера. Это была самая красивая волна побережья. Ея разсказъ я и передаю.

Вотъ какъ она разсказывала.

Нина приѣхала сюда веселой и свѣтлой и оставалась такой, пока Андреа однажды не пришелъ сюда, на этотъ камень, гдѣ сейчасъ сидишь ты съ своимъ карандашемъ и съ твоей знакомой морю тетрадкой. Андреа писалъ не буквами, а красками, и мы старались прыгнуть выше, чтобы взглянуть на его работу. Онъ былъ большой художникъ, хотя хозяйка напрасно называла его знаменитымъ. Онъ былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ чистъ для этого.

Въ первый свой приходъ онъ смѣло набросалъ углемъ очертанія скаль, той кучки домиковъ, и провелъ линію горизонта. Потомъ онъ взялъ палитру и писалъ долго и съ увлеченіемъ. Въ тотъ день было тихо, и онъ не видалъ меня. Но когда онъ пришелъ вторично, было сильное волненье, больше сегодняшняго, и онъ увидалъ, что краски уже не тѣ, и что его картина спокойнаго моря слишкомъ простодушна. Короче говоря, — онъ увидалъ меня, бѣдный Андреа!

Былъ конецъ октября, и въ открытомъ морѣ бури были часты. Новый холстъ Андреа былъ посвященъ мнѣ. Онъ по цѣлымъ часамъ вглядывался въ меня, ловилъ мои тона и мою радугу, осязалъ мои бѣлоснѣжныя кружева, слушалъ мой голосъ и сидѣлъ, какъ зачарованный. Когда я выростала передъ нимъ надъ этимъ подводнымъ камнемъ, — онъ весь уходилъ въ зрѣнье и оглядывалъ меня съ ногъ до головы. Когда я падала со стономъ, онъ судорожно мѣшалъ краски на палитрѣ. И я слышала, какъ онъ повторялъ мой стонъ. Во всевозможныхъ позахъ и положеніяхъ писалъ онъ меня, — но мертвый холстъ не давалъ ему безконечной игры моихъ красокъ. Иногда онъ бросалъ свои кисти, клалъ на голый камень свою кудрявую голову и хмуро смотрѣлъ въ небо — но не долго.

Я звала, я манила его, я шептала еще незнакомыя ему слова, я плѣняла его, я играла имъ.

— Зачѣмъ?

— Онъ былъ дерзокъ! Онъ хотѣлъ быть богомъ, забывъ, что онъ только человекъ. Развѣ въ его ящикѣ были живыя краски? Развѣ мертвымъ пятномъ можно передать движеніе, въ

которомъ и есть вся красота? Развѣ можетъ человѣкъ взять меня и унести отсюда? Или создать меня изъ воды своими руками? Чего хотѣлъ онъ? Онъ хотѣлъ владѣть мною, между тѣмъ какъ я давно уже владѣла имъ.

Разъ или два приходила сюда Нина. Андреа вспыхивалъ и хмурился и старался отвлечь отъ меня ея вниманье.

— Это ничего, это такъ, пустяки! — говорилъ онъ, быстро переворачивая холстъ. — Не клеится сегодня моя работа.

И избѣгалъ ея взгляда, ея пытливаго, грустнаго взгляда.

Поняла-ли она — я не знаю. Но помню, какъ однажды Нина пришла сюда безъ него и долго смотрѣла на меня страстнымъ, ревнивымъ взглядомъ. А я нарочно вздымалась высоко-высоко, бросала надъ своимъ гребнемъ цѣлые каскады пѣны и брызгъ, и, падая, разбивалась въ облако пыли. Я смѣялась надъ Ниной, которая очень страдала. Но вѣдь смѣялась и надъ нимъ.

— Ты не любила его?

— Я не знаю человѣческой любви. Я знаю много сказокъ про нее, но мнѣ кажется это такимъ грубымъ. Вѣдь вы, люди, размножаетесь любовью, а мы рождаемся, на мигъ умираемъ, и живемъ вѣчно, вѣчно обновляясь. Миѣ ваша любовь непонятна и ненужна. Но есть въ васъ много страннаго! Вотъ вы чувствуете красоту, и художникъ не даромъ такъ любилъ меня. Но только зачѣмъ вы хотите закрѣпить ее на бумагѣ, запечатлѣть на полотнѣ? Вѣдь вся ея сила въ ея мимолетности и вѣчной измѣчивости, вѣчномъ обновленіи. Можно засушить цвѣтокъ, но весну остановить невозможно. Продли мгновенье и вели морю остановиться, — передъ тобой будетъ грубая, беззвучная стеклянная масса, которая тебѣ завтра же надоѣсть! И если бы ты могъ, или могъ Андреа, подойти ко мнѣ, оцупать меня руками, потрогать мой гребень — сго любовь исчезла бы тотчасъ, вслѣдъ за моею красотой. Но развѣ не этого именно хотѣлъ Андреа? А онъ былъ еще самымъ чуткимъ изъ людей, самымъ изящнымъ изъ художниковъ.

И опять, гордая и холодная, она вздымается и рушится. И движется къ берегу новый валъ съ бѣлоснѣжнымъ гребнемъ и отъ берега откатывается къ нему пѣна отбоя. Вѣчное, вѣчное, вѣчное движеніе.

У художника была размолка съ Ниной. Андреа избѣгалъ

ея взгляда. А взгляды ея былъ прозрачный, и глубокий, и грустный. Въ синевѣ ея глазъ, какъ въ спокойномъ морѣ, отражалась лазурь неба. Ясное небо затуманено облакомъ. Но грозы не будетъ. Растаетъ облако, и снова засіяетъ надъ моремъ чистая лазурь. Чистая-чистая и ясная-ясная.

Для этого неба были краски на палитрѣ Андреа. Не было ихъ только для прозрачной волны.

— Можетъ быть, я могла бы полюбить,—говорила волна.— Въ вашей любви есть красота и грусть. Но радости мало. А я хочу радости, хоть и холодна для нея. Но я хочу ея!—говорить она, выгибая зеленоватый станъ и вздымая пѣну.

И снова рушится, и снова рождается, и падаетъ бѣлой массой.

Андреа скучаль, когда море было спокойно. Это были дни разлуки съ волной.

— Онъ смотрѣлъ въ воду, искалъ меня, желалъ меня, просилъ вѣтра и бури. Въ его холстѣ не было жизни, и мой портретъ былъ только лубочной картинкой, жалкой мазней.

Вотъ ея карточка... Знакомыя черты, любимая улыбка,—а ея нѣтъ, нѣтъ, и не замѣнить ея кусокъ бумаги, плоскій и гладкій. Прижми его къ губамъ и смотри, какъ запотѣетъ онъ отъ такого движенія. И пусть отрезвить тебя холодный поцѣлуй клочка бумаги. Брось его и пойди, ищи ее по свѣту, если она еще не въ могилѣ. Тогда умри и ты.

Сквозь воду желтѣетъ камень, покрытый мохомъ. Въ глубинахъ играютъ бѣлыя пятна морского дна. Смотри внимательно — не увидишь ли рыбокъ. Можетъ быть, онѣ расскажутъ тебѣ, куда ушла волна, которая была вчера, но не родилась сегодня. Или, если ты терпѣливъ, жди вѣтра и новаго прибоя.

Нина уѣхала рано утромъ. Эту ночь они оба не спали, но она не плакала и онъ молчалъ. Передъ этимъ она была такъ весела и дѣловита, не искала его и, какъ будто, жила своей жизнью. Она починила его бѣлье, потомъ долго разбирала письма и читала тѣ, которыя были отъ матери. Потомъ она привела въ порядокъ всѣ комнаты, поставила новые цвѣты — зимнія розы. Потомъ она смотрѣла, какъ все чисто, какъ все опрятно. Потомъ въ своей комнатѣ стояла передъ окномъ на море и плакала съ открытыми глазами, и не хотѣла вытирать слезъ,—вѣдь онъ все равно былъ на своемъ берегу у волны. Все равно онъ тамъ!

Потомъ она уложила свои вещи въ чемоданъ. Взяла только одну картину, которую онъ писалъ для нея. Вѣдь это же ея вещь, она не беретъ чужого!

Потомъ она спрятала чемоданчикъ подъ кровать. Вдругъ онъ пришелъ бы и сказалъ:

— Останься! Какъ же я?

А онъ пришелъ только поздно вечеромъ и не сказалъ ни слова.

Совеѣмъ не проститься она не могла. Нужно было разстаться просто, свободными людьми, друзьями.

Друзьями!

И она просто, по дружески, поцѣловала его въ лобъ и сказала:

— Прощай, Андрей, я утромъ уѣду!

Оба были измучены, и она—чистая, и онъ—жалкій, постарѣвшій.

Сказала хозяйкѣ, что скоро вернется и обняла ее на прощанье. Мальчикъ взялъ вещи, а Андреа проводилъ ее.

Онъ могъ бы еще сказать:

— Какъ же я? Одинъ?

Это было бы некрасиво. Снова раскладывать чемоданъ; а потомъ опять...

Въ вагонѣ она прижалась въ уголь. Итальянцы смотрѣли на нее. Женщины криво улыбались на ея русскую прическу, но все видѣли, что она хороша. Ее считали девочкой. Поездъ нырялъ изъ туннеля въ туннель. Море то появлялось, то исчезало. Было душно и дымно. И тяжело-тяжело было ей, такой маленькой, съ такимъ большимъ горемъ.

Еще разбитое счастье... А развѣ она имѣла право на счастье, эта маленькая Нина? И что такое счастье? Почему я, волна, не знаю его? Я, прекрасная прибрежная волна, дочь прибоа, внучка сичяго моря?

Еще разбитая жизнь, о которой не жалѣють.

Холстъ и кисти Андреа бросилъ въ море. Онъ бросилъ въ море дорожную палитру и долго смотрѣлъ, какъ она носилась въ прибоѣ среди пѣны.

И еще и еще были сказки, пока на востоке не стало совсем светло.

Сказки про море... О томъ, что говорило мнѣ море..

-- Вамъ не холодно, Маша?

Не отвѣчая, она говоритъ:

— Что бы вы ни рассказывали, у васъ все выходитъ такъ изящно. И какой вы... молодой!

— Могъ бы быть отцомъ вамъ, Маша! И хотѣлъ бы быть вашимъ отцомъ.

— А я не хотѣла бы... Такъ лучше!

Она тихо гладитъ мою руку. Мнѣ грустно, и я бѣшено ненавижу тѣ призраки на кладбищѣ, что теперь попрятались среди памятниковъ и кинарисовъ. Но я знаю, что они слѣдятъ за мной всегда и всюду.

— Такъ вамъ не холодно, Маша... родная дѣвочка?

Она еще не поняла... Не отрываетъ руки, къ которой я прижался лбомъ, другой рукой гладитъ мнѣ волосы. Въ этотъ моментъ она старше меня. Говоритъ голосомъ моей матери:

— Вамъ вѣрно трудно жить. И вотъ не знаю, а чувствую. Я бы такъ хотѣла сдѣлать вамъ что-нибудь хорошее!

— Вы уже сдѣлали. Видите—мнѣ хорошо.

— Хорошо ли? И не знаю, я васъ не понимаю.

И вдругъ наклоняется ко мнѣ, серьезно и дѣловито беретъ мою голову и цѣлуетъ въ лобъ.

— Вотъ!

И сейчасъ же покраснѣла, закрыла лицо руками.

Я размѣялся.

— Ахъ вы, милый ребенокъ! Ну, спасибо; ну, пойдете домой. Нужно вамъ хоть немного поспать передъ дорогой.

Она встала, едва держась на ногахъ отъ слабости. Стала лицомъ къ морю.

— Я не хочу спать. Потомъ высплусь. Тамъ, дома, у мамы.

Смотритъ въ даль новыми глазами. Въ нихъ еще больше вопроса, но уже есть новое, чего не было раньше: есть безпкойная мысль о томъ, что не все разрѣшимо, что не всякой загадкѣ есть отвѣтъ.

— Со мной что-то сдѣлалось,—говоритъ Маша.—И правда, точно это сказка, а не жизнь. Этого не было никогда, и, мо-

жетъ быть, не будетъ. Море, какое оно... Море, милое море! Море!

Ея глаза полны слезъ.

— О чемъ вы, Маша?

Плачешь у меня на груди.

— Не знаю. И хорошо мнѣ и страшно какъ-то... Вѣдь вы... не дадите меня въ обиду?

Опять зашевелились призываки:

— Онъ не обидитъ ея?—шепчутся они.—Ея жизнь лишь сейчасъ началась. Но онъ не долженъ ея обидѣть! Онъ жаждетъ...

— Полноте, Маша, вамъ нечего бояться! Все это отъ усталости и отъ избытка красоты. Смотрите, какъ ярко зажегся бѣлымъ маленькій парусъ! Смотрите, какое теплое море! Оно еще ночное, еще не проснулось, но по нему уже скользить утро.

Она быстро повертывается къ морю, не отрываясь отъ меня. Смотритъ долго... Потомъ поднимаетъ голову и смотритъ прямо мнѣ въ глаза.

Это уже не та Маша, которую я кормилъ въ вагонѣ страсбургскимъ пирожкомъ. Передо мной маленькая женщина, лишь за минуту бывшая ребенкомъ и теперь проснувшаяся для жизни.

И нѣжно и ласково отстраняясь отъ меня новымъ и такимъ изящнымъ движеніемъ, она говоритъ смущенно:

— Ну, теперь пойдете домой. Можетъ быть, и правда я немного посилю до поѣзда..

Когда я думаю о жизни, то представляю ее себѣ уже не юной дѣвушкой, какъ было прежде, а сѣдой старушкой, прекрасной и насмѣшливой. Ея образъ старѣлъ вмѣстѣ съ моимъ тѣломъ и моимъ духомъ. Но тѣло старѣетъ быстрѣе духа.

Старушка входитъ ко мнѣ безъ стука. Говорить съ нею такъ хорошо. Она успокаиваетъ мою мысль.

Спрашиваю старушку жизнь:

— Почему я, какъ и всѣ, занутался въ философіи неразрѣшимаго? Мнѣ досадно, что именно и я—какъ всѣ! А вѣдь казалось бы, что именно пріятіе неразрѣшимости и должно успокоить. Значить—и думать нечего! И не за чѣмъ строить удобныя хижины для мысли и воздушныя замки для чувствъ. Правда? А вотъ не-

спокоенъ, волнуясь, трачу время въ безплодныхъ попыткахъ его навестать. Усталъ...

— Да, это усталость, говорить она, смѣясь. Просто—физическая усталость. Отдохни.

— Умереть?

— Ну вотъ, зачѣмъ умирать! Развѣ я не хороша?

Опять смѣется старая жепщина.

Она чудно красива. Я ей спѣшу сказать это. Она сама это знаетъ; но, какъ всякой женщины, эти слова ей милы и пріятны.

И вотъ тогда она впервые подала мнѣ мысль искать бѣлую комнату.

Она сказала:

— Это не символъ: не старайся разгадать и понять тамъ, гдѣ нечего разгадывать. Просто—найди бѣлую комнату, а въ ней найдешь и покой. Но знаешь: въ нее, какъ въ постель, явись умытымъ и чистымъ. Все черное сбрось прежде, отрѣжь все прошлое. Явись въ нее не для думъ и мученій безсонницы, а только для сна и отдыха. Не отдыхаютъ тѣ, что читаютъ и курятъ въ постели. Снѣгъ простынь покрывается пепломъ, подушки и волосы пахнутъ дымомъ, коптитъ лампа на столикѣ у кровати. Ты не слѣдуй примѣру этихъ, экономившихъ время и его теряющихъ. Недоспанное въ постели они досыпаютъ на ходу, когда смѣются, ѣдятъ, любятъ и творять.

— Да, я знаю...

Старушка смѣется: „Еще бы ты не зналъ! Неисправимый курильщикъ, еще въ дѣтствѣ испортившій зрѣнье чтеніемъ лежа“.

На минуточку наша бесѣда тухнетъ. Такъ бываетъ передъ самымъ главнымъ, къ чему нужно перейти, ради чего и состоялось наше свиданье.

Она выпрямилась, сѣдая и прекрасная:

— Любовью я освѣщаю вашъ путь! Любовью многоликой, непонятной, доступной лишь избраннымъ; но жаждутъ ея всѣ. Она, пробуждаясь въ ребенкѣ, не умираетъ и въ старикѣ. Отъ нея нельзя уйти, и безумецъ тотъ, кто хочетъ избѣжать лучшаго, что есть на пути отъ колыбели къ могилѣ! Она—высшая красота, она—высшее счастье! Ея не мѣряютъ, ею не равняются, съ ней нельзя бороться; кто борется, тотъ побѣжденъ и погибнетъ! И если ты, самъ того не зная, пробудишь чувство въ сердцѣ ре-

бенка,—знай, что это—лучшее, что ты могъ ему дать, лучшее, чѣмъ ты могъ съ нимъ подѣлиться.

— Это твой отвѣтъ?

— Да. Не старайся вновь сложить лепестки распустившагося цвѣтка и спрятать ихъ въ бутонъ, который былъ вчера, но былъ лишь до сегодняшней зари. Ты сомнеешь лепестки, ты можешь сломать стебель. Пусть утро, пусть море, пусть разлитая въ мнѣ красота будутъ вишневиками,—если тебѣ такъ необходимо оправданье. То, что случилось, то должно быть. Оно непонятно,—но все непонятно для васъ, живущихъ чувствомъ. Оно неразрѣшимо,—по ты ли хочешь разрѣшить то, что и мнѣ не подь силу?

— Это твой отвѣтъ?

— Да, отвѣтъ, если отвѣтъ возможенъ, и если нуженъ.

Снова съла съдая красавица; теперь смѣется.

— Знаешь, бросимъ торжественный тонъ. Ты ждалъ отъ меня рѣчи—вотъ она. Но лучше поговоримъ просто, по душѣ. Ты полюбилъ Машу?

— Ты знаешь лучше. Я самъ еще не знаю ясно...

— Твое сердце поетъ?

— О, оно полно пѣсни! Но—ты это знаешь—оно перестанетъ пѣть скоро, очень скоро. Едва пройдетъ праздникъ и останется день будній..

— Ты боишься слезъ?

— Я ихъ ненавижу. И еще ненавижу призраки! Все они такъ похожи другъ на друга, такъ печальны, такъ преслѣдуютъ меня тревожными взглядами. Иногда мнѣ кажется, что я преступникъ. Но я не преступникъ. О, жизнь! Скажи мнѣ, что я не преступникъ!

У нея совсѣмъ молодой, серебряный смѣхъ, какъ серебряны ея локоны.

— Ты хочешь знать? Ты—жертва, а не преступникъ! Жертва любви своей!

Жертва любви, жертва любви своей! Поетъ ли сердце? Да, оно поетъ, оно поетъ серебрянымъ звономъ! О, жизнь, какъ я молодъ! Какъ молодъ я, старый годами!

И я смѣюсь, откинувъ голову на спинку кресла.

Стучу въ комнату Маши.

— Маша, пора вставать! Черезъ часъ мы ѣдемъ.

— Я готова, я не спала. Отворить вамъ?

— Да, конечно.

Я къ ней врываюсь, веселый, какъ юноша.

— Маша, съ добрымъ утромъ, мой маленькій другъ!

Немнoжко испуганно, но смѣясь:

— Что съ вами случилось?

— Маша, я пьянъ утромъ и солнцемъ! Смотрите, какъ я молодъ сегодня! Я говорилъ со старушкой жизнью. Я думалъ, что я преступникъ; она сказала мнѣ, что я—жертва любви своей. Дайте же мнѣ ваши руки, да не бойтесь меня! Сегодня я ни кому не сдѣлаю зла, сегодня мое сердце поетъ. Маша! Оно поетъ серебрянымъ голосомъ!

И еще говорю ей:

— Отчего не спала? Думала? Гадала? О, маленькая птичка! Какъ мнѣ прекрасно, какъ мнѣ чудесно! Ну, ничего, не нужно гнѣваться...

— Вы меня напугали своей телеграммой,—говоритъ мать Машы.—Что это вамъ вздумалось остаться лишниихъ два дня? Положимъ, я такъ и предчувствовала. Это все ты, стрекоза!

— Но правдѣ сказать, это я виноватъ; я уговорилъ Машу не очень торопиться подъ материнское крылышко. Вы вѣдь не сердитесь?

— Что же мнѣ сердиться? Я боялась только, что она васъ замучитъ, эта дѣвочка.

— Немнoжко замучила,—смѣюсь я, глядя на Машу;—по за дорогу я успѣлъ отдохнуть, такъ какъ она мирно дремала въ уголѣ.

— А сейчасъ пойду и лягу совѣмъ,—говоритъ Маша усталымъ голосомъ.

Мы остаемся вдвоемъ на террасѣ отеля и смотримъ на сумеречное озеро.

— Хорошо вы провели время?

— Мнѣ кажется больше, чѣмъ хорошо. Я люблю море, какъ дельфинъ. Машѣ оно доставило большое наслажденіе, какъ мнѣ кажется.

— Ну, спасибо вамъ. Правится вамъ моя дѣвочка?

Зачѣмъ я буду лгать? И отвѣчаю тѣмъ же тономъ, глядя на озеро:

— Больше, чѣмъ нравится. Гораздо больше! Я ее любилъ.

— Ее нельзя полюбить, — спокойно говоритъ Манина мать. — У нея хорошее сердце; но она еще совершенное дитя. Иногда я очень боюсь за нее.

— Да, я ее любилъ! — рѣзко повторяю я, закрывъ глаза. И чувствую на себѣ удивленный и испуганный взглядъ.

— Я слышала, что вы женились за границей? — спрашиваетъ она, помолчавъ.

Какой ясный, послѣдовательный переходъ материнской мысли!

— Да, женился, уже лѣтъ пять.

— А гдѣ ваша жена?

— Она живетъ въ Россіи съ дочерью.

— Да? У васъ есть дочь?

— Есть. Я не видалъ ея; но, говорить, — славный ребенокъ. Она не спрашиваетъ больше.

— Что вы думаете дѣлать, Андрей Дмитричъ?

Что я думаю дѣлать? Вотъ о чемъ я сейчасъ менѣ всего думаю!

— Я уѣзжаю завтра обратно къ морю. Потому поѣду еще куда нибудь.

— А въ Россію?

— Въ Россію? — спрашиваю я съ искреннимъ удивленіемъ. — Нѣтъ, въ Россію я не поѣду. Что мнѣ дѣлать въ Россіи?

Опять долгое молчанье. Смотримъ на уснувшее озеро и первыя звѣзды.

Если черезъ альфу и аэту — всѣ это знаютъ, — если отъ этихъ звѣздъ Большой Медвѣдицы проложить прямую, то она пройдетъ черезъ полярную звѣзду. Тамъ сѣверъ. Гдѣ сѣверъ — тамъ моя родина. И тамъ кто-нибудь ищетъ ту же полярную звѣзду, но взглядомъ недружелюбнымъ, и, повернувшись къ ней спиной, пытливо смотритъ вдаль. Онъ думаетъ:

— Тамъ — югъ... Тамъ всегда тепло, цвѣтутъ лимоны, шумитъ море, живетъ свободный народъ. Счастливы тѣ, кто теперь тамъ, въ странѣ лазурныхъ грезъ и мраморныхъ чудесъ...

Мы стоимъ другъ противъ друга, отдѣленные тысячами

вереть; мы тянемся другъ къ другу, я—на сѣверъ, онъ—на югъ. Дайте намъ крылья; мы полетимъ и встрѣтимся въ полетѣ.

— Вы въ Россію?—воскликнетъ онъ удивленно.—Развѣ вы не знаете, что въ ней все уснуло, и на всѣхъ сердцахъ лежить камень, холодный камень?

— Вы откуда?—перебѣю его я.—Какъ вы могли? На что вы надѣетесь? Чужая красота не баюкаетъ сердца, не грѣетъ его чужое солнце! Вернитесь скорѣе!

И разстанемся, каждый сожалея о другомъ. Оба летимъ не *туда*, а *оттуда*, оба несемъ съ собой повсюду то безпокойное, что заставляетъ насъ, плохихъ астрономовъ, искать полигунную звѣзду на безстрастномъ куполѣ.

Да, но не сейчасъ. Сейчасъ мнѣ нужно тепла и моря.

— Нѣтъ, въ Россію я не поѣду,—вновь повторю я, вставая.

— Вы завтра рано уѣдете?

— Нѣтъ, ночью. Я обѣщаль Машѣ пойти съ ней въ замокъ. Тамъ въ саду чудесные фонтаны.

На лицѣ у любящей матери я вижу безпокойство, которому я виною. Мнѣ жаль ея. Я дружески жму ея руку и смѣюсь.

— Ну, покойной ночи. Дѣвочка спитъ, пора и намъ, почтеннымъ людямъ, на покой.

— Какой вы еще молодой, какъ я погляжу!—говорить она, пытливо смотря мнѣ въ лицо.

— Спасибо. Только нѣтъ, не молодъ я, ни годами, ни душой! И знаю хорошо, на что я годець и что я смѣю.

Мнѣ кажется, она успокоилась.

Рано утромъ мы съ Машей идемъ въ садъ замка. Замокъ стоитъ довольно высоко на горѣ, но дорога къ нему проста и удобна для подъема. Я бывалъ здѣсь много разъ. У воротъ неизмѣнно стоитъ старикъ Иванозъ, гарибальдіецъ, добродушный безхитростный. Онъ привѣтствуетъ меня словами *ben tornato*, низко кланяясь Машѣ.

— Дочка?—киваетъ онъ на дѣвушку.

Мнѣ дѣлается почему-то весело, хотя было бы правильнѣе запечалиться.

— Нѣтъ, не вѣста!—отвѣчаю я ему.

— А,—немножко удивленъ старикъ. — Ну что жъ, и это хорошо. Еще лучше даже. Сarina!

Въ замковомъ саду, кромѣ насъ, нѣтъ никого въ это рабочее утреннее время. Мы садимся на небольшой площадкѣ, ограждающей насъ отъ крутого ската внизъ. Смотримъ на городъ внизу, на даль озера и цѣнь горныхъ вершинъ.

Я зналъ Машу совсѣмъ крошечной дѣвочкой, затѣмъ не видалъ ни ея, ни ея матери много лѣтъ. Теперь мы знакомы лишь недѣлю. Но за тѣ пять дней, что мы провели вдвоемъ у моря, особенно за два послѣднихъ, перазчитанныхъ заранѣе дня, мы сблизились, насколько могутъ сблизиться двое людей съ такой разницей въ возрастѣ, забывшіе объ этой разницѣ.

— Мама, расскажите мнѣ что-нибудь.

— Да я ужъ все вамъ рассказала.

— Еще расскажите. Изъ своего дѣтства, Мама.

— Ну... ну вотъ была я дѣвочкой... Знаете, я иногда ужасно радовалась жизни! Такъ мнѣ какъ-то отрадно было, что вотъ я живу... Но многого не понимала. Ну, что жъ вамъ рассказать... Хотите расскажу, какъ я ходила на исповѣдь?

Я молча киваю и заранѣе улыбаюсь. Рассказы Маши всегда чудесны. Я смотрю на ея закинутую головку. У Маши прелестна черта верхней губы; дѣтски нѣжный скатъ и легкіе усики, отчетливо видны на солнечномъ свѣтѣ. Солнце освѣщаетъ ей волосы, образуя вѣщичку надъ силуэтомъ лица. Мама святая, я знаю это! Мама дорога мнѣ, но слишкомъ чиста для меня.

Она рассказываетъ.

Однажды мама велѣла мнѣ итти исповѣдоваться, и говорить:

— Мама, ты покайся во всемъ, ничего не скрывай.

Я говорю:

— Я не знаю въ чемъ.

— Онъ самъ тебя спроситъ, а если не спроситъ — ты Расскажи сама.

— Да я не знаю, мама, про что!

Мама смѣется:— ну, все равно, иди!

Я ужасно трусила, когда шла! Главное боялась, что ничего не знаю и что нечего рассказывать. Думала, что это очень дурно.

Мнѣ батюшка говорить:

— Въ чемъ же ты грѣшна?

Я говорю:

— Я не знаю.

— Ну, что-нибудь дурное сдѣлала?

— Нѣтъ!

— Какъ же такъ, ничего дурного? Что-нибудь ужъ да сдѣлала, скрывать не надо.

— Я не скрываю!

Мнѣ ужасно было обидно, что онъ мнѣ не вѣритъ. Ужъ думала-думала, что бы такое дурное я сдѣлала? Ну, прямо ничего не помню.

— Можетъ быть, маму огорчала чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ, не огорчала.

— А папу?

— Папу тоже не огорчала?

— Сестеръ не обижала?

— А у меня нѣтъ сестеръ.

— Можетъ быть, думала что-нибудь нехорошее про другихъ?

— Нѣтъ, не думала.

— Гм... Ну, слова дурныя говорила?

— Нѣтъ.

— Этакая же ты, дѣвочка. А учишься хорошо?

— Хорошо.

— Изнишься все же? Лѣшь ходить въ гимназію? Поди, поспать хочется больше, да поиграть?

— Нѣтъ, я люблю ходить въ гимназію!

— Ну, а насчетъ уроковъ?

— А мнѣ не трудно, я скоро учу.

— Вотъ ты какая... Тебѣ сколько лѣтъ?

— Одиннадцать.

— Ничего дурного не думаешь? Ну, тамъ, чего-нибудь?

— Нѣтъ.

Я ему отвѣчаю, и ужъ такъ мнѣ грустно, что печего мнѣ сказать.

— Гордишься, можетъ быть?

— Нѣтъ, не горжусь.

Еще что-то спрашиваетъ:

— Богу утромъ-вечеромъ молишься?

— Молюсь.

Ну, онъ меня отпустилъ. Я, помню, иду по улицѣ и чуть не плачу. Точно на экзаменѣ провалилась! Ужъ такъ мнѣ стыдно было, что я никакого грѣха не могла вспомнить. Вы что надо ной смѣтаетесь?

— Маша, голубка, я не смѣюсь, — смѣюсь я, — я только думаю... думаю, какъ вотъ сейчасъ—найдете вы за собой какіе-нибудь грѣхи?

— Конечно, я очень дурная!

— А, напримѣръ, что вы дурного въ жизни сдѣлали?

— Ну, мало ли сколько!

— Ну скажите что-нибудь!

— Какъ же я вамъ скажу, мало ли тамъ! Я всего не вспомню.

— Что нибудь вспомните.

— Такъ я не знаю, что сказать. Вотъ разнымъ людямъ больно дѣлала.

— Ахъ, Маша, какъ вамъ не стыдно! Какъ же вы это имъ боль причинили.

— Да я никогда не хотѣла этого! Ну, чѣмъ же я виновата, право? Я и не знала обыкновенно...

— Маша,—говорю я серьезно. — Слушайте, я васъ очень прошу вспомнить что-нибудь очень дурное про себя, какой-нибудь гадкій поступокъ противъ совѣсти. Ну, постарайтесь вспомнить!

— Зачѣмъ вамъ это?

— Я иначе не могу. Я самъ гадкій и хочу чѣмъ-нибудь съ вами сравняться.

— Вы вовсе не гадкій!

— Оставьте, Маша, оправдывать меня. Лучше вспомните что-нибудь или хоть выдумайте; мнѣ необходимо это.

Маша чувствуетъ въ моемъ голосѣ необычайную серьезность. Она начинаетъ думать. Я вижу, какъ въ ея головѣ, окруженной золотымъ вѣнчикомъ волосъ, суетливо бѣгаетъ мысль, ница дурныхъ поступковъ въ жизни.

Готово! Она нашла! Немножко краснѣя, говорятъ:

— Когда я была въ первомъ классѣ, одна ученица...

— Маша!

— Что?

— Перестаньте говорить о первомъ классѣ...

— Такъ вы же сами просите! Это одинъ очень дурной поступокъ; правда, я не сдѣлала, а только хотѣла. Но все же...

— Маша, Маша, Маша, довольно...

Я сижу съ откинутой головой. Вѣдная дѣвочка испуганно стоитъ передо мной; она вся дрожитъ отъ моего стога. Могу ли я не стонать? Могу ли не стонать!

.
— Что съ вами?—безпокойно спрашиваетъ Маша.—Пу, что съ вами?

— Ничего, Маша, особеннаго. Просто нервничаю я. Хотите пройтись? Пройдемся немного.

— Вы меня испугали. Что было съ вами? Скажите мнѣ. Ну, скажите мнѣ!

— Маша,—говорю я,—я вспомнилъ море. Знаете, это озеро, окруженное горами, оно меня давитъ. Я вернусь къ морю, туда, гдѣ мы провели эти дни.

— Вы уѣдете скоро?

— Сегодня.

— И мы больше не увидимся? Долго? Я не могу долго! Я скажу мамѣ, что не могу не видѣть васъ.

— Какое вы дитя, Маша, какое вы милое дитя! Сколько лѣжности у меня къ вамъ, сколько любви къ вамъ, Маша!

— Теперь прошло? Вамъ не будетъ больше больно?

— Да, прошло. Теперь и это озеро мнѣ кажется милымъ.

— Ахъ, какое же вы дитя, сколько съ вами возни!—говоритъ Маша, зажимая ручкой мой искренній, громкій смѣхъ.—А еще называете себя старикомъ! Ну, пойдете же скорѣе вниз!

И мы бѣжимъ, оба молодые. Въ воротахъ старикъ киваетъ намъ съ особой лаской. Я даю ему лиру и говорю:

— А вѣдь я пошутилъ. Это, дѣйствительно, моя дочка. Правится?

— *Bella ragazzina!*—шамкаетъ онъ.—И похожа на синьора! Совсѣмъ тѣ же глаза!

— Можно войти?

— Да, Маша.

— Мама легла, а мнѣ позволила посидѣть съ вами... Посидѣть до вашего отъѣзда.

Она вошла, какъ входятъ дѣвочки къ старшимъ. Вошла и сѣла въ кресло, не откидываясь на спинку, держа руки на колѣняхъ. Сейчасъ я улыбнусь ей, и она кинется ко мнѣ радостная.

— Вы сидѣли такой серьезный, точно сердитый. Вы не сердитесь на меня?

Я искренне смѣюсь.

— За что, Маша? Вы сдѣлали что-нибудь дурное?

— Нѣтъ...

— Можетъ быть, огорчили маму?

— Нѣтъ, съ чего вы взяли?

— А учитесь прилежно?

— Ну, вы опять смѣетесь надо мной. Вы не смѣете надо мной смѣяться, я не дѣвочка!

— Простите, мой миленькій другъ, я смѣюсь любя!

— Вы, правда, любите меня?

— Доказать?

— Да!

Она подставляетъ мнѣ щеку для доказательства. Милая, нѣжная Маша! Свою осеннюю любовь я докажу и искуплю другимъ...

Какъ быстры у нея переходы отъ смѣха къ грусти.

— Вы ни за что не останетесь?—спрашиваетъ она робко.

— Нѣтъ, Маша, не останусь, не могу остаться.

— И уже не прійдете сюда? Вѣдь мы проживемъ здѣсь еще двѣ недѣли.

— Не знаю, Маша... Нѣтъ, не прійду.

Она садится рядомъ на стуль и глубоко задумывается. Потомъ смотритъ на меня пристально.

— Маша, скажите мнѣ, что вы сейчасъ думали?

— Я скажу. Я думала о томъ, почему все такъ выходитъ? Почему вы уѣзжаете? Вѣдь я понимаю, что у васъ нѣтъ сейчасъ никакого дѣла, которое бы требовало вашего отъѣзда; да и сами вы говорили это мамѣ. Значить, или вамъ надоѣло быть со мной, или вы чего то боитесь. Вамъ надоѣло?

Но взглянула на меня и бросилась обнимать съ дѣтской нѣжностью.

— Итъ, простите меня, я только такъ сказала! Я вѣдь вѣрю, что вы любите; я не знаю жизни, но знаю, что вы никогда бы не обманули меня. Почему же мнѣ такъ трудно понять васъ? Помогите мнѣ.

— Вы угадали, Маша. Я боюсь.

— Чего вы боитесь?

— Я боюсь, Маша, что если не уйду сейчасъ,—позже будетъ еще тяжелѣе.

— А нужно уѣхать? Вы не хотѣли бы остаться со мной?

— Маша, что значить—остаться съ вами?

— Ну, взять меня съ собой?

— Взять васъ... куда?

— Всюду, куда вы пойдете. Хоть на край свѣта!

— Вы со мной? Вы понимаете ли, Маша, что вы говорите? Вѣдь вы же дѣвочка, а я почти старикъ...

— Слушайте!—вдругъ говорить Маша такимъ взрослымъ тономъ, что поражаетъ меня.—Вы вотъ все называете меня дѣвочкой. Это не правда! Конечно, я мало пережгла, я еще молода. Но я понимаю, что я говорю. Я понимаю, что вы много старше меня, но знаю, что вы тоже молодой, и душой молодой, и лицомъ совѣмъ молодой. Если вы называете себя старикомъ, то это только потому, что любите, когда вамъ возражаютъ; и это очень не хорошо, я этого въ васъ не люблю, потому что это—кокетство! Видите, какая я строгая. А потомъ... ну, вотъ и забыла, что хотѣла сказать... А что-то очень важное...

— Вы звали меня на край свѣта, Маша.

— Итъ, не смѣйтесь! Я вамъ сказала и повторю: если вы хотите, я пойду съ вами всюду, куда пойдете вы, всюду. Я васъ люблю, я знаю; я не могу быть безъ васъ! Ну, вотъ видите, я сказала...

Еще глубже вырыта пропасть... Я долго утѣшаю ея слезы, какъ утѣшаютъ дѣтское горе.

— Маша, о чемъ же плакать, мой другъ?

— Какъ вы не понимаете,—говорить она сквозь слезы,—что это обидно! Ну, хорошо, я влюбленная дѣвочка, а вы—старикъ. Но тогда зачѣмъ же вы говорили мнѣ, что любите

меня? Дѣвочкамъ этого не говорятъ! И ихъ не цѣлуютъ такъ, какъ вы меня цѣловали. Развѣ вы не понимаете, что такъ дѣлать нельзя...

Въ этотъ моментъ чувства мои замираютъ. Изъ темнаго угла выходитъ мой двойникъ, озлобшій, больной, съжившійся. Въ его рукахъ часы; не глядя на меня, онъ шепчетъ издали:

— Кажется, пора? Намъ предстоитъ длинный переѣздъ, и тебѣ лучше поторопиться. Можно выйти отсюда какъ-нибудь незамѣтно, прижавшись къ стѣнкѣ.

Я смотрю на него со злобой, и мнѣ хочется крикнуть ему:

— Чему ты радуешься? Вѣдь ея слова относятся и къ тебѣ. Ты—несчастный, гадкій циникъ! Я лучше тебя.

Онъ продолжаетъ тѣмъ же шопотомъ:

— Можно посчитаться дорогой, сейчасъ некогда.

— Я останусь!—шепчу я со злостью.—Останусь!—хочу крикнуть со слезами.

Но онъ въ отвѣтъ смѣется беззвучно:

— Смотри, просрочилъ билетъ! Вѣдь все равно уѣдешь завтра. И по дорогѣ будешь обзывать голову мокрымъ полотенцемъ...

Маша поднимаетъ ясные глаза; отъ прошлыхъ слезъ они еще ярче свѣтятъ.

— Вы сердитесь?—говоритъ она.

Я не сразу возвращаюсь къ жизни, и она говоритъ опять:

— Вы сердитесь? Я обидѣла васъ? Ну, вотъ, я...

Она становится на колѣни и припадаетъ головой къ моей опущенной рукѣ.

— Не надо, Маша, голубушка, не дѣлайте этого!

— Я не встану, пока вы не простите!

— Не надо, Маша, пожалуйста! Ну, встань же, голубка, не мучь меня!

Она встаетъ, обвиваетъ руками мою шею, не види и не зная моего ужаса и горя. И такъ хороша она, такъ дорога мнѣ... Вѣдь она — источникъ воды живой, она — обновленье!.. Гдѣ мнѣ взять силы оттолкнуть ея нѣжность...

— Вѣдь вы сказали мнѣ, что любите,—шепчетъ Маша.

Мой двойникъ уходитъ завистливый и смущенный, а я говорю Машѣ, со веѣмъ жаромъ, со всей искренностью:

— Люблю, люблю, Маша, люблю тебя всёю сердцем!

— А если такъ, — говоритъ она, — такъ мы должны быть вмѣстѣ. Я не понимаю, какъ можетъ быть иначе? И почему?

— Не можешь же ты хотѣть быть моей женой, Маша?

— Почему не могу? — спрашиваетъ она съ ясными, удивленными глазами. — Да, я хочу быть вашей женой... если бы только вы хотѣли этого.

— Ты знаешь, Маша, что я женатъ, что у меня есть дочь...

— Знаю, но вы не живете съ ними? Ваша жена уже вышла замужъ за другого? Вѣдь правда?

— Правда, Маша, но я не въ разводѣ.

— Какой вы страшный... Вы опять говорите со мной, какъ съ дѣвочкой. Я же сказала вамъ, что пойду съ вами всюду! Зачѣмъ же говорить мнѣ про какой-то разводъ?

— Тебѣ девятнадцать лѣтъ...

— Да, девятнадцать; развѣ то, что я говорю, не хорошо говорить въ эти годы?

— Маша, я совсѣмъ не про то...

— Такъ про что же?

— Про то, что ты такъ молода...

— Это дурно?

— Вотъ что, — говоритъ она вдругъ, — выслушайте меня! Можетъ быть, до сихъ поръ я была дѣйствительно ребенкомъ. Но теперь я полюбила и стала взрослой. Да, полюбила и стала взрослой! Я говорю вамъ: я готова поѣхать съ вами хоть сейчасъ, хоть не прощаясь съ мамой, хотя я знаю, что мама никогда не станетъ противиться моему счастью. Но если бы даже она плакала, умоляла меня остаться, подождать, подумать, если бы ей было страшно больно и тяжело, — я бы все равно ушла! Я вѣдь очень сильная, а теперь еще сильнѣе. Я все могу! И обо мнѣ вы не должны думать. Но я знаю, что вамъ не нужна такая ничтожная, маленькая, неопытная въ жизни...

— Мама, умоляю васъ, перестаньте!

— Нѣтъ, дайте сказать! Вы не бойтесь я спокойна. Видите — не плачу. Ну, маленькая я, ну, ничтожная. Но зато вы — большой. Съ вами рядомъ и я бы могла стать чѣмъ-нибудь. Я ужъ думала объ этомъ. Вы такой сильный, все можете! Но вы устали и тоскуете. Нужно только доказать вамъ, что вы еще

молодой и можете еще много создать в жизни. А я бы... ну что я могу... ну, я бы говорила вам это каждый день и не давала бы вам хмуриться. Я бы, такая, как есть, маленькая, отдала вам всю жизнь, все, что у меня есть. Вот молодость моя есть—ее бы и отдала... Сердце бы свое отдала... да и отдала ужь! А я вѣдь еще никого никогда не любила...

— Добрая моя...

Я хочу лаской защитить ее отъ того циника, тамъ, въ углу который, приподнявшись на пюпочки, шепчетъ мнѣ черезъ голову Маши:

— Оставайтесь же, оставайтесь, побѣжденный побѣдитель...

— Я все равно никогда-никогда не разлюблю васъ и никогда не забуду! Хорошо, вы уѣдете. Вы не хотите взять меня, потому что боитесь за мое будущее? А мое настоящее? Вы думаете о немъ? Съ той минуты, какъ вы уѣдете, я буду страдать. И это неправда, что вы боитесь за меня. Вы за себя боитесь! Вы не любите меня такъ сильно, какъ надо. Или любите, но боитесь разлюбить. Вотъ видите. Хотя я и дѣвочка, а понимаю!

Опять горькія слезы. И, сквозь рыданья, говорить ребенокъ.

— Но вѣдь это потомъ, а теперь мы были бы такъ счастливы!

И снова голосъ женщины:

— Вотъ, я умоляю васъ, я знаю, какъ это стыдно. У меня совсѣмъ нѣтъ женской гордости...

Я не говорю ей ни слова; вѣдь она угадала... Только глажу волосы, ласкаю, вытираю ей слезы ея уже совсѣмъ мокрымъ маленькимъ платкомъ. Мы долго молчимъ. Слезы смѣнились усталостью и нѣжнымъ примиреніемъ безъ словъ. Прощайте, послѣднія минуты! Прощай, Маша!

И, обнимая меня не по-дѣтски, не по-дѣтски прижимаясь ко мнѣ всѣмъ тѣломъ, она шепчетъ мнѣ съ порывистомъ дыханіемъ:

— Какъ люблю тебя, какъ люблю тебя, милый мой, милый мой, милый...

Пора...

— Маша, прощай! Еще разъ, вотъ такъ, еще послѣдній, послѣдній разъ...

Она шепчетъ, какъ бы проснувшись:

— Развѣ уже пора? Такъ скоро?

— Да, прощай.

— Прощай, мой милый, милый..

.

— Прощай, Маша!

Сейчас же за мельницей, черное осмоленное колесо которой кажется чугуннымъ, начинается мокрый, скользкій спускъ къ ручью, по склону, заросшему густой травой. Руслó ручья сплошь каменное; онъ вьется въ изгибахъ огромныхъ плитъ гранита. Онъ—горный ручеекъ.

Тамъ, гдѣ вода еще не нашла себѣ ровной дорожки, тамъ небольшой водопадъ. Водопадъ—это, пожалуй, немножко смѣло. Просто вода—а ея не больше, какъ если бы ее выливали изъ ведра,—съ обомшалой ложбины падаетъ метра на два внизъ, сначала на каменный выступъ, тоже зеленый-обомшалый, а потомъ, разбитыми струями, въ маленькій бассейнъ. Мнѣ онъ нравится, этотъ водопадъ. Здѣсь онъ съ успѣхомъ замѣняетъ мнѣ Иматру и каскады римскаго Тиволи.

Разница вотъ въ чемъ: тѣ поражаютъ, дѣлая глухимъ, этотъ же, напротивъ, пріучаетъ уши слушать. Онъ завораживаетъ и самъ рассказываетъ сказки и были. Совсѣмъ неумышленно дѣлаетъ это. Я объясню: онъ самъ ничего не знаетъ, сказка рождается лишь сейчасъ, въ его журчаньѣ, но имѣющій уши—слышитъ ее, но имѣющій сердце—понимаетъ ея смыслъ. Родна, близка она имѣющему сердце. Въ говорѣ ручейка память допѣваетъ ему недопѣтую мелодію.

Какъ сотни и тысячи людей, я иду къ природѣ отряхнуть накипь житейскаго. Какъ они—дышу, отдыхаю, окисляя кровь чистымъ воздухомъ; пахнетъ мятой и холодной водой. И, привыкнувъ къ работѣ, я пытаюсь и здѣсь работать; но въ бассейнѣ ручейка скользять по поверхности пауки и научки, и мнѣ это забавно и интересно. Потомъ говорю вверху—это несуть зерно на мельницу; смотрю на несущихъ, они на меня: еще пять минутъ проходятъ въ бездѣльѣ. Упалъ въ воду бѣлый паукъ-крестовикъ и пошелъ ко дну: онъ ползаетъ на днѣ, и мнѣ его жаль. Я сую ему палку, помогаю выйти на поверхность; потомъ бросаю его въ кусты, можетъ быть и не туда, куда ему хотѣлось бы. Но не доставало еще, чтобы я самъ сталъ разыски-

вать его домъ! Да и найдетъ,—ему не къ спѣху. Въ награду за помощь пауку вижу землянику, первую спѣлую ягоду. Получаса какъ не бывало. Въ небѣ барашки. Съ пригорка пахнуло апельсиннымъ цвѣтеньемъ.

— Эрколе-е-е!—кричитъ баба наверху. Къ ней подбѣгаетъ мальчуганъ съ большимъ животомъ: это его-то зовутъ Геркулесомъ? Мнѣ смѣшно.

Образумившись, пишу, что угадываетъ память въ журчаніи ручейка.

Много красивыхъ картинъ она мнѣ рисуетъ. Такъ, напримѣръ, она рисуетъ мнѣ синее озеро между высокихъ горъ, куда прѣхалъ я послѣ разлуки съ Машей. Синее озеро среди горъ высокихъ, съ уходящими въ облака вершинами. Я прѣхалъ туда совсѣмъ случайно; вѣдь я не зналъ, подходя къ билетной кассѣ, къ какому городу лежитъ мой путь; и, какъ всегда, я сошелъ съ поѣзда на маленькой станціи, чтобы пересѣсть на озерный пароходъ. Мнѣ захотѣлось видѣть синюю воду среди горъ; думалъ—буду здѣсь совсѣмъ одинъ. И я сразу попалъ въ большую прѣзжую компанію русской молодежи.

Я люблю молодежь. Я завидую молодости. Я жажду молодости и гибну отъ одиночества и вѣчнаго сознанія, что мнѣ уже никогда больше не пить отъ источника живой воды.

Но не зла моя зависть!

Я думалъ, что тамъ, въ предѣлахъ досягаемости, потухли послѣднія искры того огня, которымъ и я горѣлъ когда-то. Я думалъ—все кончено. Разбиты скрижали, забыты завѣты, вѣра угасла, сердца остыли. Мы были просты и прямолинейны, а тутъ мысль пошла по кривой и завела людей куда-то, а куда—мнѣ невѣдомо. Прѣжней пѣсни отголоска уже не найти. Нѣтъ, не найти! И въ зарю никто не вѣритъ. Нѣтъ, не вѣритъ!

Такъ думалъ я, и я ошибался. Теперь я знаю—я ошибался.

Я вамъ говорю: искры былого огня скрыты подъ пепломъ; напоромъ вѣтра сдуется пепель—и вспыхнетъ веселый, молодой огонекъ. Завѣты не забыты—вѣдь они вѣчны! Я вѣдь говорю о вѣчныхъ завѣтахъ, а не объ ученіяхъ вчерашняго дня, не о девизахъ минувшей субботы. А старыя слова, эти смѣшныя словечки, отъ которыхъ роняли слезы наши бабушки, матери и тети,—не бойтесь, и они живы. Не вѣрите? Я докажу вамъ! Я

вамъ ихъ брошу въ лицо. Держите: да святится дружба, да здравствуетъ любовь! Самая романтическая, самая безплотная, самая сентиментальная, съ луной и соловьемъ, со стыдливо опущенными глазами, съ легкимъ пожатіемъ руки, съ несмѣлой, обходной фразой, смѣшной-смѣшнущей, путаной и все же прозрачной,—вмѣсто простого великаго слова: люблю. Ловите же! Я бросаю вамъ въ лицо эти слова, ибо они вѣчны и не умрутъ отъ кривой усмѣшки вашихъ губъ. Да и сами вы, скептики, не вѣрили въ ихъ смерть. А если вѣрили—такъ жалѣли о нихъ, охъ, какъ жалѣли! Потому-что вѣдь легкое, застѣнчивое пожатіе маленькой руки всегда лучше, и дороже, и цѣльнѣе, чѣмъ привычно-бѣшеное объятіе на пять минутъ, а потомъ—скука и отвращеніе. Видите эту маленькую дѣвочку, играющую въ би-ба-бо? Она вырастетъ и скажетъ: возьми, о родина, мою маленькую жизнь; мое маленькое сердце возьми, и эту слабую руку, если только... если только она можетъ тебѣ на что-нибудь пригодиться!

Все это я прочелъ въ ихъ глазахъ. Тамъ было много юношей и дѣвушекъ, которымъ страшно хотѣлось помечтать, погрузить, покрасѣть отъ первой ласки. Они не смѣли—они думали, что это смѣшно и несвоевременно. Какіе-то пошлые дурочки, тамъ, въ Россіи, толковали имъ отрѣзанными, неподслащенными словами проблему пола, нехорошо смѣясь при этомъ. Это было совершенно чуждо ихъ юнымъ душамъ, совершенно не свойственно ихъ веселнымъ чувствамъ,—и все же они стыдились не быть грубыми, и языкъ ихъ рѣчей казался грубымъ переводомъ грубаго языка проповѣдниковъ жизненной прозы.

Все это я прочелъ въ ихъ глазахъ. И тогда каждому отдѣльно и особо каждой парочкѣ я шепнулъ, что не пужно стыдиться старыхъ словъ и чувствъ красивыхъ; что ничто не старо—все обновляется; что не стыдно то, что красиво, что волнуется первымъ волненіемъ; что ревнивый бутонъ цѣннѣе безстыдно раскрывшейся розы; что поэтическая сказка лучше дѣйствительности. И я говорилъ имъ сказки, и я училъ ихъ любить, и я самъ, уже пожилой и почтенный, влюбился въ ихъ молодость и подъ руку съ одной изъ нихъ, которая немного напоминала мнѣ Машу, шелъ вдыхать въ виноградную бесѣдку, шелъ дивиться на полосу луннаго свѣта въ водѣ озера. И краснѣлъ, и не смѣлъ сказать и смущался, какъ мальчикъ... И, какъ влюбленный

мальчикъ, любилъ любовь свою, и имъ, еще совсѣмъ молодымъ, давалъ примѣръ стыдливаго, весенняго чувства.

Быть можетъ, я обманулъ ихъ? Нѣтъ, не думаю. Я обманывалъ только себя, но это—мое священное право и моя единственная защита отъ жизни.

Мы прощались необычно. Мы даже не плакали при разставаньи. Всѣмъ имъ хотѣлось высказать мнѣ, старшему другу, котораго они почти не знали, свою преданность и ласку, родившуюся случайно, быть можетъ, лишь потому, что я жаждалъ ихъ молодости. И была минута, когда я чувствовалъ себя счастливымъ ихъ дружбой и лаской. Но... только минута...

Только минута! Окруженный друзьями, чуткими и молодыми, я былъ одинокъ безконечно, я былъ одинокъ еще болѣе, чѣмъ прежде, чѣмъ когда-нибудь. Въ какомъ озерѣ, въ какомъ морѣ могъ я потопить тоску мою?

Видите-ли... Они любили и уважали во мнѣ учителя жизни, почти пророка. А мнѣ было нужно...

Безконечно сиротливымъ и одинокимъ покинулъ я озеро...

Не случайно вспомнилась мнѣ эта недѣля на озерѣ. Нѣтъ, она лишній разъ подчеркнула, что мнѣ пора искать себѣ бѣлую комнату для отдыха, на который имѣеть право подведшій итоги.

Теперь я сдался; но тогда я еще не хотѣлъ сдаться совсѣмъ. Вѣрнѣе—не могъ. Я былъ еще во власти мятежныхъ думъ и послѣднихъ попытокъ осени не пускать зиму, вернуть прошлое. И, какъ всегда, какъ сейчасъ, во власти моихъ призраковъ.

И вамъ говорю: ихъ много; безконечно много! Стоить мнѣ закрыть глаза,—они входятъ ко мнѣ безъ зова, входятъ безъ всякаго порядка. То входятъ призраки моего дѣтства, то призраки прошлой недѣли, то тѣни тѣхъ, кто въ жизни моей не игралъ никакой роли, пройдя незамѣченнымъ. Напрасно я старался бы собрать ихъ въ строгую систему и построить въ ряды. Они, какъ и эти повѣсти дней моихъ, не поддаются дисциплинѣ, и не ищите между ними взаимной связи, какъ не ищите скрытаго намека на такую связь. Я никогда не былъ осѣдлымъ, былъ всегда путникомъ жизни. Мое вчера и мое сегодня лишь случайно стоятъ рядомъ; ихъ могли бы раздѣлять десятки лѣтъ. И

я не знаю, гдѣ кончилась моя юность и гдѣ начинается старость. Смѣна картинъ, вѣчная смѣна картинъ, и лишь одно постоянно: мое одиночество и мои призраки. Таковъ былъ и будетъ фонъ моей жизни.

Развѣ вы не помните? Старушка жизнь сказала мнѣ тогда:

— Въ бѣдную комнату войди, какъ въ постель; все прошлое отбрось прежде; явись въ нее не для думъ, а лишь для сна и отдыха.

Вотъ я стремлюсь отрѣзать прошлое, освободить отъ него свою мысль. И оно покидаетъ меня обрывками, покидаетъ съ такимъ упорствомъ, съ такой неохотой. Такъ хотѣлось бы мнѣ утаить многое—и я не могу. Такъ хотѣлось бы мнѣ оживить себѣ немного, но главное, оживить въ порядкѣ и стройности, въ той связи, которую дало ему время; но я не чувствовалъ этой связи, и я безсильнѣе воссоздать ее для своей памяти. Призраки мѣшajúть мнѣ. Отъ нихъ не можетъ спасти меня даже море, мой лучшій и единственный другъ.

Я люблю море. Мнѣ кажется, оно—единственная моя привязанность. Все проходить и пройдетъ, все можно исчерпать или заглушить въ себѣ. Только море, только оно неисчерпаемо, только его красота никогда не наскучитъ. И мудрость его, и его глубокой, здоровый скептицизмъ. Но и оно не всегда разумно, и оно знаетъ страсть. И когда оно бушуетъ—страшенъ и загадоченъ его гнѣвъ. Сколько величія въ немъ! Сколько ужасовъ соединилось въ его протяжномъ ревѣ...

Въ такую ночь невозможно заснуть. Невозможно потому что гулъ моря включаетъ въ себя всѣ шумы, которыхъ я боюсь: шумъ колесъ парохода и поѣзда, звонъ колокола, щелканье засова тяжелой двери, шопотъ двоихъ, которые бросятся и схватятъ за горло, шелестъ письма, о которомъ я забылъ, тотъ смѣхъ, которымъ и буду смѣяться въ часъ смерти... И еще много страннаго и страшнаго. Лунный свѣтъ, пробиваясь черезъ щели въ жалюзи, ложится на стѣну и простыню испуганными, смертельно испуганными фосфористыми глазами; они не мигаютъ, имъ уже нельзя мигать; и они тухнутъ неостывшими.

Въ такую ночь все тотъ же призракъ. Нигдѣ я не укроюсь

отъ него: вѣдь онъ—мое созданье, онъ лишь для меня существуетъ.

Призракъ мой—дѣвушка, совсѣмъ юная дѣвушка. У нея волнистые, темные волосы и ясные глаза, въ которыхъ нѣтъ ни хитрости, ни жалости. Сегодня она вся въ пѣтахъ. Зачѣмъ я не художникъ, я создалъ бы ея портретъ, онъ такъ часто подолгу видится мнѣ! Она смотритъ на меня взоромъ яснымъ, идущимъ мимо меня, и говоритъ:

— Вступаю въ жизнь, на долгій путь жизни, на долгій путь сложной жизни. Идешь ли со мной?

Я кидаюсь къ ней, молю ее:

— Да, возьми меня, иду съ тобой всюду, не зная тебя! Пойдемъ, куда хочешь, но пойдемъ вмѣстѣ. Не бросай меня!

И вновь слышу голосъ:

— Да, со мной ты не будешь одинокимъ. Со мной ты будешь счастливъ. Я—молодость, я—вѣчное обновленіе, я—жизнь яркая.

— Такъ возьми же меня!—молю ее.—Скажи, гдѣ найду тебя живой? Каждую ночь ты являешься мнѣ, чтобы исчезнуть съ разсвѣтомъ. Гдѣ найду я тебя?

— Я—творчество. Но я не идея, я не призракъ. Я живая, молодая, цѣльная. Я твоя невѣста, я отрицаніе одиночества твоего.

— Гдѣ найду тебя?

— Вотъ я, здѣсь, возьми меня!

Я мечусь, я бросаюсь, ловлю воздухъ. Они назовутъ это, сумасшествіемъ. Но что мнѣ до того! Пусть мой разсудокъ слабъ пусть меня одолеваетъ безплотный призракъ, пусть такъ говорить и моя и ихъ логика,—по что мнѣ до того? Вѣдь я вижу ее, вѣдь я говорю съ ней, вѣдь я полонъ ею.

— Гдѣ же ты?

— Вотъ я, здѣсь, возьми меня!

Нѣтъ, она не обманываетъ; я вижу, какъ она подходитъ ко мнѣ ближе и ближе. Я дыханіе ея чувствую. Я лишь за минуту до чистаго счастья бросаюсь на полъ передъ исчезнувшей мечтой.

Пусто, тихо, нѣтъ никого; вернулся разсудокъ, холодный разсудокъ.

Я вновь обмануть.

Снова я въ саду замка. Ровно годъ прошелъ съ того дня, какъ мы были здѣсь съ Машей, какъ мы видѣлись съ ней послѣдній разъ.

Тамъ, если подняться по боковой аллеѣ и пройти мимо искусственныхъ каскадовъ,—они очень красивы!—есть старый фонтанъ въ центрѣ давно не чищеннаго круглаго бассейна, окруженнаго каменными перилами. Этотъ камень—травертинъ, самый красивый и достойный камень на свѣтѣ. На выступахъ цѣлый рядъ уморительныхъ масокъ, открытые рты которыхъ когда-то бросали струю въ бассейнъ. Мы съ Машей долго и подробно ихъ разсматривали и много смѣялись. Теперь я не нахожу ихъ смѣшными; скорѣе напротивъ: въ нихъ есть что-то трагическое.

Я пришелъ сюда послѣ заката. Старикъ Ивалое впустилъ меня и пошелъ спать; я самъ сумѣю отворить ворота изнутри и затѣмъ захлопнуть ихъ; и въ моей аккуратности онъ увѣренъ—и его не подведу. Уже не въ первый разъ я провожу здѣсь время до разсвѣта.

Ивалое не спросилъ про мою прошлогоднюю спутницу; у бѣдняги слабѣетъ память. Не знаю, радъ ли я былъ, что онъ не спросилъ... Пожалуй, напротивъ... Впрочемъ мнѣ все равно! Вѣдь это было такъ давно, годъ назадъ. Годъ, это—вѣчность для тѣхъ, кто не чувствуетъ иной, истинной вѣчности. Но для меня ея нѣтъ сегодня; я живу во времени, я живу моимъ прошлымъ.

Вотъ этотъ фонтанъ. Въ немъ двѣ совсѣмъ низкія и полныя струи; обѣ падаютъ въ чашу, совсѣмъ запвѣтшую мхомъ: она не можетъ вмѣстить богатства воды и проливаетъ ее за края неровными струйками. Журчаніе этихъ струекъ мелодично и прекрасно; оно не нарушаетъ тишины и не заглушаетъ шопота. Шопотомъ колонъ садъ—шопотомъ призраковъ старыхъ, ушедшихъ вѣковъ. Здѣсь—царство прошлаго, его изящной сонной красоты. Вокругъ бассейна заросшая травой площадка, закрытая высокими деревьями. Просвѣтъ лишь къ закату, къ той лѣстницѣ, ступени которой бѣгутъ вмѣстѣ съ каскадами.

И нѣсколько простыхъ массивныхъ каменныхъ скамеекъ подъ вѣтвями деревьевъ.

И безмолвіе.

Я жду.

Старый герцогъ одѣтъ въ черный бархатъ; борода его сере-

брится освѣтами неба, какъ и бѣлое кружево воротника. Онъ стоитъ прямо, и длинныя пальцы рукъ изящны и молоды, какъ у дѣвушки. Какъ всегда, онъ явился въ тотъ моментъ, когда небо задернулось сицимъ вуалемъ и группы деревьевъ слились въ силуэты. И явился такъ, какъ будто онъ былъ уже тутъ и раньше, уже давно, всегда.

— Сегодня придуть только счастливые, — сказала онъ своимъ обычнымъ тономъ. — Я велѣлъ имъ прійти попарно. Такъ лучше.

— Они придуть съ запада, по той лѣстинкѣ?

— О да, изъ прошлаго! Сегодня юбилей — вы знаете? Сегодня ровно триста лѣтъ со дня, какъ мы вѣнчались. Но сама она не придетъ, она сюда не имѣетъ доступа.

Я подумалъ: „И мой юбилей!“ Но я не сказалъ ни слова гордому призраку въ черномъ бархатѣ.

Они явились, дѣйствительно, попарно; были легкіе и свѣтлые; они казались даже прозрачными. Юноши въ бѣлыхъ чулкахъ и парадныхъ кафтанахъ; дѣвушки въ пышныхъ платьяхъ съ тонкой тальей. Они не шли, а выступали менуэтомъ подъ мелодію струй. Бѣлыя кудри париковъ дѣлали ихъ еще изящнѣе и моложе. Ихъ пары были полны граціи.

Я не слыхалъ ихъ словъ, но глаза ихъ говорили красно-рѣчиво. Развѣ можетъ быть въ жизни сразу столько счастливыхъ? Неужели никто изъ нихъ не задумался надъ тѣмъ, что не все разрѣшимо?

Герцогъ сдѣлалъ нервное движеніе и рѣзко сказалъ:

— Сегодня не нужно объ этомъ спрашивать!

Но вотъ они столпились у края бассейна. Я слышалъ ихъ шопотъ и видѣлъ удивленные глаза. Всѣ они смотрѣли теперь на герцога и показывали въ воду.

— Это было здѣсь? — спрашивали они.

Призракъ въ бархатѣ закрылъ лицо длинными женскими пальцами.

— Это было здѣсь? — еще беспокойнѣе спрашивали они. И одинъ изъ нихъ отвѣтилъ:

— Да, я знаю, это было здѣсь. Бассейнъ былъ тогда еще глубже. Она подошла къ самому краю и смотрѣла на золотыхъ рыбокъ. Какъ она упала — мы не знаемъ. Онъ не рассказалъ намъ.

Кто-то спросил?

— Быть может она бросилась?

— Нѣтъ, она была счастлива, какъ мы всѣ.

— Быть можетъ, ее столкнулъ кто-нибудь?

Я слышалъ, какъ герцогъ глухо застоналъ. Этотъ день былъ юбилеемъ его свадьбы, но онъ страдалъ.

Потомъ онъ сдѣлалъ рѣзкій жестъ рукой. Всѣ замолкли. Онъ сказалъ:

— Да, она упала здѣсь. Никто не столкнулъ ея, она сама сдѣлала это. Она была счастлива, какъ всѣ вы. И ѳ, ея мужъ, тогда еще молодой, какъ вы,—и я былъ счастливъ. Потомъ что-то вошло въ нашу жизнь; я не знаю что—ему не было названія. Она рѣшила уйти. О, я звалъ ее вернуться! Но я зналъ, что она не вернется, такъ какъ это неразрѣσιμο.

— Вы видѣли ея лицо, когда ее вынули изъ воды?

— Да, ее нашли очень скоро, но уже не могли вернуть къ жизни.

— Ея лицо было спокойно?

— Да.

— Но безъ улыбки?

Призракъ въ черномъ сжалъ виски тонкими прозрачными пальцами.

— Зачѣмъ вы меня мучите! На ея лицѣ не было улыбки но я сказалъ—оно было спокойно. Я знаю, что она и тамъ не нашла рѣшенія, не поняла; но все же ей стало лучше. Неужели вы мнѣ не вѣрите?

Тѣни счастливыхъ зашептали хоромъ:

— Мы вѣримъ, намъ такъ хочется вѣрить! Но мы думали, что она нашла отвѣтъ. Мы пришли сюда спросить и узнать...

— Намъ это такъ важно знать!—сказала самая молодая изъ счастливыхъ.

И въ голосѣ ея мнѣ послышалось столько молящей тоски, столько предчувствія неминуемаго.

Потомъ она вскрикнула:

— Я хочу знать это сейчасъ же, сейчасъ же! Я уже не могу ждать дольше! Должно же быть какое-нибудь оправданіе и отвѣтъ?

Ее окружили толпой:

— Но ты вѣдь слышала, что это неразрѣшимо! Даже та, что бросилась въ бассейнъ—даже она не узнала. И лицо ея было спокойно, но безъ улыбки.

— Ахъ, по это было давно, прошли вѣка! Неужели съ тѣхъ поръ люди ничего не узнали? Они должны были придумать исходъ. Зачѣмъ же тогда рождаться и рождать? Зачѣмъ тогда обманывать сказками? Я не могу такъ жить! Хоть бы забыть, хоть бы забыть помогли мнѣ! Помогите мнѣ забыть, я не могу забыть...

И видѣлъ, какъ всѣ призраки отшатнулись отъ страдающей дѣвушки.

— Какъ она пришла сюда? Она пришла не съ нами!

— Да, и она пришла одна: мы всѣ были парами.

— Она не наша, на ней нѣтъ парика, это стыдно! Она слишкомъ поддавалась чувству и забыла этикетъ, намъ лучше уйти.

Я оглянулся. Герцога уже не было. Подъ мелодичный звонъ струекъ фонтана быстро удалялись свѣтлыя пары счастливыхъ. У края бассейна осталась только та дѣвушка, что такъ страстно добивалась понять неразрѣшимое. Насъ раздѣляла вода, и я спросилъ ее издали:

— Ты знала, Маша, что я приду сюда въ эту ночь? Сегодня годовщина...

— Знала.—отвѣтила она тихо.—Но я все равно пришла бы. И здѣсь бываю каждый вечеръ, какъ тотъ герцогъ.—Онъ стоитъ тамъ, гдѣ стоишь сейчасъ ты; я сижу на краю бассейна. Моя душа безпокойна, милый, она всегда блуждаетъ! И мысль моя, больная мысль,—о, ей нѣтъ покоя, милый мой, милый...

— Маша ты должна забыть меня! Прошелъ годъ, пройдутъ еще года. Ты молода, Мама, предъ тобой жизнь.

Она шепчетъ, наклонившись къ водѣ:

— Милый мой, милый, что же это...

— Маша, говорю я рѣзко,—я уже не молодъ, и я въ любовь не вѣрю. Я не вѣренъ въ любви и не хочу ея! Маша, послушай меня...

Но она шепчетъ по-прежнему:

— Милый мой, милый мой...

И иду къ ней... Хочу быть спокойнымъ и строгимъ, хоть и плачетъ сердце. Иду къ ней, но ея призракъ отходитъ все

дальше, пока не теряется среди силуэтовъ деревьевъ. Передо мной старый, обомшалый фонтанъ со звенящими струйками. Въ спокойной водѣ большого бассейна отразились звѣзды.

Тихо. Сегодня они уже не придутъ больше. Струйки фонтана шепчуть:

— Милый мой, милый мой...

Но это уже не ея голосъ. Она ушла.

Опять письмо отъ Маши. Въ ея почеркѣ еще много дѣтскаго, но онъ крупный, какъ мужской. У Маши много характера и рѣшимости. Славная Маша.

Письмо заказное. Оно долго меня искало и нашло здѣсь, въ горахъ.

Маша пишетъ:

„Помогите мнѣ забыть васъ. Прошелъ годъ, а я все та же и чувство мое къ вамъ все то же. Мама знаетъ, что я люблю васъ. Она догадалась, и когда спросила меня, я сказала ей:— да, люблю!—Она говоритъ:—у тебя нѣтъ самолюбія женщины; онъ даже не отвѣчаетъ на твои письма.—Что мнѣ до того! Я пишу вамъ какъ бы въ пространство и не жду отклика. Но почему мнѣ кажется, что когда-нибудь вы отвѣтите мнѣ?“

Маша пишетъ еще:

„Я та же и не та. Уже не дѣвочка, конечно! За этотъ годъ я такъ много передумала и пережила. Но одного я не поняла: почему невозможно, чтобы мы были вмѣстѣ? Вы говорили, что любите меня. Ахъ, какъ я вамъ вѣрила и вѣрю! Но тогда почему же мы должны быть далеки другъ отъ друга? Этого я не понимаю и врядъ ли пойму. Но если нельзя, то хоть въ одномъ помогите мнѣ: забыть васъ!“

Да, Маша, я помогу...

Я рву письмо въ мелкіе клочки и бросаю съ балкона. Легкія бумажки относитъ вѣтромъ, и онѣ застрѣваютъ въ кудрявой зелени сливъ. Если я умру внезапно,—все-таки никто не найдетъ въ моихъ бумагахъ писемъ Маши. Почему? Развѣ эти письма дурны и писаны не дѣтской рукой? Просто—я не хочу этого. Они писаны не для посторонняго глаза.

Я не отвѣчу Машѣ. Я не отвѣтилъ ей ни разу. По развѣ

это значить, что я не исписалъ много листовъ почтовой бумаги? Я не послалъ ихъ; мнѣ не позволили мои заботливые призраки.

— Ты въ нихъ лгалъ! Ты писалъ, что не любишь ее, какъ женщину, что ты любишь лишь любовь свою, лишь память о милой дѣвочкѣ, которой ты былъ другомъ.

— Можетъ быть, — отвѣчаю я знакомому голосу. — Но что до этого тебѣ? Почему и ты, вмѣстѣ съ другими, замыкаешь кругъ моего одиночества своей опекой? Развѣ ты не счастлива? Развѣ ты не устроила своей жизни по-своему?

Блѣдный призракъ, отшатнувшись, говорить чуть слышно:

— Нѣтъ! О, нѣтъ! Твоей свободой я создала свободу и себѣ; но счастья я не нашла. А развѣ счастье есть?

— Но зачѣмъ ты приходишь мучить меня вопросами и укорами?

— Нѣтъ, Андрей: я прихожу не для того. Я прихожу не къ тебѣ, но ради нея. Пусть хоть въ ея жизнь обманъ не входитъ.

— Я не хотѣлъ обманывать ея, ты знаешь.

— Но ты обманулъ. Ты не досказалъ ей сказки о волнѣ. Ты не сказалъ ей, что случилось съ Ниной, которую увезъ поѣздъ и которая уже никогда не возвращалась. Не досказалъ, какъ поблекли ея мечты, осыпались надежды, какъ безвременно состарилось ея лицо, которымъ прежде все любовались, какъ, уйдя отъ твоего обмана, она искала свой обманъ, и поняла его, и осталась съ прежнимъ сомнѣніемъ. И самъ ты, влюбленный въ волну художникъ, — развѣ ты вправду бросилъ въ море палитру и кисти? Развѣ до сѣдыхъ волосъ ты не гонялся попрежнему за мечтой, убѣгая отъ самого себя и всегда, всегда къ самому себѣ возвращаясь? Зачѣмъ ты не досказалъ ей сказки тамъ, на морѣ, у кладбища?

— Нина, я не зналъ конца сказки, я не знаю и сейчасъ.

— Конца нѣтъ. Но какимъ онъ могъ бы быть и какимъ онъ будетъ — ты знаешь это. Что въ томъ, что ты хотѣлъ бы иного! Это — неразрѣшимо, Андрей!

— Хорошо. Теперь уйди. Я не пошлю письма. Я не отвѣчу Машѣ ничѣмъ на ея ласковыя и любящія строки. Ты довольна?

— Развѣ рѣчь обо мнѣ?

— Ты не ревнуешь больше?

— Андрей...

— Тогда уйди! Это уже послѣдняя уступка вамъ, Нина, всёмъ вамъ, безплотнымъ призракамъ моего прошлаго. Впрочемъ, я знаю: вамъ больше требовать нечего: вы взяли все!

Она уходитъ медленно. Такъ, значить, и она несчастна?

Здѣсь я одинъ среди горъ. Внизу зеленая котловина. Вдали, поверхъ ближнихъ хребтовъ, видны сѣровыя вершины дальнихъ.

Была давняя мысль: порвать всё связи и отношенія... Зачѣмъ? Да затѣмъ, что связь—зло, что лишь свобода—благо. И вотъ теперь, кажется, я порвалъ все.

Вы посмотрите, какіе мы курьезники, мы, поборники свободы. Насъ тяготитъ гнетъ политическій, тотъ, который на насъ отражается такъ мало; во всякомъ случаѣ, лишь на немногихъ. И этотъ гнетъ мы хотимъ сбросить, раздавить, растоптать. А сами создаемъ себѣ другія узы: любовныя, семейныя, дружескія, партійныя. И становимся рабами, полными рабами, безсильными и жалкими!

Вяжутъ не тѣ узы, которыя мы ненавидимъ, а тѣ, которыя мы жалѣемъ. Порою годъ тюрьмы легче одной ночи, проведенной въ больномъ ужасѣ, рожденномъ большими слезами любимой и любящей женщины. Настанетъ утро примиренія,—она снова будетъ вамъ вѣрнымъ другомъ и славной женой; но не забудется ночь минувшая, проведенная въ фдкомъ горѣ; волосы ваши сѣдѣютъ раньше времени. Зачѣмъ такъ скоро осень и зима? Ахъ, не любите, не стойте! Не любите и не вѣрьте!

Такова любовь. А дружба? Когда вашъ лучший другъ впервые покраснѣетъ при вашемъ вопросѣ и замнетъ разговоръ,—покиньте его навсегда, скорѣе забудьте. Это значить, что онъ сдѣлалъ противъ васъ первую подлость, за которой незамѣтно послѣдуетъ другая. Онъ, собственно, еще ничего не сдѣлалъ даже; онъ лишь не отвелъ маленькой клеветы, пущенной другимъ вашимъ другомъ. Но другъ вашъ всегда относительно честенъ, и онъ краснѣетъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ.

Да, но вотъ здѣсь я одинъ среди скалъ, голыхъ и холодныхъ. И мнѣ отраднo и тоскливо, и зла радость моего одиночества...

Вѣдь это и есть желанное! Это и есть то, чего я всегда добивался!

— Хочешь ли всегда жить здѣсь, одиноко, среди скаль?

— Да,—кричу я въ восторгѣ.

— Хочешь ли?—вновь тотъ же голосъ.

— Почему же нѣтъ? Согласенъ,—отвѣчаю я съ тревогой.

— Хочешь?—спрашиваетъ онъ въ третій разъ.

И я въ ужасѣ и томленіи кричу:

— О, унеси меня снова въ міръ, гдѣ будетъ меня мучить требовательная любовь, гдѣ предастъ меня лучший другъ, гдѣ я сольюсь съ массой людей сѣрыхъ, безцвѣтныхъ, ничтожныхъ, какъ ничтоженъ я самъ! Мнѣ холодно среди скаль. Здѣсь, подъ покровомъ ночи, никто не сожметъ мою руку такъ крѣпко, такъ крѣпко... И никто не скажетъ мнѣ голосомъ лѣжнымъ и лживымъ: „Милый, вѣдь это только сказка! Вѣдь это не дѣйствительность! Завтра все исчезнетъ, завтра настанетъ проза... Милый, это наши минуты...“

Въ горахъ смѣется эхо. Оно—великій и едипственный отшельникъ. Мнѣ кажется, что я видѣлъ эхо; оно круглое, упругое, насмѣшливое; очень большое и независимое...

— Сорвешься,—кричитъ мнѣ эхо.—Сорвешься!—дважды повторяетъ оно вдали.

А я прыгаю по камнямъ сверху внизъ; я слышу изъ горъ въ долину.

Тамъ, въ котловинѣ, среди зелени есть нѣсколько домиковъ. Быть можетъ, тамъ дадутъ мнѣ напиться, улыбнутся мнѣ. Мнѣ нужно слышать голосъ человѣка!

Уже заходитъ солнце. Я спускаюсь цѣлый часъ.

И нашель себѣ удобное старинное кресло. Не завершить ли имъ блужданія? Разваливаюсь въ немъ и мечтаю. Вызываю тѣни, съ которыми друженъ.

Такъ, напримѣръ, тѣни очень стараго. Нужно вспомнить грустный романсъ, гдѣ есть задумчивый садъ, берегъ рѣки, лучъ заката и пожатіе рукъ. Наши бабушки тоже были молодыми...

Я вступаю въ споръ съ забавными тѣнями. Я говорю имъ:

— Ваше время прошло, ваши романсы забыты. И лексиконъ

вашихъ словъ забыть. Наивныя! Вы жили слишкомъ медленнымъ темпомъ!

Привраки бабушекъ недовѣрчиво качаютъ головами.

Я продолжаю насмѣшливо, чтобы втянуть ихъ въ бесѣду:

— Неужели вы думаете, что намъ, обладателямъ вселенской культуры, развившимъ мозгъ, ухо, глаза, намъ, неизбѣжнымъ скептикамъ, придется хоть на моментъ вернуться къ вашему романтическому простосердечію?

— Это было бы такъ прекрасно!—говорить одна.—Мы такъ любили, такъ умѣли желать... И все было такъ цѣнно. Если бы ты видѣлъ наши сокровища. Эти письма, связанные лентой, эти увядшіе цвѣты!

— Лепестки розъ въ моемъ *secrétaire*!—съ сияющей улыбкой вспоминаетъ другая.—Ахъ, они благоухаютъ еще!

Третья старушка краснѣетъ. У нея совсѣмъ сѣдые волосы, но совсѣмъ молодыя рѣсницы. Она говоритъ: „конечно, это наивно!“, но съ радостью снѣшитъ добавить разсказъ.

— Насъ обручили, когда мнѣ едва минуло семнадцать. Онъ былъ старше меня на два года и уже носилъ усы. И вотъ—это такъ смѣшно!—я боялась, что послѣ свадьбы, когда мы будемъ цѣловаться, онъ будетъ колоть меня усами. Мы были почти незнакомы, но онъ мнѣ очень понравился. Помню, я пошла къ татап и спросила ее, непременно ли нужно цѣловаться съ мужемъ? Она назвала меня глупой, позвала Пьера и сказала ему: „какъ тебѣ не стыдно, ты до сихъ поръ не доказалъ своей невѣсты, что у тебя мягкіе усы!“ Онъ страшно покраснѣлъ. Татап велѣла намъ поцѣловаться, и мы въ первый разъ... О, это такъ смѣшно... мы стукнулись носами.

Потомъ старушка залилась слезами и прибавила:

— Пьеръ умеръ отъ подагры. Ему не было еще шестидесяти. Мы во всю жизнь никогда не разлучались!

И опять утѣшилась старушка. Теперь она вспомнила что-то лукавое.

— Это немного стыдно разсказывать... Ну, все равно! Я послѣ вѣнчанія была дѣвушкой не меньше мѣсяца. Пьеръ былъ такой скромный и застѣнчивый. Когда татап спросила меня объ одной вещи, я не поняла; но она долго говорила о чемъ-то съ

Пьеромъ, а потомъ послала его къ паря. Она всегда очень строго держала паря, но иногда съ нимъ совѣтовалась.

Старушки долго и забавно смѣются надъ этимъ разсказомъ, пока не вспоминаютъ про мое присутствіе. Тогда онѣ оправляютъ чепчики, но глаза ихъ все еще смѣются.

Я спрашиваю ихъ:

— Какъ вы могли жить такъ просто? Неужели вы знали какой-нибудь секретъ жизни, который для насъ утерянъ? Вѣтъ можетъ, вы вернули бы мнѣ его.

Одна изъ старушекъ торопится отвѣтить:

— Ахъ, конечно, былъ секретъ! Вѣдь вы спрашиваете о жизненномъ эликсирѣ? Многія изъ насъ знали его рецептъ, но теперь позабыли. Мы ложились въ одиннадцать и вставали въ семь; но почти два часа отнимали букли и шнуровка. Затѣмъ кухня и дѣтская; это утомляло больше баловъ и визитовъ. Но въ молодости мы никогда не сидѣли въ креслѣ неподвижно и никогда не думали до головной боли. И тѣмъ, кого мы любили, мы устраивали теплое гнѣздо и вышивали туфли. И мы умѣли быть счастливыми.

— Я никогда не скучала! — прибавила самая милая изъ старушекъ. — Когда Пьеръ уходилъ на службу, я раскладывала пасьянсъ. Помню, какъ сейчасъ: „gouge et noir“, „восемь дѣвъ“, „марьяжъ“, „свита“... И я не скучала. Мой Пьеръ былъ такъ нѣженъ; онъ умеръ еще полнымъ силъ, ему не было шести-десяти...

— Мы старѣемъ много раньше, — сказала я. — Мнѣ лишь за сорокъ, но, вѣроятно, я кажусь вамъ гораздо старше.

— Ахъ, вы еще такъ сохранились! — вѣжливо забормотали старушки. — Мы считаемъ васъ прекраснымъ кавалеромъ, и намъ съ вами всегда весело. Вы должны беречься.

Такъ много участія и заботы въ словахъ моихъ старыхъ подругъ!

Двѣ изъ нихъ шепчутся въ углу. Я улавливаю ухомъ ихъ разговоръ: онѣ хотятъ подарить мнѣ теплый шарфъ, вышивъ на немъ слова: „amoq vincit“. Но подходит третья и совѣтуетъ вышить слово „рах“. Когда она повертывается ко мнѣ, я узнаю ее по серебру кудрей и молодому блеску глазъ. Это моя вѣрная

совѣтница, это — сама жизнь, вѣчно юная старушка. Она киваетъ мнѣ и спрашиваетъ привѣтливо:

— Ты пашель? Рѣшился ты?

— Я рѣшился на многое. Теперь думаю о большемъ... Я думаю о бѣлой комнатѣ.

Она подходить ближе, беретъ за руку, гладить по головѣ, какъ мать дѣти. И говорить строго, но ласково:

— Пора... Иди съ миромъ!

Мнѣ мягко и уютно въ креслѣ. Снисходить сонъ и миръ. Сонъ и миръ...

Поездъ опоздалъ. Я нервно хожу по перрону и много курю. Меня раздражаетъ, что носильщики и самъ начальникъ стацин такъ равнодушны и спокойны: вѣдь поездъ опоздалъ на цѣлыхъ полчаса, а съ этимъ поездомъ придетъ Маша!

„Не бойтесь и не сердитесь,—написала она мнѣ въ своемъ коротенькомъ письмѣ.—И главное—не бѣгите. Я ѣду только, чтобы взглянуть на васъ и сказать съ вами два слова. Я гораздо покойнѣе, чѣмъ прежде. Но такъ жить нельзя, нужно кончить. Я хочу доказать себѣ, что могу увидеть васъ и снова разетаться, теперь уже пусть — навсегда. Но увидеть нужно, непременно нужно!“

Вдали движется огненный глазъ, затѣмъ раздваивается. Паровозъ обдалъ меня темнымъ вѣтромъ. Я бѣгу впередъ и на ходу нервно докуриваю папиросу.

Вижу маленькую фигуру, которую никто не встрѣчаетъ. И вдругъ я дѣлаюсь совсѣмъ спокойнымъ.

— Маша, другъ мой, здравствуйте!

Она протягиваетъ мнѣ руку и сѣвннть отдернуть. Затѣмъ она такъ же сѣвнншо отвертывается. Какъ курьезно видѣть на ней меховую шапочку: вѣдь здѣсь тепло.

— Тутъ мой саквояжъ. Надо взять его... Вы скажете носильщику?

— Да, конечно, Маша... А вы не перемѣнились за два года!

— Не два; только годъ семь мѣсяцевъ... Я не знаю, гдѣ бы мнѣ остановиться. Вы скажете? Только до завтра, я уѣду завтра... или послѣзавтра.

— Согласны побхать ко мнѣ, Маша? Почему бы нѣтъ? Правда? У меня вамъ будетъ удобно.

— Нѣтъ, не у васъ... А если у васъ... это далеко? Я хотѣла въ отелѣ.

— Маша, вы поѣдете ко мнѣ, вы мои гостя!

— Ахъ нѣтъ, я совсѣмъ не гостя!

Потомъ она оправляется и дѣтски небрежнымъ тономъ говорить:

— Ну, хорошо. И васъ не стѣсню? Впрочемъ, я лишь на день прѣѣхала. Вы меня какъ-нибудь устройте, мнѣ все равно. Завтра мнѣ нужно ѣхать назадъ. И вѣдь только такъ...

На извозчикѣ она плачетъ. Слезы я боюсь. И беру ее за руку.

— Голубчикъ, о чемъ вы? не нужно! Дома вы отдохнете отъ дороги, и мы будемъ много и хорошо говорить, Маша!

— И устала, это оттого. Вы не думайте, что я плакса. И не дѣвочка! Охъ, я теперь совсѣмъ другая!

— Ну, хорошо, мы поговоримъ дома.

Но дорогѣ я показываю ей достопримѣчательности города, мимо которыхъ проѣзжаемъ. Она здѣсь въ первый разъ. Маша смотритъ серьезно, но не разспрашиваетъ. И думаю, она ничего не видитъ. Раза два я поймала на себѣ ея взглядъ.

— Постарѣлъ я, Маша?

— Не знаю, пожалуй, нѣтъ; но измѣнились.

Мы дома.

— Вотъ это—ваша комната, Маша. Но вы будете хозяйкой и въ остальныхъ. Когда переодѣнетесь — будемъ ужинать; вы видите—все уже готово. И васъ ждалъ.

— И никакъ не думала, что прѣѣду прямо къ вамъ. Но вѣдь это ничего, Андрей Дмитрячъ?

— Не ничего, а прекрасно!

— Вотъ цвѣты у васъ—это я люблю!

— И цвѣты для васъ, Маша. Итакъ, я буду ждать васъ. Я крохожу въ кабинетъ, и, при брошенномъ внизъ свѣтѣ лампы, сажусь въ кресло, окруженный полумракомъ и тѣнями.

Мнѣ кажется, что вся комната полна шороховъ, что встревожены всѣ призраки. Вотъ они выходятъ изъ угловъ, блѣдые и взлохотанные.

— Что это значить?—спрашиваютъ они.—Развѣ возможна

новая жизнь? Неужели явятся люди, которые выметутъ всё углы, стряхнуть пыль съ книгъ и паутину съ потолка, которые переставятъ мебель и перевѣсятъ старые портреты? А какъ же мы? Что будетъ съ нами?

— Успокойтесь, не будетъ ничего!

— Ты увѣренъ, ты ручаешься?

— Я увѣренъ, я ручаюсь! — отвѣчаю я съ усмѣшкой.— Я увѣренъ въ этомъ сейчасъ больше, чѣмъ когда-нибудь. Вы можете спокойно вернуться въ ваши пыльные углы.

Вижу я въ полумракѣ веселые глаза подъ сѣдыми бровями. Имъ въ отвѣтъ я бодро и весело киваю.

— Правъ ли я, моя старушка?

— Да, теперь ты правъ,—говоритъ жизнь.— А права ли я, пославъ тебѣ это?

— Ты всегда права!—отвѣчаю я въ восторгѣ.— И я не нарушу твоего довѣрія. Спасибо тебѣ! А тамъ ты можешь сказать, что я приду скоро, теперь ужъ скоро.

— Твоя комната готова,—говоритъ жизнь,—и не заперта на ключъ; ты полный хозяинъ: приди, когда захочешь.

— Я приду скоро,—повторяю я,—мнѣ прекрасно, мнѣ весело! Дай мнѣ обнять тебя, моя старушка. И благослови меня!

Она подходитъ ближе, становится въ дверяхъ, простираетъ ко мнѣ обѣ руки:

— Миръ тебѣ, усталому,—говоритъ она голосомъ важнымъ и мелодичнымъ.— Миръ тебѣ, и да падетъ послѣдняя цѣпь, и да развяжутся послѣднія узы! Иди къ любви вѣчной и къ святому, вѣчному одиночеству!

Таесть въ воздухѣ призракъ прекрасной старухи. Когда, набожно склоненный, я поднимаю голову, передо мной стоитъ Маша, переодѣтая въ легкое платье, смущенная, прекрасная дѣвушка. Я подхожу къ ней, беру и цѣлую ея руки.

— Ну, Маша, идемте ужинать. А потомъ мы еще успѣемъ поговорить часокъ-другой. Долго болтать сегодня нельзя, вамъ нужно хорошо отдохнуть съ дороги.

— Я не устала.

— И прекрасно. Вы не уѣдете завтра, вы проживете, сколько захотите; а я, Маша, буду не только гостепріимнымъ хозяиномъ, но и хорошимъ вамъ другомъ, заботливымъ, любящимъ и спо-

койнымъ. Я радъ, что вы пріѣхали! И вы никогда не расклетесь въ этомъ!

Покорно, какъ дѣвочка, Маша идетъ за мной въ столовую.

Маша спитъ черезъ комнату отъ моего кабинета. Мнѣ кажется, что я слышу ея дыханіе. Спитъ ли она? О, конечно, спитъ, она такъ устала, бѣдная дѣвочка!

За ужиномъ мы говорили о дорожныхъ впечатлѣніяхъ Мани, о Москвѣ, о мамѣ. Я сказалъ:

— Подождемъ, Маша, говорить о нашихъ дѣлахъ. Сначала намъ нужно освѣжить наше знакомство. Пока расскажите мнѣ о мамѣ.

— Мама вамъ кланяется. Знаете, я ее очень люблю! Я ее раньше мало знала, только теперь оцѣнила вполнѣ. Когда я сказала ей, что поѣду къ вамъ, она меня почти не удерживала. Только просила отложить поѣздку на мѣсяцъ и подумать. Я отложила. Потомъ говорю мамѣ: я поѣду. Она говоритъ: ну, поѣзжай; но будь готова къ тому, что ты вернешься. Я говорю: я и хочу вернуться, я вернусь непременно. Тогда она просила вамъ кланяться.

Маша покрасѣла.

— Да, еще просила сказать, что она васъ очень уважаетъ.

— И что вѣрить мнѣ?

— Да, и это.

Въ кабинетѣ, куда мы вернулись, Маша подошла къ большому портрету дѣвочки, который я сегодня повѣсилъ на видномъ мѣстѣ.

— Нравится?

— Да, сказала Маша.—Это...

— Да, это моя дочь. Я никогда не видалъ ея, но имѣю большой портретъ.

— Она не похожа на васъ?

— Кажется, нѣтъ.

— А вы ее любите?

— Какъ вообще дѣтей. Я какъ-то не чувствую себя ея отцомъ.

Маша задумчиво сѣла на диванъ.

— У васъ здѣсь хорошо,—сказала она.—Какъ-то уютно и въ то же время дѣловито. Вы много работаете?

— Прежде работала очень много. Но послѣдніе года я рѣдко бываю дома; вѣдь я почти все время кочую изъ страны въ страну. Въ вагонѣ я болѣе дома, чѣмъ въ своемъ кабинетѣ.

Потомъ я прерываю наступившее молчаніе.

— Теперь, Маша, поговоримъ. Вы непременно хотите уѣхать завтра?

Она закрыла лицо руками.

— Ахъ, я ничего не знаю!

Сразу оправилась:

— Вообще, я еще не знаю. Я ѣхала на одинъ день; мама совѣтовала мнѣ пробыть съ недѣлю, чтобы посмотреть городъ. А мнѣ не интересно смотреть городъ. И ѣхала только для того, чтобы увидеть васъ.

— Ну вотъ, Маша, мы и увидѣлись. Какимъ нашли вы меня? Не такимъ, какъ ждали?

— Не знаю... Вы и тотъ же и совсѣмъ не тотъ.

— Еще постарѣлъ?

Она съ увѣренностью отвѣтила:

— Это—пѣть! Вы кажетесь мнѣ моложе, чѣмъ были. Вы вообще совсѣмъ молодой.

И беру Машу за руку и говорю ей:

— Маша, правда ли, что вы меня такъ любите? Не ошибаетесь ли вы?

Маша сразу дѣлается предней дѣвочкой, что была у моря и тамъ, въ саду замка.

— Люблю, — говорить она почти неслышно. — Если бы не любила, не мучилась бы такъ почти два года.

И плачетъ:

— Я такъ измучилась! Главное — почему вы не отвѣчали мнѣ на письма? Мнѣ это было горше всего. Оскорбительно какъ-то: за что? Ну, написали бы, что все это было ошибкой, что я для васъ только ребенокъ, а не женщина. Вѣдь я же не глупая, я поняла бы.

Въ памяти моей встаютъ непосланные и разорванные письма къ Машѣ. О, совсѣмъ другое поняла бы она изъ нихъ!

Словно о комъ-то постороннемъ, глядя впередъ собой съ улыбкой, она вспоминаетъ вслухъ:

— Прямо, точно болѣзнь какая-то... Все дни, все дни

думала о васъ. Спрашивала себя: что я въ немъ люблю? Даже маму спрашивала: скажи, мама, за что я его люблю? И мама ничего не могла отвѣтить. Такъ, наводженіе!

При этомъ словѣ Маша смѣется. Потомъ повертывается ко мнѣ съ тѣмъ же веселымъ лицомъ, доверчиво кладетъ руки мнѣ на плечи, смотритъ въ глаза:

— Ну хоть вы скажите, за что люблю? Вудто ужъ вы такой необыкновенный? Такой же, какъ другіе. Да еще злой: не отвѣчалъ на письма. Вамъ стыдно?

Я не могу придумать отвѣтъ. Конечно, мнѣ не стыдно, но этого мало. Нужно прибавить еще что-то. Что?

Мы смотримъ другъ на друга. Лицо Маши внезапно мѣняется. У меня мелькаетъ мысль: Маша больна! Я глажу ея волосы, привлекаю къ себѣ и цѣлую лобъ.

Цѣлую, какъ отецъ...

И она уснобаивается.

— Я такъ устала,—говоритъ она.

— Хотите спать?

— Иѣтъ, не сейчасъ. Посидимъ еще. Можно посидѣть такъ, не разговаривая?

— Конечно, Маша.

— Говорить хуже. Я привыкла говорить съ вами мысленно. Цѣлыми днями и ночами говорила съ вами такъ. И никогда, никогда не могла понять васъ вполнѣ.

Номолчавъ, она говоритъ:

— Вотъ объ этой минутѣ, какъ и о ней мечтала! Безъ всякихъ надеждъ, безъ всего,—вы вѣдь вѣрите мнѣ?—хотѣла еще разъ въ жизни спдѣть рядомъ съ вами, прислонить голову къ вашему плечу и такъ забыться. Сила какая-то есть, не знаю какая; вотъ она меня тянула къ вамъ. Весь міръ не нуженъ, а вы одинъ нужны мнѣ! И безъ васъ иѣтъ жизни. Я считала, что это значить—люблю.

Вѣдутъ минуты. Глаза Маши закрыты. Она дышитъ ровно-равно, точно заснула. За минуту передъ тѣмъ весь міръ былъ полонъ ея тихихъ, иѣжныхъ словъ: теперь онъ восторожился, слушая ея дыханіе. Такой тишины еще никогда не было. И тѣни забытаго; тѣни пережитого выходятъ изъ угловъ безъ шороха, плавно, безъ злыхъ улыбокъ, съ одной заботой—не нару-

шить ей забытья. Приложивъ палецъ къ блѣднымъ губамъ, онѣ киваютъ мнѣ украдкой, не смѣя спросить вслухъ:

— Спять ли она? Этотъ моментъ ея жизни—самый большой. Это кризисъ ея болѣзни. Завтра она можетъ умереть или проснуться для новой жизни. Ты готовъ?

Я улыбаюсь имъ снисходительно:

— Готовъ ли я? Вы видите.

Я наклоняюсь къ Машѣ и говорю тихо:

— Ты спишь?

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ она едва слышнымъ шопотомъ. — Теперь нужна еще сказка, послѣдняя...

— Я расскажу тебѣ о моихъ призракахъ... Нѣтъ, не открывай глазъ; такъ ты увидишь ихъ лучше.

Призраки.

Въ ихъ толпѣ, Маша, нѣтъ постороннихъ; все это — близкіе намъ, которыхъ мы встрѣчали на пути жизни, о которыхъ не забыли, которые сами хотятъ напомнить намъ о себѣ. Когда наша мысль не отвлечена стукомъ колесъ по мостовой, шагами толпы людей, крикомъ спорящихъ, когда мы одиноки, — ихъ тѣни выходятъ изъ угловъ, изъ книжныхъ полокъ, изъ рамъ портретовъ, изъ пачки писемъ, лежащей на днѣ ящика. Онѣ тянутся къ вамъ отовсюду, сначала пугливыя и тревожныя, послѣ увѣренныя, иногда грозныя. Онѣ говорятъ о многомъ, но смыслъ ихъ рѣчи одинъ, и однимъ послѣднимъ вопросомъ онѣ заканчиваютъ свой шопотъ: вопросомъ о томъ, нашель ли кто-нибудь истину о жизни, или правда, что все неразрѣσιμο? Отвѣта не бываетъ никогда, и потому онѣ всегда печальны. Многія изъ нихъ всегда плачутъ.

Ты хочешь знать, кто та блѣдная женщина, что прижалась къ ручкѣ кресла и смотритъ такъ пугливо? Я зналъ ее очень молодой; въ то время она не хотѣла знать, что такое страхъ. Она умѣла стрѣлять изъ ружья лучше многихъ мужчинъ и однажды при мнѣ бросилась удержатъ за поводья испугавшуюся и понесшую лошадь. У нея было меньше силъ въ рукахъ, чѣмъ рѣшительности, и эта попытка не прошла для нея безнаказанно;

она сильно разбилась. На больничной койкѣ она смѣялась, и, выльчавшись, не стала опасливѣе. Однажды властные люди убили ея молодого друга. Тогда она пошла и убила того, кто лодни-саль его смертный приговоръ. Чѣмъ могла она больше доказать свою любовь? Ее также отняли у жизни.. И вотъ—ты видишь—она, такая смѣлая при жизни, пугливо смотритъ въ темноту и шепчетъ безкровными губами: „была ли я права? Любила ли какъ нужно? Кто мнѣ отвѣтитъ?“

Въ той же робкой кучкѣ призраковъ ты видишь другую; и зналъ и ее, какъ зналъ всѣхъ. Она хотѣла жить только искусствомъ. На ея пути понался человекъ, который сказалъ ей, что любить ее и не стѣснить ея свободы; даже больше: рядомъ съ нимъ, обезпеченная и не обязанная никому, она сможетъ жить только для себя и для искусства. Онъ не обманулъ ея; но она полюбила его, полюбила своего ребенка, бросила живопись и стала доброй и пѣжной женой. Однажды, подойди къ зеркалу, она замѣтила первый сѣдой волосъ. Тогда она прошла въ дѣтскую, гдѣ стояли три кровати и за столомъ рисовалъ ея старшій сынъ. Его рисунокъ былъ еще совсѣмъ дѣтскимъ: рядъ падающихъ на бокъ домиковъ и дерево съ симметрическими вѣтками. Мальчикъ спросилъ мать:

— Тебѣ нравится эта картина?

— Да,—отвѣтила—она, но ее нужно раскрасить.

Взявъ коробочку дѣтскихъ красокъ, она сдѣлала небо лазурнымъ и зазеленила дерево. Краски она разводила своими слезами.

— Почему ты плачешь?—спросилъ мальчикъ.—Мама, почему у тебя глазки испугались?

Она не отвѣтила, но съ тѣхъ поръ приходила каждый день въ дѣтскую рисовать съ сыномъ. Она подарила ему свой старый ящикъ и свои кисти. Глаза ея навсегда остались испуганными.

Маниа, въ этой толпѣ вечернихъ тѣней есть много молодыхъ и старыхъ, смотрящихъ съ гордымъ укоромъ. Маша, это—неотмщенныя. Одинъ изъ нихъ былъ моимъ близкимъ другомъ. Онъ былъ убитъ, Маша, убитъ на улицѣ шальной пулей опоенныхъ водкой темныхъ людей. Мы, его друзья, поклялись отомстить за него. Мы поклялись каждый себѣ, и всѣ измѣнили слову. Когда мы собрались вмѣстѣ, то не могли упрекать другъ друга, такъ какъ равно всѣ были измѣнниками слову. Насъ было много, всѣ

насъ считали честными, и мы рѣшили, что это единодушнѣе измѣны симааетъ вину со всѣхъ. Мы очень обрадовались этому рѣшенію и съ тѣхъ поръ гордо подымали голову передъ тѣми, чей компромиссъ былъ единоличнымъ. Когда призракъ убитаго друга впервые явился ко мнѣ, я встрѣтилъ его спокойно и сказалъ ему:

— Но ты знаешь, что это было общимъ рѣшеніемъ?

Онъ отвѣтилъ:

— Я былъ близокъ только съ тобой. Впрочемъ, ты правъ: это не было вопросомъ личной близости, но вопросомъ общаго дѣла. Итакъ—вы всѣ измѣнники! Ты—лишь первый среди равныхъ.

Затѣмъ онъ схватился за голову блѣдными, безкровными пальцами и простооналъ:

— Значитъ, моя жертва была напрасной?

Маша, этотъ вопросъ никогда уже послѣ не покидалъ его устъ! Съ нашей первой встрѣчи онъ не произносилъ иныхъ словъ. Но однажды онъ явился ко мнѣ, ведя подъ руку другую тѣнь, одинъ видъ которой заставлялъ меня отшатнуться.

— Затѣмъ ты привелъ его?—спросилъ я.

Онъ отвѣтилъ, смѣясь:

— Это мой новый другъ; ты его знаешь?

— Знаю ли я его? Конечно, знаю! Этотъ человекъ меня оклеветалъ и предалъ, прикрывшись плащомъ принципіальности: его душа—душа предателя!

— Такъ что жъ изъ этого?—стыдила тѣнь неостмщеннаго.—Развѣ другъ и предатель не одно и то же?

Тамъ, въ толпѣ неостмченныхъ, есть много, бывшихъ мнѣ друзьями. Когда погибъ первый,—я рыдалъ и готовъ былъ лишиться себя жизни. Смерть второго дала мнѣ много минутъ печали. О третьемъ до меня доцеслись путанные слухи, но мнѣ некогда было ихъ провѣрить; а позже забыть. Каждую дальнѣйшую гибель моихъ друзей, молодыхъ, сильныхъ, честныхъ и смѣлыхъ, я встрѣчалъ горькой усмѣшкой: «и онъ?»; и тотчасъ же забывалъ. Тамъ, глубоко въ сердцѣ откладывалась горечь, но его наружная оболочка твердѣла и становилась непроницаемѣе.

— Такъ лучше!—думалъ я;—нельзя плакать о всѣхъ съ той же горечью!

И я перестать плакать совершенно. И я раздражаюсь, слышая вопли и крики о мщеніи другихъ, дѣлавшихъ не больше меня, но укорявшихъ меня въ безсердечіи. И понять, что они—фигляры и неврастеники.

Не всё эти призраки — тѣни умершихъ. Среди нихъ много живыхъ. Но ты не различаешь живущихъ отъ мертвыхъ. Тѣ, что умерли, знаютъ о жизни не больше тѣхъ, что живы, и не завидуютъ имъ. Въ этой толпѣ призраковъ жизнь и смерть слились въ одно, и все слилось въ одномъ вопросе. Все они потеряли дорогу, и все мечтаютъ только объ одномъ: о покоѣ. Но покоя они не найдутъ, пока не найдутъ рѣшенія или пока не убѣдятся, что нѣтъ отвѣта, что все въ жизни неразрѣшимо.

Одна дѣвушка сказала юношѣ:

— Будемъ жить вмѣстѣ, пока любимъ!

— Да, — отвѣтилъ онъ, — будемъ брать другъ отъ друга, пока есть, что брать! Когда мы исчерпаемъ другъ друга — мы разойдемся свободными, какъ свободными будемъ и въ нашемъ союзѣ.

И они отдали другъ другу свое первое чувство.

Тамъ, въ углу, ея дрожащая тѣнь. Спроси ее, и она расскажетъ тебѣ, какъ это было.

Было такъ. Однажды онъ вернулся домой задумчивый и сказалъ:

— Помнишь о нашемъ брачномъ условіи?

— Помню, — отвѣтила она: — мы поклялись любить другъ друга.

— Итъ, — поправилъ онъ, — мы лишь рѣшили жить вмѣстѣ, пока любимъ и пока намъ есть чѣмъ дарить другъ друга. Но вотъ теперь у насъ въ жизни уже нѣтъ больше этого обмѣна.

Она тревожно спросила:

— Тебѣ нечего брать отъ меня?

— Нечего.

— Ты не любишь меня больше?

И полюбилъ другую, — отвѣтилъ онъ честно.

Тогда она сказала:

— Значитъ, ты свободенъ. Но я не свободна! Я отдала все, ничего не оставивъ для другого. Я не исчерпала своей любви

къ тебѣ и, какъ въ первый день нашей жизни, дышу только тобой. Для меня нашъ союзъ останется вѣчнымъ!

— Но я не могу съ тобой жить!—сказала онъ ей.—Будетъ лучше, если ты меня забудешь и создашь себѣ новую жизнь. Иначе ты будешь страдать. Твое страданіе будетъ помѣхой новому счастью, къ которому я иду. Развѣ въ силахъ я перешагнуть черезъ твою горе?

Но женщина отвѣтила:

— Я не обѣщала тебѣ ни скорой измѣны, ни помощи твоему счастью съ другой! Я обѣщала тебѣ только свободу. И я говорю: ты свободенъ!

Онъ ушелъ, и она умерла. Когда онъ обнималъ свою новую подругу, то въ ихъ горячее объятіе вплеталась пара невидимыхъ блѣдныхъ рукъ, и оба они слышали голосъ умершей, которая шептала:

— Я дала ему свободу, но нашъ союзъ остался для меня нерушимымъ. Я не обѣщала помогать вашему счастью и должна быть третьей въ вашемъ бракѣ.

Тогда они разошлись, и тѣнь ихъ оставила. Но никто изъ нихъ троицъ не былъ счастливъ: ни тѣ—живые, ни тѣнь умершей.

О, Маша! Тамъ, въ толпѣ блѣдныхъ призраковъ, есть дѣтская тѣнь. То была нѣжная и веселая дѣвочка, которой жизнь улыбалась съ колыбели. Однажды она собирала цвѣты на невысокомъ обрывистомъ берегу надъ рѣкой; за ней зорко смотрѣла молодая няня. На краю обрыва, въ лучахъ солнца, стояли невидимые ангелы, которые сторожили дѣвочку лучше, чѣмъ дѣвушка, для этого приставленная. Это были ангелы юности, счастья и любви. Такъ какъ ихъ было достаточно много, то одинъ изъ нихъ полетѣлъ вдоль берега рѣки и нашелъ тамъ молодого рыбака, чинившаго сѣть. Ангелъ шепнулъ ему имя дѣвушки, и рыбакъ покорно и весело всталъ и пошелъ. Возможно, что дѣвушка ждала его прихода. Они, обнявшись, сѣли на травѣ и стали говорить о своемъ будущемъ домѣ на берегу рѣки; рыбакъ былъ ея женихомъ. Онъ говорилъ дѣловито, а она смущалась. А когда подняла голову, то увидала въ лучахъ солнца цѣлую радугу прозрачныхъ крыльевъ. Это слетѣлись всѣ ангелы, устроившіе хороводъ вокругъ влюбленной пары; ангелы юности, счастья и любви.

Въ эту минуту ребенокъ, увидавъ на краю обрыва красный, совсѣмъ дѣльный шарикъ одуванчика, весело побѣжалъ къ нему; рыхлая земля подалась, и ребенокъ, котораго уже никто не стерегъ, упалъ въ воду. У рѣчныхъ сказокъ не было договора со сказками солнца, и онѣ отказались вернуть свою добычу.

Черезъ годъ дѣвушка вышла замужъ за рыбака. Еще черезъ годъ у нихъ родился сынъ. Когда къ его глазамъ поднесли жестяную лампу, то поняли, что ребенокъ родился слѣпымъ. Онъ выросъ слабымъ, больнымъ, съ недоразвитыми членами и большой головой; онъ жилъ достаточно долго, чтобы понять, что жизнь—проклятье. Но, блуждая ощупью, онъ ни разу не упалъ съ обрыва, на которомъ стоялъ домъ его родителей, хотя ни одинъ изъ ангеловъ не оберегалъ его невѣрныхъ шаговъ, а мать втайнѣ мечтала объ его смерти.

Ты слышишь, какъ эта мертвая дѣвочка, ставшая прозрачной, спрашиваетъ у слѣпого уродца, зачѣмъ онъ лишилъ ее красоты, радости и солнца, зачѣмъ отнял у нея ангеловъ-хранителей ея дѣтства? А онъ ощупываетъ руками ея лицо и говоритъ:

— Можетъ быть, ты была красива, но я не знаю, что такое красота; я не знаю и солнца, не знаю и радости. Ангеловъ я не видалъ, и думаю, что ихъ нѣтъ.

У дѣвочки былъ отецъ. Когда она упала въ воду, онъ былъ безутѣшенъ и хотѣлъ кончить свою жизнь въ той же рѣкѣ. Горя, сильнѣе его горя никто не испыталъ.

Между тѣмъ она не была его родной дочерью. У него была и родная дочь, которой онъ не любилъ, какъ не любилъ и ея матери. Любилъ онъ только память о матери упавшаго въ воду ребенка, которая никогда не была ни его женой, ни его подругой. И всѣ они были несчастны, хотя ничто не мѣшало имъ устроить свое счастье; но они не знали, какимъ путемъ идти къ нему. Они блуждали по свѣту, ища другъ друга и спотыкаясь на пути. Каждый разъ, какъ одному изъ нихъ удавалось, наконецъ, найти другого,—онъ убѣгалъ въ страхѣ, боясь новаго горя отъ встрѣчи. Затѣмъ онъ начиналъ искать его снова. Тѣни ихъ встрѣчаются только здѣсь, Маша, но здѣсь онѣ не видятъ другъ друга.

Хочешь ты знать, зачѣмъ приходятъ сюда эти призраки? Они ищутъ человѣка, который оказалъ бы имъ вниманіе и от-

вѣтили бы на ихъ вопросы. Люди, занятые дневными заботами, не замѣчаютъ ихъ и не говорятъ съ ними. Только съ тѣми, кому, какъ и имъ, знакомы сомнѣнія, — только съ тѣми они могутъ вступать въ разговоръ, всегда безплодный и безуспѣшный.

Со мной, Маша, они неразлучны. Поминишь, какъ мы сидѣли на берегу моря и я говорилъ тебѣ про волну? Эти призраки также окружали насъ. Они шептали тогда другъ другу:

— Неужели и она будетъ обманута?

И многіе отвѣчали:

— Да, и она!

Другіе прибавили:

— Онъ откроетъ ей это. Онъ жалѣеть.

— Онъ любить ее послѣдней любовью, — шептали третьи. —

Но онъ знаетъ, что это неразрѣшимо.

Маша, не нужно вѣрить имъ на слово, этимъ призракамъ. Вѣдь ихъ рождаетъ наше воображеніе, а оно обманчиво! Только той женщиной, съ сѣдыми бровями и молодыми глазами, можно вѣрить, хотя она всегда говоритъ разное; это — жизнь. Съ нею мы въ договорѣ. Она готовитъ мнѣ бѣлую комнату для новой жизни и новыхъ думъ, не связанныхъ съ прошлымъ. Въ бѣлую комнату нѣтъ доступа тѣнямъ; тамъ всегда свѣтло. Тамъ нѣтъ вопросовъ, и потому не нужны рѣшенія.

Но глухому, печенному лѣсу пробирался человѣкъ, несшии за плечами огромную, тяжелую связку хвороста; онъ собралъ его для топки очага въ своемъ домѣ на опушкѣ лѣса. Вѣтви деревьевъ мѣшали ему пройти, цѣпляясь за одежду, больно параная лицо и руки, сбрасывая съ его плечъ съ такимъ трудомъ собранное имъ топливо. Человѣкъ изнемогалъ отъ усталости и не узнавалъ дороги.

Но вотъ онъ подумалъ:

— Зачѣмъ я забрался за хворостомъ такъ далеко, въ самую глубь лѣса? Будетъ гораздо лучше и проще, если я брошу здѣсь свою связку и выберусь на опушку! Тамъ я найду не меньше сухихъ прутьевъ.

Онъ бросилъ свою ношу и сталъ искать прямую тропинку къ дому. Между тѣмъ уже начало темнѣть, а дороги онъ найти не могъ. Тогда онъ сказалъ себѣ:

— Будетъ проще, если я лягу на первой полянкѣ и отдохну.

Очевидно, я заблудился, и найти дорогу мнѣ не удастся. Въ сущности я не много терплю, такъ какъ собирать топливо теперь уже поздно, а отдохнувъ—и не растрочу послѣднихъ силъ.

Случилось, что черезъ лѣсъ проходили крестьяне сосѣдней деревни. Увидавъ на полянкѣ лежащаго человѣка, они подошли къ нему, и, узнавъ, что онъ сбился съ дороги, предложили идти съ ними. Они сказали:

— Мы доведемъ тебя до самаго дома!

Онъ отказался, говоря, что ему не къ чему возвращаться домой.

— Но здѣсь ты замерзнешь ночью, дома же ты можешь затопить очагъ.

— Я бросилъ въ лѣсу набранный хворостъ,—отвѣтилъ онъ.— Мнѣ нечѣмъ растопить очага.

— Значитъ, ты хочешь остаться въ лѣсу?

— Да,—отвѣтилъ онъ.

Прохожіе посмѣялись надъ его странностью и пошли своей дорогой. Въ лѣсу стало еще темнѣй.

Когда въ небѣ зажглась первая звѣзда, лежавшій на позяньчѣ человѣкъ услышалъ невдалекѣ легкіе шаги. Черезъ минуту къ нему подошла молодая дѣвушка, наклонилась надъ нимъ, и, взявъ его за руку, сказала:

— Вставай и пойдемъ домой.

— Я не могу и не хочу,—отвѣтилъ онъ.— Въ моемъ домѣ сейчасъ холодно, какъ въ могилѣ.

Дѣвушка сказала:

— Мы пойдемъ ко мнѣ; здѣсь поблизости моя хижина. Въ ней тепло, горитъ огонь, и для тебя готовы пища и отдыхъ. Я сама буду служить тебѣ. Если ты захочешь, ты останешься у меня совѣмъ, а я буду твоей вѣрной и любящей женой.

Человѣкъ радостно протянулъ къ ней руки и хотѣлъ встать. Но онъ почувствовалъ, что силы его истощены, и снова усталъ на траву. Тогда онъ сказалъ:

— Ты пришла слишкомъ поздно! Мнѣ уже не долго жить, и я не хочу дѣлать твой домъ больницей и могильнымъ склепомъ. Будетъ лучше, если я останусь одинъ лежать на этой полянкѣ...

— Маша, ты спишь?

Было на рѣдкость чудесное утро, и дорога почти не слышно убѣгала назадъ подъ колесами автомобиля. Маша наклонила голову, съ улыбкой шурясь несшейся на насъ природѣ. Иногда она повертывалась ко мнѣ и, сжимая локтемъ мою руку, спрашивала:

— Отчего мнѣ такъ хорошо съ вами? А, главное, такъ спокойно-спокойно!

И также радовался молодому солнцу и яснымъ далямъ кампани. Мы приближались къ горамъ. Было прохладно, и мѣховая шапочка Маши была очень кстати.

Каскадъ водяной массы вырывался изъ трехъ отверстій наверху и летѣлъ мимо насъ съ такой оглушительной быстротой что нельзя было отличить воды отъ пѣны. Словъ почти не было, слышно, и значеніе ихъ приходилось угадывать по движенію губъ. Мы стояли на легкомъ мостикѣ нижней площадки и смотрѣли, какъ стелются по руслу ручья и высокой травѣ облака водяной пыли.

— Не страшно, Маша, голова не кружится?

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—но какъ красиво! Я никогда не думала, что можетъ быть такъ красиво!

— Красивѣе, чѣмъ было на морѣ?

— Не знаю... Тамъ было совсѣмъ другое. Здѣсь красота какая-то оглушающая, отъ которой не успѣваешь вспомниться.

— Мы съ моремъ ревнуемъ васъ къ водонаду, Маша!—прокричалъ я.

— Что?—не разслышала она.

И не повторилъ.

— Если хотите—пойдемъ дальше.

— Да, идемъ, а то я совершенно оглохну отъ этого шума.

Въ тихой поэтической старинной виллѣ не хочется разговаривать. Мы медленно идемъ по ея спускающимся дорожкамъ, предоставивъ глазамъ любоваться стильными уголками, бесѣдками, фонтанами; Машѣ нравятся вилла, но она ея не чувствуетъ. По разсѣянному взору Маши я вижу, что къ ней возвращаются мысли, оставленные въ городѣ. Разъ два она взглянула на меня съ вопросомъ, но не рѣшилась. Мы дошли до каменной скамейки внизу, откуда открыта панорама горъ.

— Ну, Маша, теперь говорите.

— Что?

— То, о чемъ вы думали съ самага входа въ виллу.

— Правда, я думала... Думала, зачѣмъ вы возите меня повсюду, зачѣмъ мнѣ все это показываετε? Вотъ уже недѣля, какъ мы не сидѣли на мѣстѣ и двухъ часовъ. Бродимъ по музеямъ, по церквамъ, ѣздимъ за городъ; точно я дѣйствительно пріѣхала для этихъ осмотровъ.

— Вамъ уже надоѣло, Маша?

— Нѣтъ, мнѣ пріятно, но странно какъ-то. Я этого не ожидала и не хотѣла.

— Тѣмъ лучше, если неожиданность пріятна...

-- Да, но только... я вотъ не вижу, чтобы васъ самого это такъ интересовало сейчасъ. Вы ходите со мной для меня, а не для себя. Я иногда увлекаюсь, а вы смотрите словно бы мимо всего.

— Маша, я уже видѣлъ все это не разъ. Теперь мнѣ достаточно чувствовать, не вглядываясь пристально.

— Можеть быть, и такъ...

Мы молчимъ.

У входа Маша останавливается.

— Андрей Дмитричъ, я хочу уѣхать!

— Хорошо, Маша, мы сейчасъ поѣдемъ.

Я отвѣчаю ей, будто бы не понялъ; но я понялъ! Я знаю, что сейчасъ Маша скажетъ:

— Нѣтъ, совсѣмъ уѣхать! Мнѣ пора вернуться домой, къ мамѣ въ Россію. Вѣдь пора? Вѣдь нужно? Скажите?

Въ боковомъ карманѣ у меня револьверъ. Я мысленно вынимаю его, прикладываю прямо къ сердцу и нажимаю курокъ. Пуля пронзаетъ сердце. Я спокойно и тепло говорю Машѣ:

— Милый другъ, я знаю, что это нужно, и я готовъ къ этому! Но вы, Маша, готовы ли? Вы уѣдете спокойно?

— Что значитъ спокойно? Мнѣ тяжело и больно разстаться съ вами. Но мы все равно разстанемся. Вѣдь мы разстанемся? А тогда—лучше скорѣй!

Но, взглянувъ на меня, она прибавляетъ:

— Ну, родной, вы не должны тосковать по мнѣ; вы такой сильный! А мнѣ тоже будетъ хорошо. Только тоже погрущу, можеть быть, поплачу... Я рада ѣхать къ мамѣ, я такъ научи-

лась цѣнить ее за этотъ годъ! А у васъ никого нѣтъ, кто бы васъ утѣшилъ?

— У меня, Маша? Да, у меня тоже есть старушка, старушка жизнь. У нея сѣдыя бубли и добрый, разсудительный голосъ. Она замѣняетъ мнѣ мать.

Маша гладитъ мнѣ руку и говоритъ:

— Бѣдный мой... И еще всегда помните, что у васъ есть Маша, хоть и далеко. Она любитъ васъ и никогда, никогда не забудеть!

Я вынимаю изъ груди прострѣленное сердце, подаю его Машѣ и кричу ей:

— Возьми его, согрѣй его, верни ему жизнь!

Но нѣтъ, я лишь говорю ей немного взволнованнымъ голосомъ:

— Спасибо вамъ, моя родная дѣвочка!

Сжимаю руку:

— Сядемъ же, поѣдемъ домой. А тамъ... будемъ жить. Эхъ, Маша, давайте быть мужчинами!

Тихо выевождая руку, Маша говоритъ, какъ бы что-то обдумывая:

— Хорошо, я попробую.

Мы почти не говоримъ дорогой. Мелькаютъ поля, скудные кустики, остатки акведуковъ и гробницъ. Пылью, духотой и грохотомъ встрѣчаетъ насъ городъ.

На-завтра она говоритъ мнѣ дома:

— Ахъ, пережить все можно! Но почему, почему я больше не вѣрю вамъ такъ, какъ вѣрила раньше? Вы были для меня святымъ, вы для меня всѣмъ были, всѣмъ, что мнѣ дорого на свѣтѣ!

Шепчетъ мнѣ мой двойникъ:

— Скажи, что ты не любишь ее! Вѣдь это правда!

Но это неправда, и я молчу. Развѣ я знаю, что отвѣтить? И развѣ отвѣтъ возможенъ?

— Вѣрила и любви вашей, вѣрила и вашимъ сказкамъ. И у меня есть призраки. Вы были моимъ неотступнымъ призракомъ. Ахъ, какъ мнѣ стыдно! Что я скажу мамѣ, когда вернусь?

Что я люблю васъ попрежнему? Но это неправда. Моя прежняя красивая, поэтическая любовь стала только болѣзнию. Я словно бы осмѣяна, словно грубо оттолкнута!

Маша продолжаетъ, попрежнему не глядя на меня.

— А между тѣмъ все случилось такъ, какъ я и ждала. Вѣрнѣе—не случилось ничего! Приѣхала, посмотрѣла городъ и окрестности; теперь уѣзжаю обратно. Хотѣла видѣть васъ—видѣла. Развѣ я мечтала о большемъ? Вы думаете, что я о большемъ мечтала? Быть можетъ, мечтала разжалобить васъ? Замужъ за васъ выйти? Почему вы не отвѣчаете?

— Маша, я не отвѣчаю потому, что не могу ничего отвѣтить. Вѣдь это не вы говорите, а въ васъ что-то говорить.

Маша продолжаетъ тѣмъ же тономъ:

— Маленькой дѣвочкѣ пора ѣхать къ мамѣ. Мама утѣшить, мама успокоить. Мама скажетъ: привыкнешь, забудешь. Ахъ, мама, если бы ты знала!

Теперь я пристально, не отводя глазъ, смотрю на портретъ ребенка, повѣшенный на стѣну въ день приѣзда Маши. У этого ребенка также нѣтъ отца; но мать есть и у него. Какое счастье имѣть мать!

Маша ловитъ мой взглядъ и глубоко задумывается. Она не поняла его. Но все равно. Лишь бы нашла другое русло ея заблудившаяся мысль.

Спускается вечеръ. Она хотѣла уѣхать сегодня вечеромъ, но не уѣдетъ. Она будетъ проситься и настаивать, но я не отпущу ея. Такъ мы не разстанемся. Ложь это или правда, но мы разстанемся хорошими и грустными друзьями. Сегодня наше примиреніе—а оно будетъ—не будетъ прочнымъ. Завтра—да! Быть можетъ, завтра Маша уѣдетъ. И все будетъ кончено.

Теперь она устала. Я подхожу къ ней, сажусь близко рядомъ, отнимаю отъ лица мокрая отъ слезъ руки, цѣлую маленькіе пальцы.

— Простите,—шепчетъ она.—Ахъ, простите меня! Я знаю, что я гадкая. Я вѣдь все понимаю! Подождите, успокоюсь. Можно мнѣ не ѣхать сегодня?

— Сегодня вы не поѣдете, Маша. Я уже рѣшилъ это. Ничего, что я рѣшилъ за васъ?

— Да, спасибо. Трудно вамъ возиться со мной?

— Съ собой труднѣе, Маша. Знаете, вѣдь я очень страдаю! И люблю я васъ, и жаль мнѣ васъ, маленькую заметную птичку, и одинокъ я какъ-то.

— Милый, не грустите! Можно мнѣ всегда любить васъ? Вамъ будетъ тогда легче? Это ничего, что мы будемъ далеко другъ отъ друга; душой будемъ близки. Согласны?

— Согласенъ,—улыбаюсь я.

— Ну вотъ, наконецъ, улынулись! Слушайте, сегодня послѣдній вечеръ. Я хочу провести его безъ тяжелыхъ мыслей. Можно намъ пойти куда-нибудь въ театръ или поужинать? Чтобы были люди, но не очень шумно. Потомъ вернемся домой, не слишкомъ поздно, и посидимъ, какъ въ первый вечеръ, пока я не захочу спать. Я захочу скоро!

— Да, Маша, конечно!

— И мы для разлуки выпьемъ немножко вина, бѣлаго и сладкаго. Побалуйте меня въ послѣдній разъ. Ахъ, какъ я люблю васъ! И правда, можетъ быть, лучше, что мы расстаемся. Больше любить я не могла бы; и лучше любить тоже не въ силахъ. Ну, подыматься?

— Да, подымайтесь, Маша, идемъ кутить!

.....

Унесу ли я *туда* память объ этомъ тихомъ, спокойномъ вечерѣ, о нашей прогулкѣ, о двухъ послѣднихъ, слишкомъ короткихъ часахъ, проведенныхъ въ моемъ кабинетѣ при спущенномъ абажурѣ лампы? Или и эти часы я долженъ буду погасить въ памяти, уходя въ мое уединеніе? Развѣ они мѣшаютъ моему покою? Развѣ сами они не были высшимъ покоемъ и счастьемъ?

Въ ту ночь я не спалъ. Но призраковъ больше не было; они исчезли. Полный торжественной радости я лежалъ съ открытыми глазами, всматриваясь въ спокойную темноту ночи. И губы мои беззвучно шептали слово, обѣщанное старушкой жизнью:

— Рах!

За ночью родился день. Въ этотъ день уѣхала Маша.

Въ темной аллеѣ осыпаются осенніе листья, желтые, твердые; шумять подъ шагами.

— Листья осени? Листья осенніе? Неужели ушло все, кромѣ призраковъ?

Листья осенніе падаютъ съ легкимъ шорохомъ, шумять подъ шагами, шелестомъ отвѣчаютъ.

— Тише, тише... Ушло, ушло все, кромѣ призраковъ; все ушло въ прошлое!

— Чѣмъ же жить? И зачѣмъ?

— Тише, тише, не нужно стоновъ, живи въ мірѣ призраковъ, слушай шопотъ прошлаго!

Падаютъ мертвые осенніе листья, твердые, хрупкіе. Ими усыпана аллея. Тихо, если бы не ихъ шелестъ. Шорохи осени, образы грустные и тревожные... О, скучно мнѣ! Я такъ полонъ пережитого! Я такъ полонъ памятью о тебѣ, моя родная, моя родная Маша, о тебѣ и о Россіи. Ты и Россія слились для меня въ одно цѣлое, въ одну грустную повѣсть, въ послѣднюю, самую грустную повѣсть дней моихъ. Вы, листья живые, еще не упавшіе безжизненно на дорогу, не смѣйтесь надъ моимъ стономъ! Не смѣйтесь этимъ словамъ! Они идутъ изъ сердца. Они рождены въ такой глубокой одинокой грусти, какой вы не знали. Я плачу вслухъ,—ну что же! Но вѣдь я такъ много, такъ много, еще молодымъ, и слишкомъ много уже старымъ, глухо рыдалъ въ подушки, прячась отъ всѣхъ. Теперь я несу мою послѣднюю грусть въ осеннюю аллею, чтобы рассказать ее осеннимъ листьямъ. Это такъ естественно, такъ уместно осенью! Надъ чѣмъ же смѣяться? Надъ моей старостью? Или надъ тѣмъ, что я не сумѣлъ смолчать еще дольше, до самой смерти? Ахъ, позвольте мнѣ быть самимъ собой, безъ этой маски, которою мы прикрываемъ въ жизни всѣ наши переживанія! Плачу—ну что жъ! Все равно! Это послѣдняя, самая послѣдняя повѣсть дней моихъ. И самая простая.

Тамъ, за рубежомъ, подъ слоями опавшихъ листьевъ, зарождается новая жизнь, которой участникомъ мнѣ не быть. Съ чѣмъ пойду я къ нимъ, молодымъ возвѣстникамъ новаго солнца? Со старыми словами? Съ опытомъ жизни, ея не оправдавшимъ? Съ именами мертвыхъ героевъ, мнѣ дорогихъ и памятныхъ—ими забытыхъ? И что скажу я имъ? Что наши жертвы были

напрасны, что наша любовь дала имъ только горе, и никому не дала радости? Но вѣдь все это они знаютъ, и знаютъ гораздо большее!

Нѣтъ, я не вернусь въ Россію! Мнѣ поздно переучиваться. Могу ли я свою посѣдѣвшую голову склонить надъ ихъ книгами, созданными перомъ юности и смѣлой надежды? И затѣмъ... Затѣмъ мнѣ жалко оставить здѣсь мою грусть и эту аллею. Я такъ сжилъ съ ними и такъ многимъ имъ обязанъ.

Былъ человѣкъ, который вѣрилъ, умѣлъ любить и ненавидѣть. Свой рай онъ хотѣлъ создать себѣ на землѣ. Онъ отказался отъ многого, чтобы добыть большее себѣ и другимъ. Онъ разбилъ свою семью, очарованный далекимъ миражемъ, онъ оттолкнулъ любовь простую, увлекшись прекраснымъ призракомъ вѣчно рождающейся и безсмертной волны, сквозь пѣну которой радугой играло солнце.

Былъ человѣкъ, который никогда не могъ забыть того, что самъ онъ отвергъ небрежно, въ чемъ онъ давно развѣрился. И онъ, утративъ прежнее и родное, не могъ создать себѣ новой жизни въ чужой, свободной странѣ. Онъ окружилъ себя страшными призраками, стѣснявшими его волю. Но онъ любилъ лишь ихъ, эти призраки; и въ жертву имъ готовъ былъ принести все.

Былъ человѣкъ, къ которому изъ брошеннаго имъ міра пришла добрая фея. Она звала его назадъ, она обѣщала ему вернуть все, что онъ любилъ, ради чего стоитъ жить. Но она пришла слишкомъ поздно. Посланецъ брошеннаго міра, она была отвергнута, но не забыта. Нѣтъ, не забыта! И съ той поры ея образъ сталъ для него образомъ родины, такой же далекой, такой же отвергнутой его гордостью.

Зачѣмъ я не молодъ! И зачѣмъ такъ изломанъ! Маша, Маша, зачѣмъ я не молодъ? И зачѣмъ я такъ рано былъ испуганъ жизнью!

Чудесны грустныя сказки вечера въ темной аллеѣ. И пурпуръ осени пышенъ и прекрасенъ. А я утра хочу, молочнаго разсвѣта, свѣжаго вѣтра въ полѣ, не просохшемъ отъ росы. Зачѣмъ я не молодъ, Маша!

Помню, раннимъ лѣтомъ въ Россіи я вставалъ до свѣта и шелъ къ рѣкѣ. Никого нѣтъ, и солнце лишь будетъ. Выпрям-

лялся, поднималъ руки къ небу, алому отъ зари, закидывалъ голову и, дрожа отъ прохлады, говорилъ громко рыбамъ и камышу:

— Эхъ, славно, взойди мое солнце!

Садился въ лодку, стараясь не плескать весломъ, чтобы не разрушить обаянія рѣки. Потомъ, ставъ въ камышахъ, бросалъ легкую удочку, чтобы поймать живца для приманки хищниковъ. Ждать не приходилось; въ рукахъ монхъ билась тонкая серебряная рыбка съ испуганными глазами. И капелька алой крови у жабръ. Жестоко это!

Хочешь выпущу тебя на волю, моя рыбка? Я тебя выпущу, а ты... верни мнѣ молодость, верни мнѣ тѣ дни, когда я тянулся къ солнцу съ утреннимъ привѣтомъ!

.....

Довольно. Я уже сказала: на прошломъ поставленъ крестъ. Я ушелъ сюда не затѣмъ, чтобы вызывать забытыя тѣни. Пусть мысль летитъ впередъ, и не догнать ея мыслямъ вчерашнимъ. Онѣ уже затерялись; уже свершенъ ихъ путь, хоть цѣль и не достигнута.

Летѣли двѣ ласточки подъ самымъ куполомъ неба. Та, что летѣла впереди, кричала той, что отставала:

— Впередъ, слѣшимъ, летимъ къ теплу!

— Я устала,—отвѣчала усталая птичка.

— Летимъ къ теплу, къ свободѣ!—убѣждала первая.—Каждая потерянная минута—потерянный кусочекъ счастья и радости.

— Я устала,—отвѣчала усталая птичка.

Странно видѣть лавры, оливы и камели, одѣтые снѣгомъ. Если вы хотите, чтобы васъ любили, вдѣньте въ петлицу, идя на первое свиданіе, цвѣтокъ бѣлой камели. Нѣтъ, правда, это примѣта! Любовь такъ же холодна, какъ этотъ цвѣтокъ. Когда она отцвѣтаетъ, то дѣлается вялой и грязной.

Снѣгъ лежитъ и на пышныхъ махровыхъ кустахъ хризантемъ. Однажды двѣ мои большія пріятельницы принесли мнѣ въ день рожденія огромный букетъ хризантемъ. Меня тронула ихъ нѣжная память. Я имъ сказала:

— Это мой любимый цвѣтокъ! Какъ вы угадали?

Когда онѣ ушли, и дверь за нимъ захлопнулась, я крикнулъ въ догонку, зная, что онѣ уже не услышать:

— Спросите цвѣточника, для чего онъ заготовилъ такъ много этихъ чудесныхъ букетовъ? Развѣ вы не знали, что сейчасъ педѣля поминанія мертвыхъ?

Снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ лежитъ повсюду. Завтра онъ стаетъ, такъ какъ онъ—рѣдкій гость въ этомъ благодатномъ краѣ, гдѣ цвѣты въ саду не боятся зимы. Чѣмъ такъ красивъ снѣгъ? Тѣмъ, что онъ бѣлъ, и тѣмъ, что онъ холоденъ. Возможно, что онъ выпалъ сегодня для многихъ; но, конечно, и для меня! Думы мои, сказки мои, цвѣты души моей закрылъ онъ бѣлой пеленой, и мои мечты, и мои воспоминанья.

Какъ темна сегодня вода въ бассейнѣ; но пѣна его струи бѣла почти такъ же, какъ снѣгъ. И какая тишина! Если я услышалъ бы сейчасъ стонъ,—мнѣ кажется, что мое сердце разорвалось бы. Ну полно, полно, вѣдь все спокойно! Еще никогда не было все такъ спокойно.

Снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ падаетъ частыми хлопьями, ложится на плечи, дышетъ прохладой и забвеніемъ. Какъ онъ чистъ! Его чистоты не съ чѣмъ сравнить. Про все другое можно сказать: оно бѣло и чисто, какъ снѣгъ. И уже ярче и яснѣе нельзя выразить чистоты!

Солнца сегодня нѣтъ. Если оно вернется завтра, вмѣстѣ съ пробудившимся утромъ, оно застанетъ и меня пробудившимся. Мой домъ на откосѣ; вмѣстѣ съ мысомъ онъ выступаетъ въ море. Моя комната въ два свѣта. И въ каждое окно я вижу только море и небо. Стѣны моей комнаты бѣлы и чисты. Я хотѣлъ бы, чтобы онѣ были бѣлы и чисты, какъ снѣгъ.

И бѣлый листъ бумаги на моемъ столѣ. Онъ приготовленъ для новыхъ думъ, не связанныхъ съ прошлымъ. Но зачѣмъ ему знать мои новыя мысли? Зачѣмъ вамъ знать ихъ? Онъ лежитъ уже давно. Ни одна первая буква не посягнула на его безпорочную чистоту. Въ свой новый бѣлый храмъ я не внесу и этой послѣдней страницы, платящей дань призракамъ прошлаго.

Ибо ея—кончены повѣсти дней моихъ.
